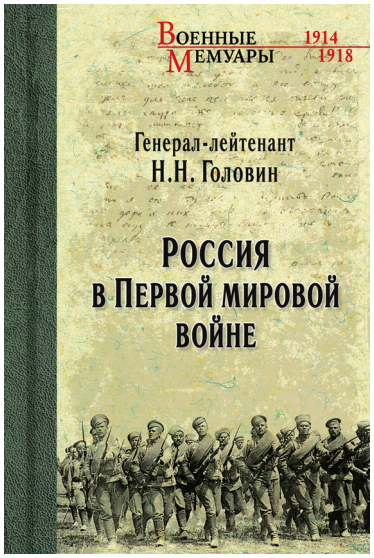
Военные мемуары
1914 1918
Генерал-лейтенант
Н.Н. Головин
Россия
в Первой мировой
войне

Николай Николаевич Головин

Россия в Первой мировой войне

Серия «Военные мемуары (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653660
Николай Головин. Россия в Первой мировой войне: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-1667-9, 978-5-4444-8118-9

Аннотация

История Первой мировой войны в отечественной и зарубежной литературе в основном представлена работами, анализирующими преимущественно военно-политическую, стратегическую, оперативно-тактическую и социально-экономическую составляющие. Социологическая и социально-психологическая сторона проблемы, связанная с изучением войны как социального явления, оставалась, как правило, вне поля зрения исследователей. А между тем сущность причин, по которым Россия по окончании Первой мировой войны не оказалась ни в лагере победителей, ни в стане побежденных, лежит именно в области анализа ее «живой силы» – психического состояния и социального самочувствия военнослужащих на фронте и гражданского населения в тылу.

Этот пробел во многом восполняется фундаментальной работой, принадлежащей перу русского военного теоретика Николая Николаевича Головина (1875–1944).

Содержание

Генерал Головин и его книга 5
Предисловие 10
Глава первая 12
Устав 1874 года и его предшественники 13
Территориальное распределение тягот воинской службы 15
Сроки службы 17
Сравнение с германским законом 19
Распределение тягот воинской службы по возрастам 21
Казачьи уставы о воинской службе 24
Военный министр генерал В. А. Сухомлинов 27
Глава вторая 30
Оценка способности России к напряжению «людьми» 31
Льготы по семейному положению 33
Изменения, внесенные в устав 1874 года 35
Физическая годность призываемых 38
Льготы по образованию 41
Закон 1912 года 45
Глава третья 48
«Дешевизна» 49
Экономия и артиллерийское вооружение 52
Недостаточность железных дорог 54
Ограниченность доступов к морю 59
Несостоятельность расчетов мирного времени 60
Слабость военной промышленности 63
Попытки реформ 66
Отсутствие прочной веры в военную науку 68
Глава четвертая 70
Призывы 71
Распределение призывов по возрастам 81
Территориальное распределение тяготы призывов 83
«Мираж» многолюдья 85
Пополнение действующей армии ратниками II разряда 87
Речь члена государственной думы А. И. Шингарева 89
Доклад особого совещания о приближающемся исчерпании людского запаса 93
Письмо военного министра генерала Шуваева 101
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Николай Головин
Россия в Первой мировой войне

© Головин Н. Н., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

Генерал Головин и его книга

Имя генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944) мало о чем говорит не искушенному в военных вопросах читателю. А между тем в истории русской военной мысли XX века оно занимает далеко не последнее место благодаря не столько обширному научному наследию, сколько делу всей его жизни – Высшим военно-научным курсам в Париже. Головин приблизил учебную программу курсов к программе знаменитой Николаевской академии Генерального штаба. Необычность всего предприятия состояла в том, что впервые в мировой практике национальная военная академия возникла и начала работу в иностранном государстве. У подобного феномена, разумеется, была и своя предыстория, о которой мы и расскажем в самых общих чертах.

Случилось так, что после поражения в Гражданской войне 1917–1922 годов многочисленная Русская армия под командованием генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля оказалась в рассеянии и сотни тысяч русских военнослужащих вынужденно находились сначала в галлиполийских лагерях, а затем понемногу стали разъезжаться по балканским странам. Даже побежденная армия продолжала оставаться серьезным военным ресурсом, и ее вожди и основатели были убеждены в том, что с падением в России большевистского режима эта часть русской военной силы в изгнании должна будет влиться в новые национальные вооруженные силы, станет прочной основой для новой армии. Военная наука европейских стран в то время не стояла на месте, усиленно делая попытки осмыслить опыт недавней Великой войны 1914–1918 годов и на основании сделанных заключений и выводов реформировать армии и военную политику в целом.

В 1920-е годы в России не существовало благоприятного политического климата для объективного и не политизированного изучения действий российской армии в мировой войне и попытки такого рода жестко пресекались правительством, будучи по недалекости ума объявленными «реакционными» и «буржуазными». В СССР существовала Красная армия, и в ее истории не было такой вехи, как Великая война, а следовательно, и военная наука должна была начинаться с чистого листа, с официально утвержденной даты – 23 февраля 1918 года.

В эмиграции, напротив, оказалось значительное количество военных ученых, чей боевой и научный потенциал настойчиво требовал своевременного осмысления и обобщения, а главное, мог быть передан в лучших традициях российской императорской армии молодому поколению офицеров. Их боевой опыт в большинстве своем исчерпывался лишь участием в Гражданской войне. В 1920–1927 годах в изданиях русской зарубежной военной периодики, и прежде всего в белградском «Военном сборнике», были опубликованы многочисленные научные статьи и монографии по проблемам стратегии, тактики, истории военного искусства. Руководитель Русской армии в рассеянии барон Врангель задолго до своей безвременной кончины, последовавшей в апреле 1928 года, стал задумываться о подготовке и образовании молодых военных кадров, на которые он возлагал особые надежды, справедливо считая их наследниками славных боевых традиций императорской армии. В эмиграции в силу заботы о хлебе насущном большинство чинов армии были заняты на самых различных работах (от строительства автомобильных дорог и добычи угля до активного участия в разработке сложных инженерных проектов во многих отраслях промышленности) и потому основной формой обучения являлись кружки самообразования. Именно в те годы Николай Николаевич Головин являлся руководителем кружков высшего военного самообразования в Королевстве СХС, Болгарии, Чехословакии и Франции.

Однажды барон Врангель обратился к Головину с просьбой о том, чтобы тот представил ему соображения по созданию системы военного образования, пригодной для препо-

давания в условиях почти полной занятости потенциальных учеников, которая смогла бы успешно сочетать необременительность обучения с основательностью и глубиной настоящей академической школы. Врангель предложил генералу попытаться собрать существующий фактический материал о Великой войне, благо в военной среде русского зарубежья было немало непосредственных участников и свидетелей, и, проанализировав его, фрагментарно включить его в тематические лекции по стратегии, тактике и другим дисциплинам. Выбор бывшего Главнокомандующего Русской армией пал на Головина еще и потому, что генерал уже тогда являлся официальным представителем Гуверовского института войны, революции и мира в Европе, занимался сбором документов и материалов по истории российской эмиграции. Кроме того, генерал уже читал курсы лекций по военной истории в Военной академии в Вашингтоне, в Высшей военной школе и Институте славянских исследований Парижа. Поначалу Головин отказывался, ссылаясь на необходимость дальнейшего сбора данных по истории мировой войны и, в частности, участия в ней Российской империи, однако при этом сама мысль Врангеля показалась ему достойной всяческого воплощения. Наряду с собственными поисками и обобщением богатейшего исторического материала Головиным проводилась работа по подбору потенциального преподавательского состава из числа бывших профессоров императорских военных академий и видных ученых, оказавшихся в изгнании.

Наконец, событие, которое так долго ждала русская военная общественность за рубежом, состоялось. 22 марта 1927 года в присутствии 200 слушателей профессор Н. Н. Головин вступительной лекцией открыл «Военно-научные курсы систематического изучения современного военного дела». Состав слушателей курсов был, в основном, однороден – бывшие офицеры, которые по окончании курсов причислялись к Российскому Генеральному штабу. Курсы работали по программам, близким к программам бывшей Императорской Николаевской военной академии (Академии Генерального штаба) и военных академий европейских государств. Успех открытых курсов превзошел все ожидания, и после открытия Курсы Головина просуществовали еще 11 с половиной лет. За это время курсы окончили свыше 400 офицеров, из которых 82 получили высшее военное образование и были награждены академическим знаком. Их своеобразные филиалы – Белградские военно-научные курсы и Русский военно-научный институт – функционировали вплоть до 1944 года и за 13 лет провели 6 выпусков. За это время на курсах обучались около 200 офицеров, из которых полный курс закончили 77 человек. Лекции, в том числе и те, что послужили основой книги «Усилия России в мировой войне», были переведены на 8 языков. Личный архив, основу которого составили научные труды Головина, был передан в 1947 г. его сыном в Гуверовский институт войны, революции и мира, где он находится и по сей день.

После Второй мировой войны в Париже энтузиастами военного дела был восстановлен «Институт по исследованию проблем войны и мира имени профессора Н. Н. Головина». Случилось это 31 октября 1951 года благодаря усилиям ближайшего соратника Н. Н. Головина по Высшим военно-научным курсам, профессора, полковника А. А. Зайцова, собравшего преподавательский коллектив из оставшихся во Франции слушателей курсов и профессоров. Под руководством полковника Зайцова, а после его кончины в 1954 году полковника А. Г. Ягубова продолжалась и деятельность другого научного заведения, существовавшего в зарубежье, – «Института по исследованию проблем войны и мира».

Предлагаемая вниманию читателя книга впервые увидела свет в Париже в 1939 году, в то самое время, когда деятельность Высших военно-научных курсов профессора Головина была в самом ее зените. Годы кропотливого труда и практической семинарской работы позволили Головину отшлифовать и систематизировать свой труд для полноценного издания в виде двух томов, содержание которого дает исчерпывающую картину предвоенной и военной жизни Русской армии во всем ее многообразии. Несмотря на серьезность темы, Головин постарался уйти от нарочитого академизма в своей работе, что делает ее легко читае-

мым и вместе с тем глубоко познавательным трудом. Многогранный педагогический талант Николая Николаевича Головина базируется и на значительном личном опыте. Иначе говоря, авторский и преподавательский успех его был обусловлен и богатейшей биографией генерала. Образование получил в Пажеском корпусе в 1894 году, куда был принят как сын генерала, имевшего известные заслуги перед Россией, продолжив учебу в Николаевской академии Генштаба в 1900-м. После Пажеского корпуса Головин вышел корнетом в лейб-гвардии конно-артиллерийскую бригаду, а после его служба продолжилась в 37-м пехотном полку и 2-й гвардейской пехотной дивизии, где он пребывал в должности старшего адъютанта штаба и командира эскадрона.

После отбытия необходимого для карьеры срока на строевых должностях Головин перевелся в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа в должности обер-офицера для особых поручений и помощника адъютанта, однако через год оказался в Варшавской крепости в должности начальника строевого отделения. В период с 1905-го по 1909 г. исполнял должность заведующего передвижением войск Петербургско-Двинского района, совмещая службу с научной деятельностью секретаря Общества ревнителей военных знаний. В 1907 г. Николай Николаевич защитил диссертацию по военной психологии, темой которой стало «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца», на звание экстраординарного профессора Николаевской академии Генерального штаба. В своей диссертации Головин одним из первых обосновал важность моральных и духовных качеств военнослужащего. В 1908–1909 годы он сочетал исполнение служебных обязанностей с педагогической деятельностью в Академии и осенью 1908 г. был откомандирован на год во Французскую Военную академию для изучения зарубежного опыта высшей военной школы. В свою бытность в Париже Николай Николаевич установил самые дружеские отношения с начальником академии генералом Ф. Фошем. По возвращении в Россию им был представлен отчет под названием «Французская высшая военная школа», в котором обосновывалась необходимость реорганизации военного обучения в России. В 1909 г. Головин защитил диссертацию на звание ординарного профессора и через год приступил к практическому осуществлению своей программы реформирования процесса обучения в академии. Проводил научные изыскания в области развития военного искусства и военной психологии. Предложения Н. Н. Головина по реорганизации учебного процесса не встретили поддержки военного министра генерала В. А. Сухомлинова и части профессоров Академии, объединившихся на почве недоброжелательности к теориям Головина, во главе с генералом А. Байовым. Конфликт профессоров привел к тому, что в начале 1914 г. молодой полковник Н. Н. Головин был отправлен на службу в качестве командира 20-го драгунского Финляндского полка в Вильманстранд.

В конце июля 1914 г. он был назначен командиром лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, во главе которого и выступил на разразившуюся к тому времени войну. За отличное командование полком Головин был вскоре произведен в генерал-майоры. После ранения и контузии в ноябре 1914 года Головин был назначен вр. и. д. генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. В мар те 1915 г. его наградили георгиевским оружием. С октября 1915 г. генерал Головин был назначен и.д. начальника штаба армии. В самом конце 1916 года за составление плана действий армии в мае 1916 года на Стрыпе его наградили орденом Св. Георгия 4-й степени. В апреле 1917 г. Головина перевели на должность и.д. начальника штаба помощника Главнокомандующего армиями Румынского фронта. Весной 1917 года он выдвигался на должность начальника Академии Генерального штаба, но этому назначению не суждено было состояться. В августе 1917 года Головин был пожалован чином генерал-лейтенанта, а в октябре того же года его перевели в распоряжение министра-председателя и Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского. После прихода к власти большевиков в октябре 1917 года, развала фронта и армии Головин еще продолжал некоторое время числиться по Гене-

ральному штабу, находясь уже в составе РККА, и состоял в распоряжении начальника Всероссийского главного штаба. В июне 1918 года Головин был отчислен как не получивший назначения и, недолго думая, выехал в Киев, уже занятый германскими войсками.

В конце года Николай Николаевич поступил в Добровольческую армию, находясь в качестве помощника бывшего командующего Румынским фронтом генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Дмитрия Григорьевича Щербачева. Сам Дмитрий Григорьевич был военным представителем русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании.

Вскоре Николай Николаевич с новой миссией выехал через Одессу в Париж, а затем и Лондон, где занял должность помощника по военным вопросам С. Сазонова – официального представителя адмирала А. В. Колчака и генерала А. И. Деникина на Версальской конференции государств – победителей в мировой войне. Находясь за границей, Головин участвовал в переговорах о предоставлении помощи белым армиям и даже встречался по этому поводу с сэром У. Черчиллем, военным министром английского правительства. Летом 1919 года принял Николай Николаевич предложение адмирала Колчака возглавить штаб его армии. В августе 1919 года, по своем прибытии из Франции, он был назначен в распоряжение адмирала А. В. Колчака, и в уже в сентябре 1919 г. на него была возложена разработка штата штаба Верховного главнокомандующего. По разработанному им плану и при его непосредственном участии в сентябре 1919 г. была успешно осуществлена Тобольско-Петропавловская наступательная операция колчаковских войск, однако в октябре 1919 г. в связи с последствиями контузии, полученной на германском фронте, Головин был эвакуирован в Токио. В 1920 г., после поражения армий адмирала А. В. Колчака, уехал во Францию. Работа за границей и успешная работа курсов вызывали настороженность в СССР. В 1928 году советский полпред в Париже потребовал от французских властей немедленно закрыть курсы генерал-лейтенанта Головина. Впрочем, на это французский маршал Фош возразил, что профессор Головин и его учебное заведение являются достоянием Французской республики. Претензии советского правительства были отвергнуты как несостоятельные, и курсы продолжили свое существование.

Начавшаяся война в Европе внесла в жизнь Головина свои коррективы. После оккупации германскими войсками части Франции он занял в Париже пост в Комитете взаимопомощи русских эмигрантов, преобразованном в апреле 1942-го в Управление делами русских эмигрантов во Франции. Там Головин занимался отправкой добровольцев на работу в Германию и пополнением РОА генерала А. А. Власова подготовленными офицерами. 10 января 1944 года Головин умер от разрыва сердца после того, как получил сообщение от представителей французского движения Сопротивления с угрозой расправы. Похоронили Николая Николаевича Головина на кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Эта книга не переиздавалась на родине автора главным образом по причинам, связанным с политической конъюнктурой, оставаясь в тени поздних попыток осмысления уроков и результатов Великой войны. Ставшая доступной российскому читателю спустя десятилетия, эта работа генерала Головина, на наш взгляд, и по сей день не утратила своей актуальности и свежести. Она восполнила собой значительный пробел, долгое время существовавший в отечественной военной истории. Одним из несомненных достоинств книги стал ее тщательно проработанный исторический материал в сочетании с критическим осмыслением роли и участия России в Первой мировой войне. Все вместе это делает предлагаемый труд Николая Николаевича Головина познавательным чтением для самого широкого круга читателей и в наши дни.[1]

[1] Оригинальное название книги – «Военные усилия России в Мировой войне». Данное издание выходит под названием «Россия в Первой мировой войне». – *Ред.*

О. Г. Гончаренко

Предисловие

«Ни к одной из наций, – пишет в своих мемуарах бывший британский министр Уинстон Черчилль, – Рок не был так беспощаден, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже на виду; она претерпела бурю, когда наступила гибель…»

Действительно, судьба России представляет явление, еще не бывалое в истории войн: Россия оказалась пораженной без решительной победы ее врагов над Российской армией на театре войны. Империя, занимавшая 1/6 часть суши земного шара, с населением, достигавшим 167 миллионов, начала разлагаться изнутри; это разложение передалось армии; развал армии, в свою очередь, привел к развалу всего государства.

Трагический для России исход войны заслуживает особого научного интереса, ибо его изучение способствует освещению социальных процессов, происходящих в государствах как следствие огромного военного напряжения, вызываемого условиями современной войны.

Автор отдает себе отчет о всей трудности разрешения вопроса о «военном напряжении» государства, трудности, проистекающей из сложности самого понятия «военное напряжение». Задача исследователя осложняется еще тем, что многие из проявлений «военного напряжения» лежат в такой туманной и пока малодоступной области, как область психики народных масс. К этому нужно добавить, что разгром русских военных архивов во время большевистского переворота и вызванной им Гражданской войны лишает возможности использовать документы в полном их объеме.

Вот почему на предлагаемую работу нужно смотреть как на первичную попытку разобраться в материалах для разрешения сложнейшей социологической проблемы. Эту работу можно уподобить тропам, которые намечаются первыми путешественниками в неведомых странах. Тем, кто пойдет затем в эту новую область, предстоит расширить эти тропы, обратив их в торные пути, или же использовать их для проведения новых путей в направлении, оказавшемся ближе к истинному.

Задача, поставленная настоящему труду, определяет собою и его построение.

Военное напряжение страны обуславливается потребностью фронта в «живой силе», т. е. в людях, и потребностями фронта в материальной части, т. е. в вооружении, во всевозможного вида снабжениях и в средствах транспорта. На подробное изучение этих вопросов, в особенности же потребности и расхода «живой силы», и направлено главное внимание исследователя. Самый ход военных действий рассматривается в очень общих чертах и лишь поскольку это необходимо для объяснения возникновения различного рода потребностей фронта, а также для освещения воздействия боевых событий на социальную психику.

При оценке потребовавшегося в течение войны напряжения России крайне распространен был такой подход: возможности России оцениваются пропорционально численности ее населения и размерам ее территории, применяя масштаб Западной Европы. Существовал своего рода «мираж» колоссальных возможностей, созданный колоссальностью размеров России.

Дабы избежать подобной ошибки, автор посвящает три первые главы своего труда рассмотрению условий, определявших возможности России проявить то высокое напряжение, которого потребовала от нее большая европейская война.

Эти главы следующие:

Глава первая – Русские законы о всеобщей воинской повинности.

Глава вторая – Условия, затруднявшие возможности России в полной мере использовать многочисленность ее населения.

Глава третья – Условия, затруднявшие надлежащее устройство и оборудование российской вооруженной силы.

Без предварительного изучения вопросов, рассматриваемых в вышепоименованных трех главах, невозможно разрешение интересующей нас проблемы, так как только в этом случае мы останемся в атмосфере реальностей, среди которых происходили жертвоприношения России в минувшую войну.

Начиная с главы четвертой, автор приступает к изучению военных усилий, которые потребовались от России. Эти главы следующие:

Глава четвертая – Численность людей, призванных на военную службу.

Глава пятая – Потери Русской армии в личном составе.

Глава шестая – Распределение призванных на военную службу людей между войсками и тылом.

Глава седьмая – Потребности Русской армии в вооружении и в разного рода боевом техническом снабжении.

Глава восьмая – Потребности Русской армии в продовольствии и прочем снабжении.

Глава девятая – Транспорт.

Таким образом, в главах четвертой – девятой автор устанавливает объективные размеры усилий России. Для того же, чтобы подойти к освещению вопроса о психическо-социальном напряжении, которое вызвали эти усилия, автор счел нужным ввести в свой труд еще две главы:

Глава десятая – Ход войны и настроение армии и тыла в кампании 1914, 1915 и 1916 гг.

Глава одиннадцатая – Разложение армии в 1917 году.

С целью избегнуть в этих главах субъективности в оценке явлений автор применил следующий метод: он возможно чаще предоставляет слово другим участникам событий, причем при выборе этих свидетелей автор принимает все меры, дабы обеспечить по возможности всестороннее освещение исторических фактов. Этим объясняется обилие выдержек в тексте и документов в приложении.

В заключение автор считает нужным сказать, что настоящая книга является лишь частью той большой работы по исследованию войны, которую он задумал под общим наименованием «Социология войны». Удастся ли ему довести всю эту работу до конца, автор не знает, но он считает, что меры, принимаемые современными цивилизованными народами для предотвращения возможности новой войны, значительно выиграют в своей действительности от подробного изучения самой войны как явления социальной жизни. Лечение всякой болезни становится на верный путь лишь после того, как хорошо изучена природа самой болезни. А война есть социальная болезнь.

Н. Головин

Глава первая
Русские законы о всеобщей воинской повинности

Устав 1874 года и его предшественники. – Территориальное распределение тягот воинской службы. – Сроки службы. – Сравнение с германским законом. – Распределение тягот воинской службы по возрастам. – Казачьи уставы о воинской службе. – Военный министр генерал В. А. Сухомлинов.

Устав 1874 года и его предшественники

В последний период существования крепостного права все классы общества, сколько-нибудь возвышавшиеся над уровнем народных масс, были освобождены от обязательной воинской службы. Это изъятие распространялось на дворян, купцов, почетных граждан и лиц, обладавших образованием. Освобождением от воинской службы пользовались также немецкие колонисты и переселенцы из других стран. Кроме того, предоставлялись льготы по отбыванию воинской службы жителям Бессарабии, отдаленных областей Сибири, инородцам и т. д. В общем, более 30 % населения или вовсе были освобождены, или могли откупиться денежным взносом от поставки рекрутов.[2] Комплектование армии носило на себе яркий отпечаток сословного строя: вся тяжесть воинской повинности выпадала на низшие классы русского населения, на так называвшиеся тогда податные сословия. Среди них и производились рекрутские наборы. Самый выбор рекрутов из помещичьих крестьян фактически зависел от власти помещика. Рекрутский же набор в среде прочих крестьян (государственных, удельных) и в среде мещан производился на основании Рекрутского устава 1831 г. Последний устанавливал «очередной» порядок, принимая во внимание интересы семей, из которых должны были браться рекруты. До 1834 г. действительная служба продолжалась 25 лет. Затем срок был уменьшен до 20 лет, с тем что остальные 5 лет нижний чин числился в бессрочном отпуске. Длительность службы совершенно отрывала взятых рекрутов от прочей массы населения и потому фактически превращала всех чинов армии как бы в отдельное сословие.

После освобождения крестьян в 1861 г. подобный порядок комплектования вооруженной силы не мог продолжать существование.

Правительство императора Александра II, перестраивавшее Россию на новых социальных началах, не могло оставить в силе столь несправедливое распределение воинской повинности. Вместе с тем победы Германии в войне 1870–1871 гг. совершенно ясно показывали, что вооруженная сила современного государства не может основываться на прежних, сравнительно небольших и оторванных от народа, чисто профессиональных армиях. Вооруженная сила, выставляемая государствами во время войны, все более и более приближалась к «вооруженному народу».

В докладе императору Александру II, поданном военным министром, генералом (впоследствии графом) Милютиным, значится: «Ваше Императорское Величество, обратив свое внимание на чрезвычайное усиление численности вооруженных сил европейских государств, на необыкновенно быстрый переход их армий, особенно германской, от мирного положения к военному и на обширно подготовленные ими средства к постоянному пополнению убыли чинов в действующих войсках, повелели военному министру представить соображения о средствах к развитию военных сил империи на началах, соответствующих современному состоянию вооружений Европы».[3]

В Манифесте же императора Александра II от 1 января 1874 г., в котором объявлялась в России всеобщая воинская повинность, правительство считало нужным выдвинуть новую идею всенародной государственной защиты в качестве основной идеи общеобязательной воинской службы.

---

[2] Для одной Европейской России (без Польши и Финляндии), по данным 10-й народной переписи 1858 г., этот процент равнялся 20, но к этой цифре нужно еще добавить население Бессарабии, некоторых областей Сибири, всех инородцев, а также население Польши и Финляндии.

[3] Военно-статистическое обозрение России. Изд. Военного министерства. 1871. Ч. IV.

«Сила государства, – говорится в Манифесте, – не в одной численности войска, но преимущественно в нравственных и умственных его качествах, достигающих высокого развития только тогда, когда дело защиты Отечества становится общим делом народа, когда все, без различия званий и состояний, соединяются на это святое дело».

Закон об общеобязательной воинской службе был издан в виде Устава 1874 года о всеобщей воинской повинности.

Параграф первый этого закона гласил: «защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного…», таким образом, воинская служба объявлялась *общеобязательной, всесословной и личной*.

Согласно принципам нового устройства вооруженной силы, армия, содержащаяся в мирное время, должна прежде всего служить школой для подготовки запаса военнообученных людей, посредством призыва которых при мобилизации разворачивалась армия военного времени. В связи с этим Устав о воинской повинности назначает совсем иные, нежели раньше, сроки службы. Первоначально таковой срок был установлен в 5 лет, а затем сокращен до 4 и 3 лет. Стена, разделявшая армию от народа, таким образом рушилась, и социальная связь между ними устанавливалась чрезвычайно тесная.

Устав о воинской повинности 1874 года просуществовал в течение 40 лет, вплоть до мировой войны. Правда, в 1912 г. был издан закон об изменении Устава, но эти изменения, которые вводил в «Устав о воинской повинности 1874 года» закон 1912 г., не могли еще вполне отразиться в действительной жизни, так как уже через два года вспыхнула мировая война.

Вот почему изучение условий, созданных российским законодательством для использования на войне «живой силы» государства, должно основываться прежде всего на рассмотрении Устава о воинской повинности 1874 года.

Территориальное распределение тягот воинской службы

Согласно Уставу 1874 г., полное освобождение от воинской службы предоставлялось всему инородческому населению Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей, Сибири, а равно самоедам, обитающим в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии. Это освобождение было сохранено и законом 1912 г.

До 1887 г. все население Закавказья, а равно и инородцы Северного Кавказа были тоже совершенно освобождены от воинской службы. Но затем нетуземное население всего Кавказа было постепенно привлечено к отбыванию воинской повинности на общем основании. Кроме того, привлечены были к воинской службе (но согласно особому, облегченному положению) некоторые из горских племен Северного Кавказа.

Освобождено было также от воинской службы все население Туркестанского края, Приморской и Амурской областей и некоторых отдаленных местностей Сибири. По мере проведения железных дорог в Туркестане и Сибири это изъятие сокращалось.

Финляндия до 1901 г. отбывала воинскую повинность на основании особого положения. Но в 1901 г. из опасения за столицу империи – С.-Петербург в случае войны с Германией правительство расформировало финские войска и впредь до обработки нового Положения вовсе освободило население Финляндии от воинской повинности.

Наконец, на основании особых казачьих уставов отбывало воинскую службу казачье население областей: Войска Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского. Но казачьи уставы не только не представляли собою облегчения в отбывании воинской службы, но в некоторых отношениях предъявляли к населению большие требования, нежели общий Устав. Существование особых казачьих уставов объяснялось желанием правительства дать казакам закон, хоть и построенный на тождественных с общим Уставом основаниях, но в то же время приспособленный к их быту и историческим традициям.

Подводя итоги вышесказанному, можно выразить следующими цифрами распределение тягот «воинской повинности» на все население Российской империи в 1914 году:

А. Подлежало «воинской повинности»:	
на основании общего Устава	87,5 % населения
на основании казачьих Уставов	2,5 % населения
всего	90 % населения
Б. Было вовсе освобождено от «воинской повинности»	10 % населения

Отсюда мы видим, что по сравнению с прежним рекрутским уставом наши законоположения о воинской повинности значительно расширяли базу, на которой строилось комплектование вооруженной силы. Освобождение части населения от воинской службы хотя и сохраняется, это освобождение *утрачивает прежний сословный характер*, оно обусловливается причинами общегосударственного порядка, и его можно уподобить освобождениям от воинской службы, предоставляемым прочими европейскими государствами населению своих колоний. Таким образом, в указанных выше освобождениях нельзя еще видеть нару-

шение основных начал, а именно: общеобязательности, всесословности и личного долга на которых стремился базироваться наш закон о воинской повинности.

Сроки службы

Идея личного долга каждого гражданина защищать свое отечество составляет основной принцип закона об обязательной воинской службе.

Проведение этой идеи в среде коренного населения России получало особое моральное значение. Но для того чтобы в сознании народных масс, в особенности малокультурных, эта идея укоренилась, необходимо было, чтобы закон об обязательной воинской службе в самой полной степени стремился к социальной справедливости. Всеми европейскими государствами в основу законоположений об обязательной воинской службе положены возраст и физическая годность призываемого гражданина. Подобная постановка вопроса в самом деле наиболее отвечает идее общеобязательной воинской службы. Молодой и здоровый человек является лучшим воином и легче переносит все тяжести боевой жизни. С понижением возраста бойцов уменьшается и число многосемейных солдат, которым военная служба несравненно труднее, чем холостым солдатам. Поэтому молодая армия способна проявить большую энергию, нежели армия, заполненная пожилыми людьми, часто обремененными многочисленным семейством.

Минувшая война заставила ввести некоторые компромиссы для квалифицированных работников, знание и умение которых государству полезнее приложить не на фронте, а в тылу. Но все эти компромиссы не нарушают основной идеи закона об обязательной воинской службе в том случае, если они диктуются исключительно пользою государства, а не личною. Вот почему, говоря выше, что законы об обязательной военной службе должны стремиться осуществить в самой полной мере справедливость, мы добавили слово «социальную». Мы хотели этим выделить идею, что речь идет не о справедливости в обыденном понимании индивидуальной жизни, а о справедливости, обуславливаемой пользой всего социального организма.

Подобная точка зрения вызывает большие осложнения, но и в этих осложненных условиях правильное решение будет найдено только в том случае, если в основу распределения тягот, накладываемых на плечи населения законом об обязательной воинской службе, будет положен возрастной принцип; иначе говоря, распределение этих тягот должно быть произведено по возрастным слоям мужского населения страны, соблюдая наибольшую равномерность в требованиях внутри каждого возрастного класса и понижая эти требования по мере увеличения возраста класса.

Посмотрим теперь, в какой мере было выполнено это основное требование нашим законом.

Призыву подлежали молодые люди, которым только что минул 21 год. В мирное время принятые на службу молодые люди поступали в постоянные войска, состоявшие из армии, флота и казачьих войск. После отбытия действительной службы в течение установленного законом срока чины армии, флота и казачьих войск перечислялись в «запас». Ко времени издания закона 1912 г. срок действительной службы равнялся для пехоты и артиллерии (кроме конной) 3 годам, для прочих сухопутных войск – 4 годам и для флота – 5 годам. В запасе чины, служившие в пехоте и артиллерии (кроме конной), числились 15 лет, чины прочих сухопутных войск – 13 лет и чины флота – 5 лет.

Чины запаса предназначались для укомплектования в случае мобилизации частей действующей армии. В мирное время чины запаса могли призываться на учебные сборы, но не более двух раз за все время, и каждый раз не долее как на шесть недель. Из стремления к экономии продолжительность учебных сборов была на деле сокращена: так, лица, состоявшие на действительной службе более трех лет, призывались только раз и на две недели, а лица, прослужившие менее трех лет, – два раза, но каждый раз лишь на три недели.

По окончании установленного законом срока пребывания в запасе лица, в нем состоявшие, перечислялись в государственное ополчение, в котором и состояли до 43-летнего возраста.

Сравнение с германским законом

Отсюда мы видим, что русский закон распределял обязанности воинской службы на три возрастных слоя. Для того чтобы убедиться, насколько подобное упрощенное решение вопроса не обладало гибкостью для полного проведения в жизнь возрастного принципа, мы отсылаем читателя к помещенной в конце книги схеме № 1. В ней мы указываем для сравнения решение того же вопроса германским законодательством. В то время как наше законодательство подразделяло тяготы воинской повинности на три слоя, германское законодательство подразделяло их на шесть. В мирное время это различие не могло непосредственно сказываться, ибо на мирном положении тяготы обязательной воинской службы несли только те лица, которые состояли на действительной службе, остальные же, числившиеся в запасе или ополчении у нас и в резерве, ландвере и ландштурме в Германии, не отрывались от своей частной жизни. Но в военное время различие между указанными в таблице категориями было существенным. У нас I и II категории шли сразу же с объявлением войны в ряды действующих войск умирать на полях битв, а III категория частью шла на пополнение потерь действующей армии, частью же на формирование особых ополченских частей для тыловой службы, т. е. без риска увечий и смерти. В Германии с объявлением войны сразу же предназначались для активных военных действий II и III категории. IV категория (ландвер I разряда) предназначалась для формирования особых частей, на которые предполагалось первоначально возложить второстепенные боевые задачи. V категория (ландвер II разряда) формировала особые части, предназначаемые первоначально для тыловой службы, но они могли быть привлечены впоследствии для второстепенных боевых задач. VI категория (ландштурм старше 39 лет) формировала особые части, предназначавшиеся исключительно для тыловой службы и для охраны границ. Наконец, I категория (ландштурм моложе 20 лет) могла быть призвана в случае надобности в виде досрочных призывов на укомплектование действующих войск.

В предвидении громадной потребности в «живой силе» в случае европейской войны германское законодательство предоставляло Военному министерству известную свободу в распоряжении возрастными классами, так, например, младшие возрасты ландвера в случае надобности могли быть употреблены на укомплектование полевых и резервных войск, а младшие возрасты ландштурма II разряда – на укомплектование ландвера.

Из сравнения данных приводимой нами схемы (№ 1) мы прежде всего видим, что Германия готовилась к проявлению большего напряжения на войне, нежели Россия. Германия считала нужным для своей защиты иметь в распоряжении армии 28 возрастов, в то время как Россия – только 22.

В следующей главе мы рассмотрим особые условия, существовавшие в России и не позволявшие ей такого же «напряжения людьми», какое было доступно для других западноевропейских государств. Но здесь нужно обратить внимание на различие отношения русского и германского законодательств к вопросу об использовании более молодых возрастов. Призывной возраст, согласно русскому законодательству, определялся так: ежегодный призыв происходил в октябре месяце, причем призывались молодые люди, которые к 1 октября этого же года достигли 21 года. По германскому же законодательству привлекались молодые люди, которым в предыдущем году исполнилось 19 лет. Предъявляя вместе с тем очень строгие требования к физической готовности новобранца, германское законодательство предоставляло отсрочку для поступления на службу физически не вполне доразвившимся молодым людям. Это приводило к тому, что средний призывной возраст несколько повышался, равняясь 20 с половиной годам. Подобная система позволяла, не форсируя слабосильной части мужского населения, все-таки иметь призывный возраст на год моложе нашего.

Но мало того. Германское законодательство предвидело необходимость в случае войны досрочных призывов. Оно устанавливало порядок, согласно которому всякий немец по достижении им 17-летнего возраста зачислялся в ландштурм, т. е. делался военнообязанным.

Наш устав 1874 года совершенно не предвидел возможности в случае войны досрочного призыва. Закон 1912 года сделал попытку исправить этот недочет. Но наше молодое народное представительство не отдавало себе отчета в том грандиозном напряжении, которое потребуется от России через два года. Не вполне отдавало себе отчет в этом и наше военное ведомство. И вышеуказанная попытка вышла очень робкой. Закон 1912 года хотя и предусматривал возможность досрочных призывов, но говорил о них очень неопределенно.

Ст. 5 закона 1912 г. гласила: «При возникновении чрезвычайных обстоятельств военного времени, вызывающих настоятельную необходимость ускорить поступление новобранцев в ряды войск, очередной призыв может быть по Высочайшему повелению, объявленному Высочайшим указом Правительствующему Сенату, произведен ранее сроков, в предыдущей статье (ст. 4) указанных…»

Между тем ст. 4 говорит о сроках призыва в данном году; указание же на то, по достижении какого возраста молодые люди подлежат призыву, мы находим в ст. 2, на каковую в ст. 5 ссылки не имеется.

Дальнейшее сравнение данных схемы № 1 показывает нам, что, несмотря на то что Германия готовится к призыву в случае войны гораздо большего числа возрастных классов, нежели Россия, тем не менее она создает такую систему, которая позволяет ей сообразовать размер использования своей живой силы с размерами выясняющихся потребностей войны, строго придерживаясь при этом возрастного принципа.

Эта система не только обладает гибкостью; внимательное отношение к возрастному принципу придает ей и моральное значение, соответственно воспитывая народное сознание.

Нельзя сказать того же о русском законе. Хотя он рассчитан на меньшее напряжение, чем германский, в нем отсутствует гибкость. Он не дает возможности осуществить в напряжении страны справедливую последовательность в использовании возрастных классов. Характеризуя одним словом, наш закон – *кустарен*.

Эту кустарность он унаследовал от Рекрутского устава 1831 г. Но последний отвечал другому заданию, а именно – ведению войны профессиональной армией, в то время как новое задание требовало ведения войны вооруженным народом.

Распределение тягот воинской службы по возрастам

Отсталость русского законодательства об обязательной воинской службе от требований современной войны обнаруживается еще ярче, если мы углубим наш анализ.

Выше мы уже упоминали о том, что закон об обязательной воинской службе при проведении на практике принципа долга каждого гражданина защищать свое отечество вынужден делать некоторые отступления от абсолютно для всех одинакового исполнения этого долга.

Подробно мы остановимся на этом вопросе в следующих главах. Здесь же мы затронем другой вопрос, связанный с только что указанным, а именно – вопрос о том, в какую из указанных на схеме № 1 категорий зачислялись лица, получавшие в мирное время освобождение от действительной службы. На первый взгляд может показаться, что этот вопрос имеет только формальное значение, но на самом деле это не так.

Согласно русскому Уставу о воинской повинности 1874 г., лиц, не принятых в мирное время на действительную службу, зачисляли сразу же при призыве в государственное ополчение. Последнее подразделялось нашим законом на два разряда:

I разряд – предназначался не только для формирования особых ополченских частей, но мог быть также использован для укомплектования действующих войск.

II разряд – предназначался исключительно для укомплектования особых ополченских частей, которые применялись только как охрана тыла или как рабочая сила.

Как мы увидим дальше, наибольшее развитие в области льгот получила в нашем законодательстве льгота по семейному положению. Ею пользовались до 48 % призываемых. И вот приблизительно половина этого числа (льготные I разряда) зачислялись прямо в ополчение II разряда, т. е. в случае войны освобождались законом от настоящей боевой службы. Другая половина льготных по семейному положению зачислялась в ополчение I разряда. Хотя по смыслу закона ратники ополчения II разряда могли быть привлечены в случае надобности на пополнение действующих войск, но, согласно нашим же законоположениям, учет велся лишь ратникам I разряда, служившим ранее в войсках (т. е. в возрасте от 39 до 43 лет) и только младшим четырем возрастам прочих ратников I разряда. Численность этой части ополчения I разряда считалась достаточной «для вероятной потребности: 1) в дополнительном укомплектовании для постоянных войск и 2) для формирования ополченских частей».[4]

Таким образом, наш закон намеревался освободить не только от боевой службы, но и от всякого вида военной службы также и ратников I разряда, за исключением ранее служивших на действительной службе и четырех младших возрастов.

В итоге вместо распределения тягостей воинской службы по возрастным слоям наш закон как бы отсекал часть мужского населения, предназначая ее для воинской службы вплоть до 43-летнего возраста, и освобождал совершенно другую от боевой и даже от всякого вида военной службы.

Мировая война, вспыхнувшая в 1914 году, нарушила все расчеты Российского военного ведомства. Пришлось во время войны спешно изменять законоположения. Но основные дефекты Устава о воинской повинности сказались во всей своей силе. На схеме № 2 указаны сроки призывов возрастных классов в различных категориях наших военнообязанных. Из этой картограммы ярко видно, что возрастной принцип был совершенно нарушен.

Для пояснения нашей мысли на примере посмотрим, как отразилась мировая война на людях призыва 1897 г.

В 1914 г. люди этого призыва находились в возрасте 38 лет.

---

[4] *Редигер*. Комплектование и устройство вооруженной силы. 1900. С. 533.

Согласно изложенному нами выше, они могут быть в отношении тяготы, выпадающей на них с объявлением войны, разделены на три категории.

Первая: прошедшие действительную службу, числящиеся последний год в запасе.

Вторая: зачисленные в 1897 г. в ополчение I разряда.

Третья: зачисленные в 1897 г. в ополчение II разряда.

Первые в первый же день объявления мобилизации были призваны в действующую армию и выступили в ее рядах в поход, вторые начали призываться лишь 25 марта 1916 г., т. е. через двадцать месяцев после начала войны; а третьи начали призываться только 25 октября 1916 г., т. е. через двадцать семь месяцев. Для того чтобы эта третья категория могла быть привлечена к боевой службе, а не оставалась бы в частях ополчения, потребовалось даже радикальное изменение закона.

Это громадное различие в требованиях государства к вышеуказанным трем категориям предрешалось еще в 1897 г., в большинстве случаев в зависимости от того, каким работником был тогда в семье своего отца (или деда) призываемый. С тех пор прошло 17 лет. Семья отца, а тем более деда распалась (при этом по мере удаления от крепостного права выделение молодых семей происходило все раньше и раньше). К 1914 г. семья призываемого стала совершенно самостоятельной единицей. Между тем создавалась такая картина: глава многочисленной семьи, с детьми малолетками, идет на поле брани, а здоровый бобыль блаженствует в тылу и только через 27 месяцев кровавой бойни призывается, и часто лишь для того, чтобы в далеком тылу окарауливать запасы.

Социальная несправедливость получилась громадная. Она еще увеличивается, если сравним 42-летнего многосемейного бывшего солдата, хотя уже и числившегося ратником I разряда, но призванного уже через пять дней после объявления мобилизации и вскоре затем попавшего в ряды действующих войск, с 21-летним холостым молодым человеком, по положению в семье отца попадающим в ратники II разряда. Могло случиться так, что этот молодой человек, освобожденный от боевой службы, оказывался сыном того бывшего солдата, который сам шел умирать за Родину.

С целью компенсировать нарушение экономических интересов семей, из которых уходил глава, правительство назначило выдачу особого денежного пайка. Мера эта была разумная и справедливая. Но этими деньгами восстанавливалась лишь экономическая справедливость, но не социальная: жизнь, увечье – деньгами не искупаются.

Отсюда мы видим, что наш закон коренным образом нарушал принцип использования «живой силы» по возрастам. Вместо деления мужского населения по горизонтальным возрастным слоям, как это мы видим на картограмме № 1, в действительности мужское население Российской империи было разделено как бы по вертикалям (см. схему № 2), причем это деление крайне неравномерно распределяло тяготу воинской службы во время войны, налагая всю ее на плечи одной части населения и почти освобождая от нее другую. Вместе с нарушением принципа «возрастного» использования населения идея общеобязательности воинской повинности терялась. В на рушение возрастного принципа наш закон позволял своего рода последовательность. Призыв ратников ополчения I разряда производился после исчерпания всех возрастов лиц, прослуживших в мирное время в войсках, а призыв ратников ополчения II разряда производился только после использования почти всех возрастных классов ополчения I разряда.

Схема № 2 с обозначенными на ней сроками призыва представляет в этом отношении весьма интересную иллюстрацию.

Такая постановка дела не могла во время войны упрочить в наших народных массах сознание общеобязательности долга защищать свое отечество. Для малокультурных масс русского народа практическое осуществление закона было гораздо убедительнее, нежели слова о священном долге, напечатанные в первой статье закона. После революции на сол-

датских митингах часто слышались фразы: «мы тамбовские» или «мы пензенские», «до нас неприятель еще далеко, так нам незачем сражаться». Эти фразы формулировали не столько отсутствие патриотизма в низах русского народа, сколько отсутствие понимания идеи общей обязательности воинской службы. Наши законоположения о «воинской повинности», как мы видели, и не воспитывали народного сознания в этом направлении.

Германское законодательство в противоположность нашему крайне внимательно отнеслось к этому вопросу, и главным воспитательным приемом ему послужило тщательное проведение возрастного принципа в своих требованиях к гражданам. Вынужденное, так же как и русское (хотя и в меньшей степени), считаться с освобождениями от действительной службы в мирное время, оно создает для этих лиц особую категорию, под названием Эрзац-резерва. Все физически годные для службы в мирное время, а также отпущенные из войск до истечения общего срока службы зачислялись в этот Эрзац-резерв.[5]

С объявлением войны чины Эрзац-резерва, не достигшие 28-летнего возраста, призывались наравне со своими сверстниками, числившимися в резерве, на укомплектование полевых и формирование резервных войск. Чины Эрзац-резерва 28–32-летнего возраста призывались наравне со своими сверстниками, числившимися в ландвере 1-го призыва. Наконец, чины Эрзац-резерва в возрасте 32–38 лет призывались, опять-таки наравне со своими сверстниками, ландверистами для формирования частей ландвера 2-го призыва. По достижении 38-летнего возраста чины Эрзац-резерва зачислялись на общем основании в ландштурм.

Отсюда мы видим, что с объявлением войны все освобождения и льготы, которые вынуждено было сделать германское законодательство для мирного времени, теряли свое значение и все население Германской империи уравнивалось в своих обязанностях по защите отечества.

[5] *Редигер*. Комплектование и устройство вооруженной силы. 1900. С. 533.

Казачьи уставы о воинской службе

Мы уже упоминали выше о том, что 2,5 % населения Российской империи в отношении воинской повинности подчинялось особым казачьим уставам. Мы говорили также, что причина выделения казачьего населения объяснялась стремлением не нарушать тех исторических традиций, которые сложились у казаков.

Основным типом для казачьих уставов послужил Устав о воинской службе Войска Донского (издан в 1875 г.).[6]

Согласно этому уставу, вооруженная сила Войска Донского состояла из «служилого состава» войска и «войскового ополчения».

«Служилый состав» разделялся на три разряда:

а) «Приготовительный» разряд, в коем казаки получали предварительную подготовку к военной службе;

б) «Строевой» разряд, из которого комплектовались выставляемые войсками строевые части, и

в) «Запасной» разряд, предназначаемый для пополнения убыли в строевых частях в военное время и для формирования в военное время новых воинских частей.

Служба каждого казака начиналась по достижении им 18 лет и продолжалась 20 лет. В этот период он находился в «служилом составе», причем в «приготовительном» разряде он пребывал 3 года, в «строевом» – 12 лет и в «запасном» – 5 лет.

В течение первого года нахождения в приготовительном разряде казаки освобождались от личных податей, как натуральных, так и денежных, и должны были приготовлять необходимое для службы снаряжение. С осени второго года казаки приготовительного разряда начинали получать первичную индивидуальную военную подготовку в своих станицах. В третьем же году сверх этого обучения для них назначались лагерные сборы на один месяц.

По достижении 21 года казаки зачислялись в «строевой» разряд, и из них такое число, какое было необходимо для пополнения строевых частей, зачислялось в феврале следующего года на действительную службу, на которой и оставалось непрерывно в течение 4 лет. Выставлявшиеся казаками полки и батареи разделялись на три очереди, из которых в мирное время 1-я очередь находилась на службе, а 2-я и 3-я – «на льготе». Вышеупомянутые казаки строевого разряда первых 4 возрастных классов состояли на службе в частях 1-й очереди; затем, по окончании 4-летней действительной службы, они зачисляются на 4 года – в части 3-й очереди. Льготные казаки, принадлежавшие к полкам 2-й очереди, подлежали ежегодно двум контрольным сборам и одному трехнедельному учебному сбору. Принадлежавшие же к полкам 3-й очереди подлежали сбору только один раз, а именно – на третий год пребывания их в этой очереди, также на три недели.

Казаки «запасного» разряда в мирное время ни на какие сборы не собирались. В военное время они призывались на службу по мере надобности, начиная с младшего возраста.

Наконец, в «войсковом ополчении» состояли все казаки, способные носить оружие, не принадлежащие к «служилому составу», причем казакам ополчения до 48-летнего возраста велся учет.

Мы нанесли на схему № 3 распределение воинской службы, согласно казачьим уставам, по возрастным слоям. Сравнивая это распределение с таковым же, созданным нашим общим уставом, и таковым же, созданным германским законодательством, мы не можем не увидеть большее сходство со вторым, нежели с первым. В казачьих уставах, так же как и в германском законоположении, мы видим чрезвычайно внимательное распределение тяготы

[6] См. схему № 3.

военной службы по возрастным слоям, причем даже число таких возрастных слоев совпадает.

Этим сходство между казачьими уставами и германским законодательством не исчерпывается. Оно идет глубже.

Согласно казачьим уставам, молодые люди, физически годные к воинской службе, но по той или другой причине освобожденные от действительной службы в мирное время, зачислялись в «льготные полки». Таким образом, они не делались сразу же ратниками ополчения, как это происходило по общему уставу, а попадали в строевой резерв 2-й очереди. Вследствие этого с объявлением войны они теряли свои льготы мирного времени и шли наравне со своими сверстниками на защиту отечества.

Сходство между казачьими уставами и германскими законоположениями об обязательной воинской службе тем более разительно, что о каком-либо взаимном заимствовании не может быть и речи.

Мы встречаемся здесь лишь с крайне интересным социальным явлением: одни и те же идеи, логично и последовательно проведенные в жизнь, привели к одним и тем же следствиям.

Различие заключалось лишь в том, что Германия осуществила идею общеобязательной воинской службы в более грандиозном размере. Она подошла к этому осуществлению путем эмпирическим (сильный толчок в этом отношении дал Тильзитский мир 1807 г., секретной статьей которого Наполеон запретил Пруссии содержать в мирное время более 42 000 войск) и путем глубокой научной разработки под руководством такого гениального организатора, как фельдмаршал Мольтке. Казаки же шли исключительно эмпирическим путем. Вековая борьба, которая выпала на их долю для защиты России от народов Востока, потребовавшая участия в этой борьбе всего способного носить оружие мужского населения, не только воспитала казаков в идее общей обязательности воинской службы, но и вырастила самые формы осуществления этой идеи на практике.

Таким образом, в распоряжении русских государственных деятелей наряду с опытом рекрутского укомплектования армии был также и исторически сложившийся опыт казачьей общеобязательной воинской службы. Невольно возникает вопрос, почему же этот «казачий» опыт не был использован в общем уставе, раз на всю империю распространялась идея всеобщей воинской повинности.

Ответ на этот вопрос нужно искать в области общих социальных и политических условий.

Проведение в жизнь идеи общеобязательности воинской службы очень тесно связано с демократизацией общественного строя. Прусские архивы сохраняют целый ряд проектов интересных реформ, рассматривавшихся до Вены (1806). Один из них, Кнезебека, предлагавший установление всеобщей воинской повинности, был отвергнут в 1803 г. Критик этого проекта писал: «Государственный строй и военные учреждения тесно связаны; выбросьте одно кольцо, и развалится вся цепь. Всеобщая воинская повинность возможна только при реформе всего политического строя Пруссии». Эти архивные проекты свидетельствуют о невозможности проведения всеобщей воинской повинности при наличии препятствий, коренившихся в общеполитических условиях тогдашней Пруссии. Точно так же выдающиеся военные умы XVIII в. высказывали идеи в области тактики, те идеи, которые впоследствии осуществил Наполеон, но старый порядок был бессилен воспринять их. Так и в Пруссии – потребовался жестокий удар, потрясение до основ феодальных пережитков, чтобы перевести реформу из области пожеланий в жизнь. Только после Вены стал возможен Шарнгорст как творец военной реформы. Полное же вступление Пруссии на путь всеобщей воинской службы, путь, ведущий к «вооруженному народу», стало возможно только после революции 1848 г.

В силу исторических условий казачье население носило в своих традициях и общественных навыках печать глубокой демократичности. Остальная же Россия только с освобождением крестьян делала первый шаг по этому пути. История не может не отметить все величие реформ императора Александра II. Но вместе с этим является совершенно естественным, что для сотрудников этого великого императора, направлявших развитие России по новым путям, трудно было отрешиться от влияния устарелых идей. Поэтому и в военном отношении идеи Рекрутского устава 1831 года были ближе для составителей Устава о воинской повинности 1874 года, чем опыт общеобязательной службы казаков. Между тем Рекрутский устав 1831 года был построен на совершенно иных началах, а именно – на идее профессиональной армии, обособленной от остальной части населения; этот устав вполне логично обосновывался, если можно так выразиться, на «вертикальном» делении мужского населения страны: одна небольшая часть мужского населения должна была сражаться до физической своей негодности, в то время как остальная могла спокойно пребывать в тылу, считая, что защита Отечества не ее дело. Влияние Рекрутского устава и внесло в Устав 1874 года непоследовательность в проведении на практике возрастного принципа.

Влияние идей Рекрутского устава 1831 года на составителей Устава 1874 года находит еще одно объяснение. В 1874 г. идея «вооруженного народа» была новой не только для России, но и для всех прочих европейских государств, кроме Германии. Совершенно естественным являлось со стороны составителей нового Устава стремление по возможности сгладить тот разрыв со старыми формами, который совершался при новом устроении вооруженной силы. При естественном ходе вещей Устав о воинской повинности 1874 года с течением времени совершенствовался бы, утрачивая вредные пережитки, заимствованные из Рекрутского устава. Но взрыв бомбы, убивший 1 марта 1881 г. императора Александра II, поставил кровавую точку на дальнейшем развитии реформ Царя-Освободителя, ориентировав царствование императора Александра III по другому пути. В лучшем случае, мероприятия императора Александра II оставались без дальнейшего усовершенствования. Подобная участь постигла и закон о всеобщей воинской службе.

Вызванная неудачной войной с Японией революция 1905 г. заставила русское правительство опять искать путь в направлении, указанном великими реформами императора Александра II. Но при наступившем успокоении страны правительство принимает все меры, чтобы уклониться от начинаний, возвещенных в Манифесте императора Николая II от 17 октября 1905 г. Правительство императора Николая II после революции 1905 г. уже не верило в старые политические идеи и в то же время не хотело воспринять новые. Эта двойственность политики придает управлению государством характер безыдейности.

Колебания и безыдейность отражаются и в области устроения вооруженной силы.

Под непосредственным впечатлением поражений на полях Маньчжурии на посты высоких руководителей русской вооруженной силы были выдвинуты такие просвещенные и понимавшие современное военное дело лица, как Великий князь Николай Николаевич и генералы Палицын и Редигер. На Великого князя было возложено в качестве председателя Совета государственной обороны общее руководство деятельностью Генерального штаба генерала Палицына и военного министра генерала Редигера. Вместе с тем была проведена важная организационная реформа в виде выделения из Военного министерства Главного управления Генерального штаба. Подобное выделение было особенно важно для России данной эпохи, так как позволяло сосредоточить внимание на научной разработке основных идей устройства вооруженной силы России. Под непосредственным руководством генерала Палицына и началась такая работа.

Военный министр генерал В. А. Сухомлинов

Но уже в 1908 г. на небосклоне петроградской бюрократии появляется новое светило – генерал Сухомлинов. Совет государственной обороны упраздняется, и вместе с тем от общего руководства устройством вооруженной силы устраняется Великий князь Николай Николаевич. Генералы Палицын и Редигер смещены со своих постов. Генеральный штаб вновь подчиняется военному министру, коим и становится генерал Сухомлинов.

Появление последнего на посту военного министра не является случайностью. В каждом социальном организме складывается своего рода социальный подбор. Известный английский афоризм «the right man on the right place»[7] – есть лишь результат такого подбора в здоровом социальном организме. В больном же организме социальный подбор выражается в том, что подбираются наиболее «удобные» люди. При подобном положении вещей появление «надлежащих людей» является, в свою очередь, случайностью. Появление в качестве начальника Генерального штаба генерала Палицына и военного министра генерала Редигера и являлось «случайностью», объяснявшейся только остротой впечатлений от неудач в японской войне и тем давлением, которое оказывала революция. Генералы Палицын и Редигер имели гражданское мужество указывать на отсталость нашей военной подготовки и на необходимость долгой, упорной работы, поставленной на научном основании; этим они разрушали легенду о нашей врожденной непобедимости.

По мере того как острое впечатление от поражения стало сглаживаться, а вспыхнувшая было революция улеглась, генерал Сухомлинов оказался более отвечающим политике «поворота вспять». Окончивший в 70-х годах прошлого столетия Академию Генерального штаба и украшенный Георгиевским крестом за войну 1877–1878 гг., он позволял предполагать в себе сочетание высшего образования и боевого опыта. Но при быстром ходе развития военного дела полученное высшее военное образование без постоянной напряженной работы по изучению эволюции военного дела теряет свою ценность. Сухомлинов пребывал в полном убеждении, что полученные им десятки лет тому назад знания, при этом часто уже устаревшие, остались незыблемыми истинами. Невежественность генерала Сухомлинова сочеталась с поразительным легкомыслием. Эти два недостатка позволяли ему удивительно спокойно относиться к сложнейшим вопросам организации военной мощи. У не понимающих всю сложность современного военного дела людей создавалось ложное впечатление, что Сухомлинов быстро разбирается в деле и очень решителен. Между тем он просто уподоблялся человеку, который, гуляя около пропасти, не видит ее.

Нам пришлось остановиться несколько подробнее на фигуре генерала Сухомлинова, ибо этот, ставший всесильным в области военной подготовки страны военный министр обусловил возвращение в этой области к безыдейности и бессистемности.

Насколько отсутствовало понимание необходимости обратного, свидетельствует следующий факт.

Органом, на который возлагается подробная научная разработка и в то же время синтез решений по всем частным вопросам военной подготовки государства, является учреждение, соответствующее по немецкой терминологии «Большому Генеральному штабу». В России имелось Главное управление Генерального штаба, но вследствие многих причин оно далеко не соответствовало той высокой и ответственной миссии, которая на него возлагалась. Одной из главных причин тому была постоянная смена начальников Генерального штаба. Со времени вступления в управление Военным министерством генерала Сухомлинова до начала войны, т. е. за 6 лет, на этом посту перебывало 4 лица (генерал Мышлаевский,

[7] Человек на своем месте. – *Ред.*

генерал Гернгросс, генерал Жилинский, генерал Янушкевич). Между тем в Германии последовательное пребывание на таком же посту тоже четырех лиц (граф Мольтке, граф Вальдерее, граф Шлиффен, граф Мольтке-младший) продлилось 53 года. Всякая смена начальников Генерального штаба неминуемо разрушающе отражается на всех работах по подготовке к войне. Поэтому говорить серьезно о возможности объединения в эпоху Сухомлинова всех многочисленных и многоразличных мероприятий по подготовке вооруженной мощи и не приходится. В зависимости от способности, степени подготовки и даже вкусов того или другого лица у нас обращалось внимание на тот или иной вопрос; этот вопрос так или иначе разрешался, но того научно обоснованного синтеза, который имелся налицо во Франции или Германии, у нас не было.

Бессистемность и безыдейность управления министерством генералом Сухомлиновым ярко обнаружились при составлении таких основных военных законоположений, как «Положение о полевом управлении войск». «Венцом всех работ по реорганизации армии, – пишет генерал Ю. Данилов,[8] – должна была послужить переработка “Положения о полевом управлении войск в военное время”. Этим положением должны были определяться: организация высших войсковых соединений, управление ими, устройство тыла и служба всякого рода снабжения. Действовавшее положение было издано в девяностых годах прошлого столетия и при современных условиях являлось совершенно неприменимым. Это показала еще война 1904–1905 гг., на период которой пришлось внести массу коренных изменений. Несмотря на ряд комиссий, работавших над новым проектом, дело не клеилось, и только к январю 1913 г., когда составление проекта по ходатайству отдела генерал-квартирмейстера было изъято из тормозивших его комиссий и сосредоточено при названном отделе Генерального штаба, работу удалось окончить. Проект встретил, однако, много возражений, преимущественно со стороны ведомств, занимавших привилегированное положение и желавших видеть своих представителей более самостоятельными, нежели это было определено общей схемой. Рассмотрение его затянулось на срок выше года, и только надвинувшиеся события 1914 г. ускорили благополучное разрешение дела. То, что казалось неразрешимым при мирных условиях жизни в течение многих месяцев,[9] было разрешено в предвидении войны – в одном ночном заседании. Только 1 6/29 июля 1914 г., т. е. всего за три дня до начала войны, было утверждено верховной властью одно из самых важных для военного времени положений».

Еще в большей степени проявилась несостоятельность министерства Сухомлинова при проведении необходимой реформы в законоположениях о всеобщей воинской службе, ибо подобная реформа требовала не только углубленного научного понимания современной войны, но и широкой точки зрения на все стороны государственной жизни.

Мы опять приведем здесь выдержки из книги генерала Ю. Данилова «Россия в мировой войне».[10]

«Основанием всей нашей военной системы являлся Устав о воинской повинности, изданный еще в царствование императора Александра II и, конечно, значительно устаревший. Чувствовалась и в правительственных кругах и в думских сферах – настоятельная необходимость его полной переработки. Но на это необходимо было время. И вот, чтобы надежнее и поскорее двинуть дело, Государственная дума приняла решение отказывать пра-

[8] Генерал Ю. Данилов до войны, с 1908 г. по 1914 г., занимал ответственную должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. При быстрой смене начальников Ген. штаба он, пребывая в должности ближайшего помощника нач. Ген. штаба, приобрел большое влияние на решение всех вопросов оперативной подготовки. Тем больший интерес имеют страницы в его книге «Россия в мировой войне», критикующие сухомлиновский режим. В данном случае мы цитируем выдержку из с. 51 и 52 его книги.

[9] Вернее сказать, «годов» (автор).

[10] С. 34, 35.

вительству в увеличении ежегодно утверждавшегося ею контингента новобранцев до тех пор, пока не будет проведен через законодательные учреждения новый Устав…»

«Сложность вопроса, внутренние междуведомственные трения, которых всегда было немало, привели к тому, что новый Устав о воинской повинности был утвержден в 1912 г. Став, таким образом, законом незадолго до войны, он почти не оказал влияния на условия фактического комплектования армии и порядок переведения ее на военное положение. К тому же новый Устав недалеко ушел от своего предшественника и ни в какой мере не обеспечивал русской армии мирного времени превращения ее с объявлением войны в вооруженный народ».

«Теоретически необходимость построения вооруженной силы современного государства на приведенном базисе, может быть, и признавалась, но реального осуществления это положение не получило».

Глава вторая
Условия, затруднявшие возможности России в полной мере использовать многочисленность ее населения

Оценка способности России к напряжению «людьми». – Льготы по семейному положению. – Изменения, внесенные в Устав 1874 года. – Физическая годность призываемых. – Льготы по образованию. – Закон 1912 года.

Оценка способности России к напряжению «людьми»

Многомиллионная численность населения России импонировала воображению всех, кто подходил к оценке военной мощи России. Наличие 167 миллионов населения в 1914 г. вызывало у многих представление о России как о неисчерпаемом запасе людей, кровью которых можно с избытком залить все недочеты в вооружении и недостаток в снарядах и материальной части.

Между тем первая (и единственная) Всероссийская перепись 1897 г. могла бы открыть глаза на многое. Под впечатлением ее данных Менделеев составляет и издает в 1906 г. свой замечательный труд «К познанию России».[11] Читая эту книгу теперь, можно только поражаться, сколько предсказаний она в себе заключала.

На основании сведений, собранных переписью, Менделеев в таблице № 3 (с. 86–91) распределяет население России по роду и количеству труда, им производимого. В результате он приходит к выводу, что 128-миллионное население России в 1897 г. заключало в себе лишь 34 миллиона «кормильцев», т. е. лиц, участвующих в производительной хозяйственной работе страны и обеспечивающих существование своих семей. Эти 34 миллиона состояли из 27 1/2 миллиона мужчин и 6 1/2 миллиона женщин. В процентном отношении ко всему населению «кормильцы» составляли всего 26 1/2 %. Число хозяйств, согласно той же переписи, измерялось числом в 22 1/2 миллиона, а средняя величина каждого хозяйства в 5 1/2 души. Таким образом, примерно в каждых двух хозяйствах участвовали в добыче заработков только 3 человека, а остальные 8 жили на счет производительной работы первых трех. Рассуждая иначе, можно выразить это соотношение так: «Каждый работник (или распорядитель средств) должен был в среднем прокормить (вместе с ним самим) около 3 3/4 человека, а с присоединением прислуги – около 4 человек, т. е., кроме себя самого, обеспечить жизнь еще 3 лиц».[12]

Для того чтобы оценить социальное значение этих цифр, Менделеев сравнивает их с аналогичными данными от того же времени для других стран.

Перепись 1900 г. в С. А. С. Штатах (не считая Аляски, Филиппин и пр., а также исключая войска) насчитывает 76 млн жителей и из них 29 млн «кормильцев». Это доводит долю «кормильцев» до 38 %. В Германии и Франции этот процент также высок. Во Франции, по переписи 1891 г., он равняется 38 %, а в Германии в 1895 г. – 40 %. Для правильного сравнения с Россией нужно еще указать на то, что в числе «кормильцев» Менделеев считал для России также и лиц, состоящих на военной службе, лиц, не занимающихся никаким трудом и живущих на унаследованные или приобретенные средства, прислугу и лиц, согласно переписи 1897 г., живущих «неизвестными доходами». Между тем все эти категории лиц исключены при исчислении «кормильцев» в Америке, Франции и Германии. Если ввести для однородности исчисления соответствующие поправки, мы получим для России еще меньший процент, а именно – 24 % лиц, участвующих в производственной и хозяйственной жизни страны, против 38–40 % для Америки, Франции и Германии.

Мы не будем входить здесь в подробное обсуждение причин подобной разницы в производственной мощи населения России и других упомянутых государств. Одной из таких причин является большая численность детей в России. Согласно переписи 1897 г., в России процент населения моложе 10-летнего возраста достигал 27,3 %, в то время как для С. А. С. Штатов он равнялся 23,8 %, для Германии 24,2 % и для Франции всего 17,5 %. Однако

[11] Для настоящей работы мы пользуемся 6-м изданием этой книги, выпущенным в 1907 г.

[12] *Менделеев*. К познанию России. С. 118.

несомненно, что заключение Менделеева, что «у нас трудятся в среднем еще немного»,[13] вполне справедливо. Добавленное слово «еще» подразумевает тоже его вполне справедливую мысль, высказанную в другом месте, что повышение трудовой производительности населения увеличивается с повышением культуры.

В военном отношении приведенные выше цифры имеют большое значение.

В самом деле, хозяйственная жизнь страны разрушается призывом в войска тем быстрее, чем меньший процент населения участвует в производительной работе страны. Ко времени мировой войны указанный выше для России процент почти не изменился. В этом можно убедиться из данных сельскохозяйственной переписи 1917 г. Подходя теперь к оценке возможностей напряжения «людьми» России, Франции и Германии в мировую войну на основании сравнения «производящего слоя» населения, мы получим другие соотношения, нежели при простом сопоставлении общей численности населения этих государств. В этом можно убедиться из следующей таблицы:

	Общая численность населения (млн)	Соотношение (Германия принята за сто)	Численность населения, участвующего в произв. работе (млн)	Соотношение (Германия принята за сто)
Россия	150*	220	36	133
Германия	68**	100	27	100
Франция	40**	60	15	55

Примечания:

* Без инородцев и местностей, освобожденных, согласно нашему закону, от воинской повинности.

** Без колоний.

Согласно последней графе вышеприведенной таблицы, численное превосходство России уменьшается на одну треть по сравнению со второй графой.

Дальнейший анализ способности России к напряжению «людьми» окажется еще менее для нее благоприятным. Для правильной оценки напряжения «людьми» во время войны необходимо принять во внимание различие в положении народного хозяйства у нас и в Западной Европе. Наши огромные пространства с разбросанным на них населением и со слабо развитыми городскими центрами, с недостаточной сетью железных дорог, при непроездности в течение некоторой части года большинства грунтовых дорог, наши климатические условия, требующие от главной массы населения много труда по охранению от зимней стужи, а также по борьбе со снежными заносами, – все это вызывает у нас такую добавочную работу, которой Западная Европа не знает. Наконец, нужно принять во внимание еще одно чрезвычайно существенное обстоятельство: количество двигателей по сравнению с Европой – ничтожно; достаточно для этого указать хотя бы на то, что в 1908 г. число паровых лошадиных сил в одной только Франции было в пятнадцать раз больше, чем в России.

Все перечисленные выше условия делали для России всякое отвлечение рабочих рук несравненно более чувствительным, нежели для любого государства Западной Европы.

[13] *Менделеев*. К познанию России. С. 118.

Льготы по семейному положению

Эта чувствительность народного хозяйства России к отвлечению рабочих рук была особенно обостренной в первый период после освобождения крестьян. Русское народное хозяйство только перестраивалось с натурального на товарное. Государственный ум графа Милютина, военного министра императора Александра II, конечно, не мог пройти мимо этого явления. Вследствие этого Устав о воинской повинности 1874 г. дает особенно большое развитие так называемым льготам по семейному положению.

В этом отношении граф Милютин стремился установить преемственную связь Устава 1874 г. с Рекрутским уставом 1831 г., в котором льготе по семейному положению было дано наибольшее развитие. Рекрутский устав 1831 г. под влиянием эмпирически установившихся взглядов обращал главное внимание на то, чтобы при сдаче рекрутов возможно менее расстраивалось благосостояние семьи и всей крестьянской общины, а так как благосостояние семьи при примитивном сельскохозяйственном укладе страны зависело исключительно от числа работников в семье, то в рекруты сдавались предпочтительно сыновья многорабочих семейств.

Льготы по семейному положению подразделялись Уставом 1874 г. на три разряда.

I разряд: а) единственные сыновья, б) сыновья (или внуки) – единственные работники в семье.[14]

II разряд: сыновья – вторые работники в семье.[15]

III разряд: лицо, непосредственно следующее по возрасту за братом, находящимся по призыву на действительной службе или умершим на ней.

Способными к труду в семействе считались имеющие от 18 до 55 лет от роду, за исключением: а) совершенно не имеющих возможности работать вследствие увечья или болезненного расстройства; б) сосланных; в) находящихся в безвестной отлучке; г) находящихся по призыву на действительной военной службе нижними чинами. Лица, имеющие право на льготу I или II разряда, лишались этого права, если по заявлению отца или матери, деда или бабки не служат поддержкой семьи. Если из семейства убывал по какому-либо случаю единственный способный к труду член семьи, то один из находящихся на службе членов такого семейства по выбору старшего в семействе лица увольнялся с действительной службы. Если же к жребию призывали одновременно двух родных братьев, родившихся в одном году, то им предоставлялось право меняться номером жребия; если же по вынутым номерам им обоим приходилось идти на службу, то вынувший больший номер от нее освобождался.

Лица, имевшие право на льготы по семейному положению, *за исключением льготных I разряда*, подвергались жребию наравне со всеми остальными и вносились в общие жеребьевые списки в каждом призывном участке соответственно вынутым номерам. Если для составления полного контингента, падающего на участок, число годных к службе и не имеющих прав на льготы по семейному положению оказывалось недостаточным, то подвергались освидетельствованию и назначались на службу по порядку вынутых номеров молодые люди, имеющие право на льготы по семейному положению III разряда; затем, если недоставало и таковых, приступали к освидетельствованию и назначению на службу молодых людей со льготами II разряда; таким образом, льготы II и III разряда имели лишь условное значение. Льготные же I разряда *безусловно освобождались* от действительной службы.

---

[14] 1) Единственный способный к труду сын при отце, не способном к труду, или матери-вдове; 2) единственный способный к труду брат при одном или нескольких круглых сиротах, братьях или сестрах; 3) единственный способный к труду внук при деде или бабке, не имеющих способного к труду сына.

[15] Единственный способный к труду сын при отце, также способном к труду, и при братьях, к труду не способных.

Все льготные зачислялись в ополчение: льготные I разряда – во II разряд ополчения, а льготные II и III разрядов – в I разряд ополчения.

В числе ежегодно призываемых имели льготы по семейному положению:[16]

I разряда	около 24 %
II разряда	около 20 %
III разряда	около 5 %

Принималось же на действительную службу из числа льготных менее одного процента. Следовательно, из числа ежегодно призываемых от действительной службы освобождалось по семейному положению около 48 %, причем половина из них зачислялась в ополчение I разряда, а половина – в ополчение II разряда.

Таким образом, около 48 % ежегодного призыва освобождалось по семейному положению от военной службы в мирное время, а половина из них (24 %), кроме того, освобождалась также и от службы в военное время в действующих войсках.

Если мы посмотрим, как обстояло дело со льготами по семейному положению в других европейских государствах, то мы увидим, что на этом основании освобождались из числа призывных:

Во Франции	0 %
В Германии	2 %
В Австро-Венгрии	3 %
В Италии	37 %

Из этого сопоставления мы видим, что только Италия давала почти столь же широкое развитие льготам по семейному положению. Причиною этому было то, что Италия так же, как Россия, позже других государств вступила на путь индустриализации своей экономической жизни. Она так же, как и Россия, стремилась в каждом крестьянском хозяйстве сохранить рабочие руки.

[16] *Редигер*. Комплектование и устройство вооруженной силы. Изд. 3-е. С. 139.

Изменения, внесенные в устав 1874 года

Устав 1874 г. подобно Рекрутскому уставу 1831 г. сберегал семью отца или в его отсутствие семью деда, но не семью самого призываемого.[17]

Объясняется это следующими мотивами. Сейчас же после освобождения крестьян от крепостной зависимости особое значение придавалось родовому началу. Общинная форма владения землей, посредством которой правительство императора Александра II стремилось застраховать крестьянство на первых порах его освобождения от пролетаризации, усиливала родовое начало и затрудняла выделение молодых семей. С дру гой стороны, если бы закон применял установленные им льготы, принимая в расчет и семью призываемого, то пришлось бы освободить от военной службы всех женатых, имевших детей, ибо вследствие молодости призываемых их дети могли быть только малолетними.

Нам приходится вновь указать здесь на пережитки Рекрутского устава 1831 г., перешедшие в Устав 1874 года. При прежнем устройстве вооруженной силы, когда армия содержалась в мирное время почти в полном составе и при большом сроке службы, призываемый совершенно отрывался от семьи, а так как рекруты выбирались по преимуществу из холостяков, то с объявлением войны по сравнению с мирным временем в положении солдата ничего не изменялось. Главное же, Рекрутский устав и не преследовал идеи общеобязательности воинской службы.

Устав 1874 г., стремясь провести в жизнь основные идеи обязательной воинской службы, распределив, насколько возможно, социально справедливо тяготы воинской повинности, учел только мирное время. Этот крупный недочет был естественным в первом законе о всеобщей воинской повинности. Во-первых, вследствие новизны формы комплектования, во-вторых – вследствие того, что новый закон не мог не испытывать на себе влияние предшествующего Рекрутского устава. Наконец, реформы императора Александра II были так грандиозны, они требовали такого большого напряжения страны, переходящей накоротке от устарелых форм социальной и хозяйственной жизни к совершенно новым, что правительство императора Александра II было вынуждено в ближайший период времени после освобождения крестьян выдвинуть на первое место экономические интересы текущей минуты. Таким образом, решения Устава 1874 г. для переходного времени являлись неизбежными. Но по мере удаления от периода реформы недочеты, таившиеся в Уставе 1874 г., должны были в случае большой европейской войны сказаться с возрастающей силой.

Мы видели выше, какая создавалась социальная несправедливость: в то время, когда 40-летний многосемейный запасный призывался жертвовать всем, включая и собственную жизнь, здоровый, холостой 21-летний парень оказывался «забронированным» в тылу. Эта несправедливость усугублялась тем обстоятельством, что главная причина (семейное положение), которая обуславливала судьбу молодых людей призывного возраста, по достижении ими 30–40-летнего возраста, как правило, отпадала. Большинство из них уже не жило в семье своего отца или деда, а само вело отдельное хозяйство. Таким образом, с объявлением войны прежний порядок превращался в «беспорядок», вместо закономерной справедливости царил произвол случая.

---

[17] Как исключение из этого основного правила, необходимость поддержки собственной семьи призываемого могла быть принята во внимание в двух случаях:1. По отношению к призывным, которые вступили в брак, имея в то время право на льготу I разряда, но ко времени призыва лишились этого права за смертью лиц, бывших на их попечении, если только у этих призывных есть дети.2. По отношению к одиночкам, у которых за смертью жен дети остаются без всякого попечения; эта льгота давалась лишь по представлению губернаторов с Высочайшего соизволения (Устав о воинской повинности 1874 г.; изд. 1897 г., ст. 48, примеч. 1 и циркуляр Министерства внутренних дел, 1883 г. № 4).

Конечно, коренной причиной такого положения при объявлении войны являлось то, на что мы усиленно указывали в первой главе, а именно – наш устав о воинской повинности устанавливал то, что решающим моментом, определяющим судьбу мужского населения, является 21-летний возраст, когда это население распределялось по трем категориям: действующие войска, ополчение I разряда и ополчение II разряда. Но вместе с тем известную роль в создающемся с объявлением войны «беспорядке» играла и самая постановка льгот по семейному положению. В самом деле, из цифр, приведенных выше, мы видели, что из освобожденных по семейным льготам новобранцев половина являлась льготными II и III разряда. Если же мы припомним, что в число льготных I разряда попадали все единственные сыновья, хотя бы они были в семьях с работоспособным отцом, то мы получим, что ежегодно около 30 % призывных молодых людей зачислялось сразу в ополчение, хотя они и были не первыми, а вторыми работниками в семье.

Таким образом, наш закон не только обеспечивал в мирное время народное хозяйство нужными рабочими руками (один работник на семью), а даже переходил пределы этой необходимости. Но эта «роскошь» покупалась дорогой ценой в военное время. Категория ратников ополчения возрастала, а это приводило к необходимости использовать для укомплектования армии более пожилые возрастные классы лиц, прослуживших в постоянных войсках.

Изменения, внесенные законом 1912 г., были вызваны стремлением реорганизовать вооруженную силу России после печального опыта с Японией. Но война с Японией не вызвала в России общей мобилизации, а потому не могла выяснить всю устарелость Устава 1874 г. для грозящей большой европейской войны. Поэтому реформа, предпринятая под непосредственным впечатлением неудач в японскую войну, оказалась слишком поверхностной. Серьезное же научное изучение вопросов государственной обороны было у нас не в почете. Начальник Генерального штаба генерал Палицын и военный министр генерал Редигер, предпринявшие было подобную работу, были довольно скоро удалены со своих постов, и на их место выдвинут генерал Сухомлинов, представлявший собою банальный тип генерала-шовиниста, крайне легкомысленно относившегося к государственной обороне и вообще к войне.

«Исходной причиной закона 1912 года, – пишет Б. А. Энгельгардт, бывший докладчик по военным вопросам в Государственной думе, – являлась неудовлетворительность комплектования русской армии и хронический некомплект ее в мирное время. Поэтому этот закон преследовал прежде всего цель – обеспечить нашей армии возможность исправного получения ежегодных пополнений в размерах, требуемых численностью армии.

Достигалось это некоторыми изменениями в отделе льгот, предоставляемых населению при отбывании воинской повинности (понижением работоспособного возраста), и новым порядком разверстки контингента новобранцев.

Таким путем новый закон обеспечивал потребности армии мирного времени, что же касается потребностей военного времени, то эта задача оказалась выполненной не вполне.

Наше народное представительство, родившееся после революции 1905 г., было слишком занято в первые годы своего существования борьбой с правительством за самоутверждение. Оно не смогло достаточно глубоко взглянуть на вопросы государственной обороны». [18]

Мы же усилим только что приведенное заключение докладчика Государственной думы, сказав, что потребности военного времени были совершенно упущены.

В результате наше молодое народное представительство, ревниво и несколько односторонне рассматривавшее данный закон при обсуждении его в Государственной думе, слиш-

[18] Монография специально составлена бывшим членом Государственной думы Б. А. Энгельгардтом и хранится в библиотеке Carnegie Endowment Fund. Тетрадь 1. Ч. 2. С. 8–9.

ком много обращало внимания на обеспечение личных интересов населения, упустив интересы всего государства.

Закон 1912 г. оставил льготы по семейному положению без сколько-нибудь существенных изменений. Робкая попытка Военного министерства затронуть этот вопрос окончилась неудачей. Военное министерство в представленном им в Государственную думу законопроекте предлагало не считать единственных сыновей при работоспособном отце льготными I разряда. Такая поправка уменьшала число лиц, ежегодно зачислявшихся при призыве в ополчение II разряда, т. е. число лиц, фактически освобождавшихся в военное время от боевой службы, на 100 000. Но Государственная дума не согласилась с этим и восстановила прежнее положение. Она руководствовалась при этом тем, что в населении вошло в привычку «считать единственных сыновей освобожденными от тяготы военной службы».

Единственным изменением устава 1874 г. прошло в Государственной думе понижение работоспособного возраста; закон 1912 г. устанавливал начало работоспособности не с 18 лет, как это имело место в Уставе 1874 г., а с 17 лет. Это немного ограничивало круг действия льгот по семейному положению, но по существу дела их не затрагивало. По-прежнему льготные сразу же при призыве назначались в ополчение, что в случае войны предрешало самое несправедливое распределение тягот военной службы.

Вследствие вышеизложенного Россия, вступая в 1914 г. в мировую войну, оказалась по сравнению с прочими воюющими сторонами во вдвойне трудном положении.

Во-первых, по причине состояния ее народного хозяйства, нуждавшегося в гораздо большем числе рабочих рук, нежели это требовалось в других западноевропейских странах.

Во-вторых, вследствие того, что самая система использования ее людского запаса являлась устарелой и была приспособлена к мирному времени, а не к войне.

Пришлось во время войны в спешном порядке проводить ряд принципиально изменяющих установленный порядок законов. Так, в 1915 г. издается закон о праве призыва ратников II разряда в войска.[19] Но эти новые законы не являлись следствием одной строго продуманной, цельной системы. Спешно производимые во время войны изменения в законодательстве об общеобязательной военной службе вносили также и замешательство в понятия масс, внушенные старым законом в долгие годы мирного времени.

[19] Монография Б. А. Энгельгардта. Тетрадь 1. С. 32.

Физическая годность призываемых

Несоответствующее использование нашим законом людского запаса, даже в сокращенных размерах, допускаемых состоянием нашего народного хозяйства, ярко обнаруживается в таком важном вопросе, как вопрос о физической годности новобранцев. Освобождение около 1/2 ежегодного контингента призывных молодых людей по семейным льготам создавало чрезвычайные трудности. Приходилось сильно понижать требования к физической годности новобранцев.[20]

Совершенно не годными к военной службе признавалось обыкновенно 6 % из всего числа призываемых, а по физической неспособности зачислялось в ополчение II разряда около 11 %.

В нижеследующей таблице приведены проценты лиц призывного возраста, освобождаемых от действительной службы по причинам физической негодности, в различных армиях.

Процент лиц призывного возраста, освобождавшихся по причинам физической негодности от действительной службы в различных армиях

Австро-Венгрия	50 %
Германия	37 %
Италия	27 %
Франция	21 %
Россия	17 %

Россия стоит на последнем месте. Но причиною этого вовсе не является то, что уровень здоровья населения России выше, чем в прочих европейских странах. Такое соотношение – лишь следствие того, что, дав большое развитие льготам по семейному положению, нашему уставу приходилось понизить уровень требований к физической годности новобранца.

Насколько этот уровень оказывался низким, свидетельствует следующий, прямо поражающий факт: русская армия в мирное время страдала хроническим некомплектом. «Очередные приемы заканчивались хроническим недобором новобранцев, – говорит докладчик в Государственной думе закона 1912 г. (об изменении Устава о воинской повинности) Б. А. Энгельгардт,[21] – и это при наличии в то же время среди населения большого числа физически годных лиц призывного возраста. При зачислении новобранцев в войска огромное число

[20] Устав 1874 г. освобождал совершенно от военной службы или давал годовую отсрочку (до двух раз) лицам, не соответствующим установленным им физическим требованиям. Полному освобождению подлежали лица, которые по телесным недостаткам или болезненному развитию признавались совершенно не способными ни к какому роду службы – строевой или нестроевой. Расписание телесных недостатков и болезней, препятствующих приему на службу, было изложено в особом наставлении. Освобожденные по физической негодности, если они все же были способны носить оружие, зачислялись в ратники II разряда. Отсрочка по причинам здоровья давалась лицам, оказавшимся недостаточно возмужалыми для службы или страдающим такими болезнями, которые не признаются совершенно освобождающими от службы, а также лицам, еще не оправившимся после недавно перенесенной болезни. Отсрочки эти давались сначала на один год, а если эти лица являлись и по истечении года вновь слабосильными, то поступление на военную службу отсрочивалось еще на один год; если же и по прошествии двух лет они оказывались не способными к военной службе, они совершенно освобождались от действительной службы и зачислялись в ополчение. По невозмужалости и для поправления здоровья получали ежегодно отсрочку: в 1-й раз около 7 % призываемых, во 2-й раз – около 3 1/2 %.

[21] Монография Б. А. Энгельгардта. Тетрадь 1. Ч. 2. С. 7.

опротестованных[22] свидетельствовало о низком уровне физической оценки при приеме их. Наконец, высокий процент естественной убыли нижних чинов по физическим недостаткам в самой армии (около 4–5 %) указывал на слабый физический состав ее укомплектования. В результате армия содержалась в крупном некомплекте».

Низкий уровень физической годности новобранца, принятый нашим законом, имел еще очень серьезное отрицательное следствие. Убыль[23] в возрастных классах обученных людей у нас была значительно больше, нежели в Германии. В последней такая ежегодная убыль считалась равной 3 %, т. е. из 100 человек, перечисленных в резерв на следующий год, оставалось 97, через два года – 94, через 10 лет – 73 человека. У нас же ежегодная убыль должна была исчисляться равной 4 %, т. е. через 10 лет после перечисления 100 человек в запас оставалось всего 64. Между тем Россия сохраняла более долгие сроки действительной службы, чем Германия, а следовательно, запас военно-обученных людей накоплялся с большим трудом и убыль в этом запасе была для России более чувствительной, нежели для Германии.

Наконец, низкий уровень физической оценки годности принимаемых на военную службу должен был отразиться и на боевой энергии частей войск в первых же сражениях. «В здоровом теле – здоровый дух», – говорит старая пословица. Предел возможности должен был также понизиться. Особенное значение имеет это обстоятельство в первых боях, когда выковываются боевые традиции частей войск. Первые боевые опыты устанавливают в них как бы ощущение некоторого предела возможного и невозможного для них боевого напряжения. Переход этого предела обуславливает начало «отказа от борьбы», выражающегося в бою уходом с поля сражения отдельных людей, залеганием или самовольным отходом небольших частей и, наконец, паническим отступлением или даже сдачей в плен. В войсковой части, обретшей в первых боях уверенность в своих силах, высокий воинский дух долго сохраняется и через остающиеся кадры передается прибывающим укомплектованиям. Последние могут оказаться физически менее годными, но, попадая в войсковую часть с высоким пределом моральной упругости, они подравниваются. «Дух» части не падает, а увеличивается лишь процент заболеваемости. Так случилось с германской армией, выступившей в 1914 г., самой молодой и самой здоровой; влитые в нее в последующие годы укомплектования из значительно более старых и менее физически годных людей почти не понизили высокого морального уровня немецких полков.

Таким образом, повышение уровня физической годности новобранцев являлось вопросом первостепенной государственной важности. Но наши законоположения, как мы уже несколько раз указывали, учитывая особенности русского народного хозяйства в мирное время, не смели подняться на научную высоту предвидения условий ведения современной большой войны. Возможности для повышения требований к физической годности новобранцев были. Как мы видели выше, из 48 % призывных молодых людей более половины (30 %) являлись не единственными, а вторыми работниками в семье. Следовательно, можно было ежегодно браковать за физической негодностью не 17 %, а гораздо больше, доведя требования до германской нормы и выше. Россия благодаря своему многолюдью могла иметь и самую молодую и самую здоровую армию из всех стран.

В итоге получилось, что хотя для воинской службы в мирное время особенности русского народного хозяйства и были учтены, но это было сделано без оглядки на военное время. В какой мере представления о предстоящей войне были ложны – свидетельствуют труды некоторых военных профессоров. Так, например, профессор курса стратегии, генерал

[22] То есть лица, принятые на призыве, но забракованные частями войск, на укомплектование которых они были присланы.

[23] Не только вследствие смерти, но также вследствие потери физической годности.

Михневич проводил мысль, что военная мощь России обуславливается культурной отсталостью ее народных масс и примитивностью форм ее хозяйства.

Подобные взгляды являются чрезвычайно характерными для руководящих Россией перед войной кругов. Этим и объясняется то, что они не смогли превратить Устав 1874 г. в закон, действительно отвечающий идее защиты государства «вооруженным народом». Остановка в развитии нашего законодательства совпала с быстрым темпом развития новой идеи в прочих западноевропейских государствах. Наш закон, оставаясь без движения, все более отставал от требований жизни и все более становился «кустарным».

Льготы по образованию

Другой серьезной причиной, затруднявшей для России полное использование ее людского запаса, являлись малочисленность образованных людей и малое просвещение народных масс.

По переписи 1897 г., число лиц мужского и женского пола, обучавшихся грамоте и получивших образование в низших школах, достигало всего 25 862 000. Это составляло всего 20 % общего количества от всего населения. Настаивать на малой величине этого процента не приходится; она сама собой очевидна. Столь же печальную картину показала перепись 1897 г. и в отношении лиц, получивших среднее и высшее образование. Общая численность тех и других достигала всего 1 441 700 мужчин и женщин (вместе). В процентном отношении ко всему населению империи это представляло ничтожную величину в 1,1 %. Тонкость культурного слоя и породила в России своеобразное явление. Лица, получившие среднее и высшее образование, отличались от прочей среды тем, что в обыденной речи было обобщено словом «интеллигенция». Нельзя, конечно, применять к этому слою понятие сословия. Но характерно следующее явление: революция 1917 г., разрушавшая остатки сословного начала в России, по мере того как она углублялась в народные массы, превращалась в революцию «большевистскую», и разрушительное действие этих масс направлялось главным образом на «интеллигенцию». Клички «помещик», «буржуй» и т. п. являлись только лозунгами, которыми лидеры большевиков толкали темную массу на разрушение, но первым признаком лиц, предназначенных к уничтожению, было не столько обладание каким-либо имуществом, сколько наличие образования, придававшего «интеллигенции» облик, отличный от темной народной массы.

Несомненно, что в 1874 г. образование и грамотность были еще менее распространены в России. Граф Милютин и его сотрудники, составляя Устав 1874 г., учли малограмотность России и бедность ее образованными людьми. Они ввели в Устав 1874 г. целый ряд льгот «по образованию». Этими льготами они предполагали достичь двух целей: во-первых, оградить интересы народного просвещения, а также потребность различных отраслей государственной и общественной деятельности в сотрудничестве образованных людей; во-вторых, удовлетворить потребность армии в офицерах привлечением в их ряды образованных молодых людей.

«Льготы по образованию», введенные Уставом 1874 г., заключались: а) в отсрочке призыва, б) в уменьшении сроков прохождения службы и пребывания в запасе и в) в освобождении от воинской службы.

А. Всем воспитанникам учебных заведений I разряда закон предоставлял отсрочку различной продолжительности, смотря по значению самых заведений и по объему их курса. Наименьшая отсрочка давалась воспитанникам гимназий и равных им заведений (до достижения ими 22-летнего возраста); наибольшая отсрочка существовала для обучающихся в университетах (до 27-летнего возраста) и в духовных академиях (до 28-летнего возраста). Отсрочкою для окончания образования пользовались ежегодно около 0,4 % призываемых.

Б. Молодые люди, уже получившие образование, могли поступать на службу двояким путем: или по общему призыву или же по добровольному желанию без жребия, в качестве «вольноопределяющихся». Выбор того или другого пути предоставлялся собственному усмотрению каждого лица, причем желающие быть вольноопределяющимися обязаны были заявить об этом за два месяца до призыва к жребию их возраста. Для каждой из этих двух категорий установлены были особые льготы, но так как для первой категории большое преимущество заключалось уже в том, что лица, ее составляющие, подвергаясь жребию, имели шанс по вынутому ими номеру вовсе освободиться от службы, то для того, чтобы не умень-

шать числа вольноопределяющихся, размер льгот, предоставляемых этим последним, был гораздо больше, чем для поступающих по жребию.

Для последних, т. е. для «жеребьевых», льготы, согласно Уставу 1874 г., заключались в сокращенных сроках действительной службы в постоянной армии, причем общий 8-летний срок всей службы для них не сокращался. Размер сокращения сроков действительной службы был поставлен в зависимость от полученного образования, и в этом отношении все молодые люди разделялись на 3 разряда:

1. Окончившие курс в учебных заведениях I разряда, а равно курс шести классов гимназии, служили два года.

2. Окончившие курс в учебных заведениях II разряда должны были состоять на действительной службе три года.

3. Имеющие свидетельство о знании курса начальных народных училищ или других заведений III разряда должны были состоять на действительной службе четыре года.

С уменьшением срока действительной службы для всех лиц с 5 до 3 лет для пехоты и артиллерии (кроме конной) и до 4 лет для остальных родов войск льгота, поименованная в последнем пункте, утратила свое значение.

Молодые люди всех перечисленных трех разрядов по выслуге вышеозначенных сроков в постоянных войсках состояли в запасе такое число лет, какого недоставало до выслуги полного общего срока службы, т. е. до 18 лет.

Количество молодых людей, отвечающих требованию перечисленных трех разрядов, достигало только 2,8 % призываемых, и из них 9/10 составляли окончившие курс начальных училищ.

Для молодых людей, изъявивших желание поступить на службу «вольноопределяющимися», были установлены льготы в более обширных размерах, а именно – сокращение сроков службы действительной и в запасе и право поступать с 17-летнего возраста.

Желающие поступить «вольноопределяющимися» должны были удовлетворять следующим условиям:

1. Иметь не менее 17 лет от роду и в случае несовершеннолетия предъявить удостоверение о согласии родителей или опекунов.

2. Соответствовать по своему здоровью и телосложению условиям, установленным для приема на службу.[24]

3. Представить свидетельство об окончании полного курса одного из учебных заведений I разряда (в гимназиях не ниже 6-го класса) или же о выдержании испытаний по особой программе (приблизительно соответствующей курсу уездных училищ или 4-му классу гимназии).

Лица, подвергшиеся по судебному приговору наказаниям, сопряженным с лишением права поступать на государственную службу, а также признанные по суду виновными в краже или мошенничестве, не допускались в «вольноопределяющиеся».

Для «вольноопределяющихся» были установлены сокращенные сроки службы как действительной, так и в запасе, причем они разделялись на два разряда соответственно полученному образованию:

1. Получившие образование, соответствующее курсу шести классов гимназии и выше, состояли на действительной службе всего один год.

2. Выдержавшие испытание по особой программе – два года.

[24] Вольноопределяющимися могли приниматься лица, не удовлетворявшие в физическом отношении требования, кои предъявлялись жеребьевым.

По выслуге вышеуказанных сроков вольноопределяющиеся, как нижнего звания, так и произведенные в офицеры, в том случае, когда они не изъявляли желания продолжать действительную военную службу, перечислялись в запас, но всего на двенадцать лет.

В. Наконец, полное освобождение от воинской службы в мирное время закон предоставлял:

1. Врачам, ветеринарам, фармацевтам, если они по уставам заведений, в коих получили образование, не были обязаны службою в военном ведомстве.

2. Пенсионерам Академии художеств, отправленным за границу на казенный счет для усовершенствования образования.

3. Преподавателям и штатным воспитателям во всех правительственных и многих других учебных заведениях, поименованных в особом списке. Эти последние лица обязаны были в течение 5 лет, начиная с года, в который они могли быть призваны, представлять удостоверение своего начальства, что они не оставили своих занятий; прекратившие же занятия ранее пяти лет призывались на военную службу на срок, соответствующий их образованию.

Все переименованные выше лица зачислялись в год их призыва прямо в запас сроком на 18 лет. Подобною льготою пользовались ежегодно 0,2 % призываемых.

Предоставляя молодым людям отсрочку для окончания образования, наш закон стоял на широкой государственной точке зрения. Но нельзя сказать того же, если мы внимательно оценим значение льгот по образованию, перечисленных в следующих пунктах: Б) уменьшение сроков службы и пребывания в запасе и В) полное освобождение от действительной службы в мирное время. Тут Устав 1874 г. считался в действительности только с интересами мирного времени, поступившись весьма значительно потребностями защиты государства во время самой войны. При рассмотрении льгот по семейному положению мы обнаружили подобную же тенденцию Устава.

В самом деле, сокращая срок действительной службы для всех сколько-нибудь выделяющихся из уровня малограмотной массы, Устав 1874 г. шел этим наперекор второй задаче, которую он хотел выполнить, а именно – обеспечить армию на случай войны контингентом запасного офицерства. Нормальная продолжительность срока действительной службы, исчисленная для элементарной подготовки неграмотного или малограмотного человека, оказывалась излишней для молодого человека, получившего образование. Но интересы государства, в особенности России с ее тонким слоем интеллигенции, требовали, чтобы воинская подготовка молодых людей, обладающих образованием, не ограничивалась одним элементарным военным обучением в рамках простого рядового. Эта подготовка должна была расти с повышением образования молодого человека, достигая для лиц среднего и высшего образования требований, предъявляемых к младшему офицеру. Устав же держался противоположной точки зрения, исходя из того, что с повышением образования требуется меньший срок для элементарного воинского обучения. Для того же, чтобы привлечь образованных молодых людей к подготовке к офицерскому званию, Устав оказался в необходимости предоставить вольноопределяющимся еще большее сокращение срока действительной службы. Последнее, как мы видели, достигало для вольноопределяющихся первого разряда (лиц со средним образованием) таких размеров, что можно определенно утверждать, что поставленной себе задачи Устав совершенно не достиг: за один год действительной службы мирного времени подготовить молодого человека к должности младшего офицера абсолютно невозможно. Опыт всех западноевропейских государств подтверждает только что сказанное. Во Франции для офицеров запаса был установлен двухлетний срок действительной службы, из них полтора года нижним чином и полгода офицером; в Италии срок непрерывного пребывания в действительной службе будущего запасного офицера колебался между 20 1/2 месяца и 27 месяцами; в Германии срок действительной службы был: один год нижним чином, четыре месяца унтер-офицером или вице-фельдфебелем в следующий лагерный сбор и последую-

щие повторные призывы на несколько недель в качестве офицера. Минувшая большая война в первый же период наглядно подтвердила, что Россия вступила в войну без надлежаще подготовленного запасного офицерства.

Для того чтобы привлечь образованных молодых людей подготовляться к офицерскому званию, Уставу пришлось пойти на еще большую жертву: он сокращает для этих молодых людей не только срок службы, но и срок пребывания их в запасе, уменьшая этот срок до 12 лет; таким образом, Устав 1874 г. не только ухудшал подготовку запасного офицерства, но и численно уменьшал офицерский запас.

Точка зрения Устава 1874 г., что образование само по себе должно давать право на облегчение «воинской повинности», оказалась неправильной не только в узко военном смысле, но она имела вредное влияние и в более широком, общегосударственном отношении. Своей точкой зрения Устав 1874 г. низводил провозглашенный им самим в первой статье закона принцип – что защита Отечества есть священный долг каждого гражданина – до узко эгоистического понимания этого долга лишь как неприятной «повинности». В этой точке зрения проглядывает устарелая идея, присущая циклу идей, связанных с «вотчинным» пониманием государства, – идея белой кости и пушечного мяса. Правда, Устав 1874 г. отказался от сословных и имущественных привилегий, но благодаря неполному разумению начал новой государственности он фактически вводил новые привилегии для того слоя людей, который в России обобщался под словом «интеллигенция». Неправильная точка зрения Устава широко отразилась на наших мероприятиях по подготовке к войне. Под предлогом оградить потребность различных отраслей государственной и общественной жизни в образованных людях составлялись длиннейшие списки должностей, освобождавших от призыва в войска в случае войны. Сопоставление таких списков с подобными же французскими и немецкими обнаружило бы нам обширную категорию «амбюске», которую в мирное время подготовляло наше законодательство.

Полное освобождение от действительной службы в мирное время преподавателей и воспитателей учебных заведений могло только усиливать эту тенденцию к уклонению от «священного» долга защиты отечества. Ближайшие руководители молодежи совершенно отрывались от армии, в то время как создание в военное время «вооруженного народа» требовало как раз обратного, т. е. самой тесной и многообразной духовной связи между народом и армией. Учителя нашей молодежи не могли в настоящем смысле слова воспитывать в ней чувство долга защищать Родину. Вопрос идет здесь вовсе не о воспитании нашей молодежи в шовинистическом духе, а о том, чтобы каждый юноша был приучен к сознанию, что интересы государства могут потребовать от него не только бескорыстных усилий, но и жертвы жизнью и что поэтому воинская служба есть не только повинность, а действительно священный долг. Оторванный от армии учитель часто видел только ее отрицательные стороны и за внешними формами милитаризма не мог различить права народа на защиту своей национальной независимости, единства и свободы.

Таким образом, Устав 1874 г. не только не предвидел необходимости бороться с «амбюскированием» во время войны, но даже заложил психологические основы для его широкого развития. Насколько это зло в действительности получило у нас широкое распространение во время большой войны, и как раз среди нашего образованного класса, свидетельствует следующий характерный психологический факт: несмотря на то что число «амбюске» в среде нашей интеллигенции было несоизмеримо больше, чем во Франции, на нашем языке не создалось даже слова, отвечающего понятию «амбюске». В общественной мысли это новое социальное явление не было еще осознано. Тем более не могло быть оно осознано в понимании широких малокультурных народных масс.

Закон 1912 года

Закон 1912 года внес некоторые изменения в льготы «по образованию», установленные Уставом 1874 года.

Срок действительной службы по льготе I разряда был увеличен до двух лет (в запасе 16 лет). Но пользование этой льготой было поставлено под условием выдержания экзамена на прапорщика (т. е. подготовка на должность младшего офицера).

Действие льготы II разряда было сокращено; она только предоставляла право лицам, обладавшим этой льготой, состоять на действительной службе три года, независимо от того, в какой род войск они будут определены. Ввиду того, что, как мы видели выше, срок службы в пехоте и в артиллерии, кроме конной, был установлен для всех призывных – три года, получалось, что вторая льгота распространялась лишь на тех лиц, которые попадали в конную артиллерию или в специальные войска, где срок службы был четырехлетний. Таким образом, действие второй льготы по образованию фактически было ограничено. Льгота III разряда, с общим сокращением сроков службы, сама собою отпадала. Решение закона 1912 года – поставить пользование льготой по образованию I разряда под условие выдержания на прапорщика – понуждало нашу образованную молодежь готовиться к должности младшего офицера в военное время, независимо от того, проходят они службу как жеребьевые или как вольноопределяющиеся. Это увеличило контингент нашего запасного офицерства. Ввиду этого закон счел возможным повысить срок действительной службы для вольноопределяющихся и увеличить срок их пребывания в запасе, доведя общий срок до 18 лет.[25] Согласно закону 1912 года, срок действительной службы для всех вольноопределяющихся был установлен на два года (ст. 110). Из них имеющие право и выдержавшие экзамен на прапорщика или подпоручика (корнета) должны были прослужить на действительной службе всего 18 месяцев и 16 1/2 лет числиться в запасе, причем им предоставлялось право выбора – служить ли все 18 месяцев подряд или в два срока: сначала 15 месяцев подряд, а затем через год еще 3 месяца.

Военное ведомство, внесшее законопроект 1912 года в Государственную думу, находило и эти сроки недостаточными для соответственной подготовки будущих офицеров и настаивало на 20-месячном сроке службы. Оно «намечало следующую схему подготовки будущих офицеров запаса»:

«Поступление на службу 1 января.

С января по апрель – первоначальное воинское обучение, т. е. одиночная подготовка и учебная команда.

С мая по август – отбытие лагерного сбора, обязательно в рядах своей части унтерофицером.

Осенью подготовка в особых курсах (командах) к экзамену на прапорщика; производство в этот чин в декабре – январе.

Последние 8 месяцев – с 1 января по 1 сентября – служба в войсковой части в качестве офицера.

Изменения, внесенные в законопроект Государственной думой и получившие силу закона: поступление на службу 1 июля и срок службы 18 месяцев подряд или в два приема на выбор, не позволяли осуществить программу, намеченную военным ведомством».[26]

---

[25] Как мы указывали выше, Устав 1874 года сокращал пребывание вольноопределяющихся в запасе до 12 лет, что приводило к сокращению общего срока службы в действующих войсках – для вольноопределяющегося I разряда до 13 лет, а для вольноопределяющегося II разряда до 14 лет.

[26] Монография Б. А. Энгельгардта. Тетрадь 1. С. 37, 38, 39.

В первой главе нам приходилось уже указывать на то, что наше молодое народное представительство, обращая внимание на обеспечение личных интересов населения, не в должной мере учитывало общегосударственные интересы. «Это особенно рельефно сказалось, – пишет член Государственной думы Б. А. Энгельгардт, докладчик законопроекта, – в поправках, внесенных Государственной думой по вопросу о вольноопределяющихся, и в других изменениях законопроекта, составленного военным министром».[27]

Закон 1912 года внес еще и другие изменения в отдел льгот по образованию.

Ст. 49 этого закона повышала до двух лет срок службы для лиц, занимающих учительские должности, которые не дают по закону полного освобождения от военной службы в мирное время.[28] Изменить коренным образом точку зрения на учителя, как прежде всего на воспитателя молодежи в чувстве долга перед отечеством, закон 1912 года не посмел. Поэтому ожидать от него быстрого влияния на перемену создавшейся в условиях закона 1874 года психологии было трудно. Но даже в ограниченных рамках улучшения в законодательстве, вносимые изменением 1912 г., не могли сказаться в 1914 г. Психика масс в период мирной жизни изменяется медленно.

Малое просвещение народных масс отразилось на длительности сроков действительной службы в постоянных войсках.

Естественно, что для того, чтобы подготовить современного воина из неграмотного или малограмотного новобранца, нужно больше времени, чем для таковой же подготовки хорошо грамотного и просвещенного молодого человека. Этим обстоятельством и объясняется то, что Россия гораздо медленнее шла по пути сокращения сроков действительной службы в мирное время, нежели Франция и Германия. Но и в этом вопросе наше Военное ведомство, учитывая специфические условия России, не сумело в своих расчетах стать на новую точку зрения, связанную с подготовкой вооруженной силы как вооруженного народа. Последнее требовало создания многочисленного запаса военнообученных людей. В свою очередь, это приводило к необходимости призывать на пополнение постоянной армии при объявлении общей мобилизации более пожилые возрастные классы, т. е. армия выступала на войну более старой. Выше мы говорили, что именно многолюдье России позволяло ей иметь самую молодую из всех европейских государств армию.

Германия с целью увеличить запас военнообученных людей отчисляла часть призыва после годового пребывания в постоянных войсках в Эрзац-резерв. Немецкий Генеральный штаб был совершенно прав, исходя из того, что элементарная воинская подготовка не требует большого срока. Во время войны пришлось даже и у нас сократить срок воинской подготовки новых призывов и ранее не обученных людей до шести месяцев, и опыт войны показал, что при правильной постановке обучения в запасных частях и при сильных кадрах в частях действующей армии достигались отличные результаты.

Но наши законоположения об обязательной воинской службе и об организации вооруженных сил, как мы неоднократно указывали, никак не могли отрешиться от устарелой точки зрения, связанной с ведением войны профессиональной армией. Отсюда и вытекало то, что наше военное ведомство не оценило всего громадного значения отлично профессионально подготовленных и численно сильных кадров из начальствующих лиц. Ярким доказательством этому может служить нижеприводимая таблица, указывающая, какое число сверхсрочных унтер-офицеров приходится в среднем на роту постоянных войск мирного времени:

Сколько сверхсрочных унтер-офицеров приходится в среднем на роту в мирное время

[27] Там же. С. 10.

[28] Кроме того, закон 1912 г. вносил некоторые изменения в прохождение службы лиц, получивших один из видов медицинского образования.

В России	около 2
в Австро-Венгрии	около 3
в Италии	3 (плюс капралы)
во Франции	6 (плюс капралы)
в Германии	12

Если добавить к этому, что в офицерском составе Русской армии в мирное время всегда существовал большой некомплект,[29] а также то, что, как мы указывали выше, вопрос о подготовке запасного офицерства был в России поставлен хуже, чем где бы то ни было, можно еще раз убедиться, что наше Военное ведомство готовило скорее профессиональную армию, а не профессиональные кадры для вооруженного народа.

Если бы Россия предъявила к своим более образованным слоям населения повышенные требования и подготовила бы из них хорошие офицерские и унтер-офицерские кадры, то и срок службы для рядового бойца мог быть сокращен гораздо решительнее, чем это делалось на деле.

Приходится в заключение опять указать, что наши законоположения об обязательной воинской службе пытались слишком примитивно разрешить крайне усложнившиеся вопросы организации современного «вооруженного народа»; над ними слишком еще тяготела устарелая идея ведения войны «постоянной армией».

[29] 12 (25) июля 1914 г. этот некомплект равнялся 3000 офицеров.

Глава третья
Условия, затруднявшие надлежащее устройство и оборудование российской вооруженной силы

«Дешевизна». – Экономия и артиллерийское вооружение. – Недостаточность железных дорог. – Ограниченность доступов к морю. – Несостоятельность расчетов мирного времени. – Слабость военной промышленности. – Попытки реформ. – Отсутствие прочной веры в военную науку.

«Дешевизна»

С освобождением крестьян для России открылись совершенно новые хозяйственные перспективы. Крестьянство, получившее хотя и недостаточный надел землей, расширяет и укрепляет свое хозяйство, стремясь к денежной его форме. Помещичий класс тоже вынужден перейти к товарной форме, однако часть этого класса, не выдержав хозяйственного шока, теряет свои земли и уходит в города, образуя кадры для нового хозяйства. Общая доходность сельского хозяйства резко увеличивается, и одновременно нарождается потребность в индустриальных промыслах и в первую очередь вызывает железнодорожное строительство. Последнее, в свою очередь, усиливает активность существующих хозяйственных центров и вызывает появление новых (например, в Азиатской России). Нуждами железных дорог обуславливается возникновение каменноугольной и металлургической промышленности. Новый фактор – массовое производство – расширяет перспективы перед индустрией; последняя, в свою очередь, стимулирует дальнейший рост сельского хозяйства. Эти процессы перекрещены и взаимно связаны. Цифра национального дохода неуклонно растет.

Но этот абсолютно большой рост национального дохода, принимая во внимание численность народонаселения и величину России, являлся относительно недостаточным для того, чтобы Россия, запоздавшая с выходом на новые социальные и экономические пути, догнала бы остальные культурные государства. Россия остается страной, богатой возможностями в будущем и стесненной в средствах в настоящем.

Эта относительная бедность России явилась серьезным тормозом, затруднявшим для России подготовку ее вооруженной силы.

В труде генерала Редигера,[30] неоднократно нами цитированном, на странице 35 приведен расчет относительной величины расхода на вооруженную силу в 1897–1898 гг. в России, Франции, Германии и Австро-Венгрии, в зависимости от ее численности в мирное время. Для этого им взяты суммы военных бюджетов этих государств и эти суммы разделены на соответствующие числа штатного состава мирного времени. Полученные данные могут быть представлены следующей таблицей:

	В золотых рублях	Соотношение данных предыдущей графы
Германия	497	100
Австро-Венгрия	457	97
Франция	375	78
Россия	289	60

Если же мы подойдем к сравнению военных расходов за те же годы с другой точки зрения, а именно – определим, какую часть общего бюджета в 1898 г. составляли военные расходы, мы получим иное взаимоотношение:[31]

[30] *Редигер*. Комплектование и устройство вооруженной силы. С. 35.

[31] Там же. С. 7.

	Какую часть общего бюджета составляли военные расходы	Соотношение данных предыдущей графы
Германия	17,3 %	100
Австро-Венгрия	17,6 %	102
Россия	24,3 %	140
Франция	28,6 %	165

Из сравнения обеих вышеприведенных таблиц можно убедиться, что, несмотря на более «дешевое» содержание Русской армии в мирное время, России приходилось уделять на военные расходы гораздо большую часть своего государственного бюджета, нежели Германии. Несмотря на значительный экономический подъем, имевший место в России непосредственно перед большой европейской войной, общая картина соотношений, выраженных в приведенных двух таблицах, по существу, мало изменилась. Причиной этого было то, что после войны с Японией Россия вынуждена была расходовать громадные суммы на восстановление своей военной мощи.

«После войны 1904–1905 гг., – пишет генерал Ю. Данилов,[32] – России пришлось приступить к созданию своей военной мощи почти заново. Работа шла медленно как по причине ее грандиозности, так и потому, что отпускавшиеся в первые годы после войны денежные средства совершенно не соответствовали потребностям. По своей долголетней службе в Главном управлении Генерального штаба до конца 1906 г., в должности начальника оперативного отделения, а с конца 1908 г. – в должности сперва первого обер-квартирмейстера, а затем генерал-квартирмейстера Генерального штаба, я был хорошо знаком с состоянием всей Русской армии в этот период времени, равно как и с ходом работ по ее воссозданию. В течение двух промежуточных лет, с 1906 по 1908 гг., я по должности командира пехотного полка успел близко соприкоснуться и на практике к войсковому быту и армейским нуждам того времени. И я не могу охарактеризовать иначе период времени с 1905 г. по 1910 г. включительно, а может быть, даже и более продолжительный, как назвав его периодом нашей полной военной беспомощности…

Наши так называемые неприкосновенные запасы, – пишет дальше[33] генерал Ю. Данилов, – или, проще говоря, запасы военного времени, были в корне нарушены войной 1904–1905 гг. На восстановление их, по далеко неполным исчислениям, требовалось несколько сотен миллионов рублей, каковая сумма по тому времени представлялась для нашего Государственного казначейства весьма внушительной».

Таким образом, перед русским военным ведомством все время стояла дилемма: либо сократить численность армии, либо гнаться за дешевизной содержания. Военное ведомство выбрало второй путь и в этом отношении, как ярко показала минувшая война, перешло предел допустимого.

«Дешевизна» содержания Русской армии имела своим первым следствием слабость профессиональных кадров, как раз то, в чем при общем недостатке культурности народ-

[32] *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914–1915 гг. 1924. С. 32.

[33] *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914–1915 гг. 1924. С. 46.

ных масс Русская армия особенно нуждалась. В предыдущей главе мы уже указывали, что постоянный некомплект в офицерском составе достигал к концу июля 1914 г. 3000 офицеров. Многочисленного кадра сверхсрочных унтер-офицеров подобно тому, как это имело место в Германии, Франции и Австро-Венгрии, у нас не было. Запасное офицерство не было подготовлено. Даже учебные сборы запасных были сокращены из-за требований экономии, между тем как именно русские запасные нуждались более, чем запасные других западноевропейских государств, в повторном обучении.

Стремление к «дешевизне» содержания отражалось также на вооружении и техническом оборудовании войск. Для того чтобы вполне обрисовать влияние недостатка в средствах на эту сторону устройства вооруженной силы, мы подробно остановимся на вопросе артиллерийского вооружения и снабжения Русской армии перед войной 1914 г., ибо недочеты в этой области дали себя особенно больно почувствовать во время войны.

Экономия и артиллерийское вооружение

Русская армия выступила на войну в 1914 г., имея в полевых войсках следующее артиллерийское вооружение.

На каждую пехотную дивизию приходилось 6 легких 3-дюймовых батарей. Кроме того, в каждом армейском корпусе имелось еще 2 батареи 4,8-дм. мортир. Принимая во внимание, что армейский корпус состоял из 2 полевых пехотных дивизий, мы получим, что на каждую пехотную дивизию приходилось 7 легких батарей.

У главного противника России – Германии на каждую полевую пехотную дивизию приходилось двойное число батарей, а именно:

9 батарей 3-дм. легких пушек,
3 батареи 4-дм. легких гаубиц,
2 батареи 6-дм. гаубиц, находившихся в корп. артиллерии.

Итого 14 батарей (из них 2 тяжелые).

Слабость артиллерийского вооружения Русской армии этим не ограничивалась.

Армейская полевая тяжелая артиллерия Русской армии ко времени начала войны состояла всего из 60 батарей. Германская же армейская тяжелая артиллерия к тому же времени исчислялась 381 батареями.

Недостаток в артиллерийском вооружении сознавался в русских руководящих кругах. Парализовать его предназначалось двумя способами:

1) Переформированием 8-орудийных батарей в 6-орудийные, ибо при скорострельных образцах 6-орудийная батарея могла считаться столь же сильной огневой единицей, как и 8-орудийная.

2) Сформированием новых батарей и вооружением их более тяжелыми и дальнобойными орудиями (полевая тяжелая артиллерия).

Ярким примером того, как в жертву финансовым соображениям должны были приноситься боевые соображения, может служить история с таким важным организационным вопросом, как переход от 8-орудийных батарей к 6-орудийным.[34] Уже с принятием на вооружение нашей артиллерии 3-дм. орудий образца 1900 г. в Главном артиллерийском управлении возник вопрос об изменении существующей организации полевой артиллерии в соответствии со свойствами вновь вводимой скорострельной пушки. Собранное по этому вопросу совещание из представителей Генерального штаба и артиллерии – строевой, ученой и административной службы – пришло к заключению о необходимости реорганизовать наши громоздкие 8-орудийные батареи в более подвижные и гибкие 6-орудийные и даже в 4-орудийные. Командующие войсками в округах и корпусные командиры в значительном большинстве высказывались за 6-орудийные батареи. Учитывая таковое суждение высших войсковых начальников в целях поддержания артиллерии на высоте современных требова-

[34] Изложение вопроса о переформировании 8-орудийных батарей в 6-орудийные заимствовано из труда генерала Маниковского «Боевое снабжение Русской армии в 1914–1918 гг.», изданного в Москве в 1922 г. (часть II, с. 105, 106, 107). Ген. Маниковский является самым авторитетным свидетелем в вопросах артиллерийского снабжения Русской армии. Выделившись своими знаниями и служебным опытом среди артиллерии старой императорской армии, он с мая 1915 г. был поставлен во главе дела артиллерийского снабжения; в конце 1915 г., оставаясь во главе того же дела, он был назначен помощником военного министра; перед самым большевистским переворотом он временно исполнял обязанности военного министра.

ний, Главное артиллерийское управление настаивало на скорейшем переходе к 6-орудийным батареям. Военный министр генерал Куропаткин, признавая необходимым путем опыта выяснить сравнительные преимущества батарей уменьшенного состава, а также исходя из соображения о новом серьезном расходе в 3 миллиона рублей при реорганизации полевой артиллерии в 6-орудийные батареи, высказался за временное оставление существующих 8-орудийных батарей. По мнению генерала Куропаткина, столь крупный расход препятствовал бы разрешению назревшего в то время вопроса об установлении чайного довольствия войск. Осенью 1902 г. состоялось повеление – временно остаться при 8-орудийных батареях.

В 1906 г., вслед за окончанием войны с Японией, по инициативе генерал-инспектора артиллерии, Великого князя Сергея Михайловича в Особом совещании при Главном артиллерийском управлении были выработаны меры, направленные к увеличению силы полевой артиллерии.

При разработке основных организационных положений вновь было установлено иметь в каждой легкой батарее по 6 орудий вместо существующих 8, а каждому корпусу двухдивизионного состава придать по 23 батареи вместо 14.

Предположенный переход к 6-орудийным батареям с усилением каждого корпуса на 9 батарей *не был разрешен вследствие отказа в ассигновании требуемых денежных средств*.[35]

В 1909 г., когда Главное управление Генерального штаба приступило к разработке организации армии на новых началах, генерал-инспектор артиллерии, Великий князь Сергей Михайлович настойчиво ходатайствовал о реорганизации артиллерии на основании проекта Главного артиллерийского управления 1906 г. Помощнику военного министра были представлены для соображения денежные расчеты, связанные с переходом артиллерии к 6-орудийным батареям. Согласия не последовало.

Для удовлетворения хотя бы частичной потребности артиллерийского ведомства в начале следующего, 1910 г. были представлены помощнику военного министра расчеты о расходах, вызываемых переходом к 6-орудийной организации без численного усиления полевой артиллерии (в каждой существующей артиллерийской бригаде 6 батарей 8-орудийного состава переформировывались в 8 батарей 6-орудийных). Недопустимость новых постоянных расходов послужила основанием к отклонению и этой меры.[36]

Только в 1914 г., перед самой войной, под непосредственной угрозой германской «большой программы» у нас утверждается наша «большая программа», в которой было наконец предусмотрено усиление всех родов артиллерии (представление в Государственную думу по Главному управлению Генерального штаба от 20 февраля 1914 г., № 447).

Но указанное в этой «большой программе» мероприятие предположено было завершить к 1/14 апреля 1917 г., и вспыхнувшая мировая война помешала в самом начале осуществлению его. «Здесь следует отметить, – говорит генерал Маниковский, – что и эта неосуществленная программа все-таки не давала вполне удовлетворительного решения важнейшего для армии артиллерийского вопроса: согласно ей, наша дивизия все-таки получала на 1 1/2 батареи и на 8 орудий меньше, чем германская».[37]

---

[35] *Маниковский*. Боевое снабжение Русской армии в 1914–1918 гг. М., 1922. Ч. II. С. 106. Курсив генерала Маниковского.

[36] Там же. С. 107.

[37] Там же С. 177.

Недостаточность железных дорог

Ту же картину постоянного недостатка в средствах мы увидим в вопросе о развитии российского железнодорожного транспорта. Громадные расстояния, с которыми должны были считаться мобилизация и сосредоточение Русской армии, ее снабжение и пополнение во время самой войны, а также ее стратегические переброски с одного театра на другой предъявляли усиленные требования к развитию железных дорог. Дабы охарактеризовать, насколько эти требования для России были более велики, чем для других западноевропейских государств, указывают следующие цифры: по исчислениям генерала Редигера,[38] *средний* переезд новобранцев в России равнялся *900–1000 верстам*. Для Франции, Германии и Австро-Венгрии этот средний переезд *не превышал 200–300 верст*.

В отношении оценки степени «обслуженности» России железнодорожным транспортом большой интерес представляет доклад инженера Струве, сделанный в Междуведомственной комиссии в мае 1910 г..[39] Ввиду того, что между 1910-м и 1914 г. преимущественно производились только изыскания и начало построек новых железнодорожных линий, можно считать, что общая картина русской сети мало меняется, и потому выводы доклада инженера Струве сохраняют всю свою ценность и к 1914 году.

Согласно этому докладу, потребность страны в железных дорогах зависит при прочих одинаковых условиях от двух основных факторов – от величины обслуживаемой площади и от густоты населения в пределах этой площади. Учитывая эти два фактора, Струве приходит к заключению, что обслуженность данной страны железными дорогами пропорциональна густоте рельсовой сети (т. е. числу километров железных дорог на 100 кв. километров площади страны) и обратно пропорциональна числу жителей, приходящихся на 1 километр железнодорожной сети. Уточняя путем решения уравнения, Струве выводит, что коэффициент железнодорожной обслуженности пропорционален при прочих одинаковых условиях квадрату густоты сети и обратно пропорционален густоте населения.

Основываясь на приведенной выше формуле, коэффициент обслуженности железнодорожным транспортом главнейших европейских государств выражается в следующих цифрах:

Сравнение обслуженности рельсовым путем различных государств в 1914 г.

[38] Этот документ хранится под № 172 324 в Воен. – учен. архиве; цитирован в книге Зайончковского «Подготовка России к мировой войне». С. 123–125.

[39] Этот документ хранится под № 172 324 в Воен. – учен. архиве; цитирован в книге Зайончковского «Подготовка России к мировой войне». С. 123–125.

Государство	Густота сети (протяжение на 100 кв. км)	Густота населения на 1 кв. км	Коэффициент обслуженности рельсов. путями
Германия	10,6	112	100
Австро-Венгрия	6,7	3	61
Франция	8,7	73	103
Великобритания	11,7	139	98
Бельгия	15,6	243	100
Европейская Россия*	1,0	24	4
Европейская Россия без крайних северных губерний**	1,45	37	6

* Без Финляндии и Кавказа.

** Т. е. без Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерний.

Приведенная таблица ярко показывает страшную отсталость России по сравнению с ее западными соседями. Эта отсталость создавала чрезвычайно тяжелые условия для ведения современной большой войны, которые делали для России невозможным проявление такого же общего напряжения всей страны, каковое было возможно для других европейских стран.

Если изучать обслуженность рельсовыми путями отдельных частей России, то нельзя не увидеть чрезвычайную неравномерность этого обслуживания. Нижеприводимая таблица нашего знаменитого ученого Менделеева дает об этом некоторое, хотя бы приблизительное понятие.

Чрезвычайная неравномерность «обслуженности» рельсовыми путями различных районов России еще более увеличивала трудность использования при ведении войны всех сил и средств страны. Коэффициент «обслуженности» для различных районов колеблется между 17,91 и 0,13.

Наиболее богатой рельсовыми путями является пограничная полоса, ограниченная с северо-запада и с запада примерно линией: Либава – Двинск – Ковно – Гродно – Варшава – Ивангород; с юга и с востока линией: Ивангород – Кобрин – Минск – Витебск – Псков – Нарва, в которой «обслуженность» рельсовыми путями определяется коэффициентом 10–30, а местами и выше.

Другой, столь же богатой рельсовыми путями является полоса шириной в 200–300 километров, тянущаяся по обе стороны магистрали Москва – Харьков – Александровск.

Только что указанные две части территории Европейской России, не считая прибрежной части Финляндии, являлись наиболее богатыми из всей России в смысле обслуженности их железными дорогами.

*Обслуженность рельсовыми путями различных районов («краев», по Менделееву) России**

Наименование края (области)	Площадь в кв. верст.	Густота сети на 100 кв. в.	Густота населения на 1 кв. в.	Коэф. обслуж. рельс. путями
1	2	3	4	5
Петербургский	181 322	1, 524	29,2	7,97
Ливонский	81 049	2,454	33,6	17,91
Польский	111 554	2,524	96,9	6,57
Украинский	282 508	2,353	69,8	7,93
Литовско-Белорусский	266 978	2,041	43,4	9,60
Подмосковный	232 500	2,183	49,1	9,71
Средне-Русский	269 266	2,365	57,6	9,71
Верхне-Волжский	206 031	0,670	34,9	1,29
Пермский	699 109	0,473	16,2	1,38
Нижне-Волжский	461 642	0,754	19,2	2,96
Южно-Русский	354 574	1,796	34,8	9,27
Северо-Русский	1 213 526	0,088	2,0	0,39
Кавказский	227 787	0,758	22,1	2,59
Закавказский	183 858	0,869	30,3	2,49
Закаспийский	1 151 294	0,265	4,2	1,67
Южно-Сибирский	1 991 495	0,050	2,0	0,13
Восточно-Сибирский	6 761 138	0,049	0,3	0,80
Западно-Сибирский	4 197 736	0,050	1,1	0,23
Финский	321 244	0,991	9,1	10,79

* Сравнить цифры последней графы этой таблицы с соответствующими данными предыдущей таблицы.

Обширные пространства как между ними, так и к востоку от них, до линии Петроград – Вологда – Нижний Новгород – Самара – Царицын – Ставрополь – Кутаис – Батум, значительно беднее рельсовыми путями, и коэффициент обслуженности их падает до 5–10.

Наконец, на всем остальном обширнейшем пространстве России коэффициент нигде не поднимается выше 3.

Такое распределение железнодорожной сети являлось следствием того, что Россия, отставшая в своем экономическом развитии от своих западных соседей, вынуждена была строить свои железные дороги не столько в зависимости от экономических потребностей, сколько подчиняясь стратегическим требованиям. Причем эти последние трактова-

лись довольно узко, а именно – преимущественно с точки зрения ускорения сосредоточения наших армий к западной границе.

Особенно отрицательное влияние в этом отношении имело для России заключение союза с Францией. Ее Генеральный штаб под впечатлением молниеносных поражений, нанесенных французской армии немцами в 1870 г., панически боялся остаться в начале войны один на один с главными силами германской армии. Он требовал от России ускорения в сосредоточении ее армии к западной границе, и даваемые нам Францией займы обуславливались строительством железнодорожных линий, идущих от меридиана Петербурга к германской границе.

На прилагаемой схеме № 4[40] схематически указано стратегическое железнодорожное оборудование России к западу от меридиана Петрограда. Если проследить по этому чертежу с севера на юг по меридиану Петроград, то, кроме балтийской линии Петроград – Ревель, имевшей специальное значение для обороны южного берега Финского залива, мы найдем шесть сильных двухколейных магистралей и две одноколейные линии, ведущие в районы развертывания нашей армии.

Начиная с севера, это были двухколейные магистрали:

1) Северо-Западная дорога: Петроград – Белосток – Варшава.

2) Бологое – Седлецкая дорога, двухпутная от Великих Лук до Седлеца.

3) Александровская дорога: Москва – Брест-Литовск – Варшава.

4) Линия Полесской дороги: Брянск – Лунинец – Брест-Литовск.

5) Юго-западные дороги: Киев – Казатин – Дубно.

6) Юго-западные дороги: Одесса – Жмеринка – Волочиск.

Перечисленные линии, не считая последней, направленной к крайнему флангу нашей границы с Австро-Венгрией, охватывая веерообразно на востоке 1500 верст (Петроград – Одесса), сходились на границе на фронте 400 верст и при работе полным графиком могли на фронте Белосток – Волочиск доставлять в сутки до 250 военных эшелонов. «Но и такое положение не удовлетворяло Генеральный штаб, и он всячески поддерживал проекты новых магистралей, направленных из центра в районы сосредоточения».[41]

В несравненно худшем положении оказывалось оборудование нашего театра военных действий железнодорожными линиями для переброски войск по фронту.

Два участка двухколейных линий, позволявших переброску войск в меридиональном направлении в пределах так называемого Передового театра:[42] Малкин – Люблин и Белосток – Холм, были относительно небольшого протяжения и могли иметь лишь местное значение. Для переброски же с Северо-Западного театра[43] на Юго-Западный[44] мы располагали только одной, параллельной фронту одноколейной ветвью полесских дорог: Вильно – Ровно, а затем в тылу для подобных оперативных перевозок приходилось пользоваться уже кружными направлениями, выходившими за пределы театра военных действий.

Развитие рокадных железнодорожных путей встречало большие финансовые затруднения, нежели постройка железнодорожных линий, ведущих в районы сосредоточения, так как значение первых много менее заметно обывательскому глазу, нежели значение вторых. Недостаточное развитие рокадных железнодорожных линий серьезно дало себя знать при

---

[40] Этот чертеж заимствован из рукописи генерала Ронжина «Железные дороги в военное время». Генерал Ронжин до войны 1914–1917 гг. был в Главном управлении Генерального штаба начальником военных сообщений, а первые два года войны – начальником военных сообщений в Штабе Верховного главнокомандующего. Рукопись находится в архиве генерала Головина.

[41] *Генерал Ронжин*. Железные дороги в военное время. С. 5 и 6.

[42] Польша.

[43] К северу от Полесья.

[44] К югу от Полесья.

нашей эвакуации весной 1915 г., не позволяя отклонять излишний подвижной состав с перегруженных главных направлений. А после того как противником были заняты узлы Полесской линии: Вильно и Барановичи, а наша война с осени 1915 г. вследствие усиленных оперативных перевозок обратилась действительно в войну железнодорожную, работа железных дорог осложнилась до крайности. Это привело к тому, что во второй половине 1916 г. на дорогах начало ясно ощущаться переутомление.[45]

Стеснение в денежных средствах отразилось не только на начертании и развитии сети, оно отразилось и на техническом оборудовании железных дорог.

Слабой стороной военных перевозок явилась малая скорость воинских поездов. В среднем суточный пробег воинских поездок не превышал 300 верст, что, например, вдвое медленнее движения воинских поездов во Франции. Одной из важных причин медленности движения наших военных поездов было то, что наш товарный парк не имел автоматических тормозов. Вопрос о переделке всего вагонного парка возбуждался неоднократно. Но это вызывало единовременный расход в несколько десятков миллионов рублей, и это мероприятие неизменно откладывалось. А между тем само собой понятно, какое при наших расстояниях большое экономическое значение имело это переоборудование товарного вагонного парка. В военном же отношении оборудование нашего товарного парка автоматическими тормозами почти удваивало число воинских эшелонов. В 1910–1911 гг. автору этой книги приходилось участвовать в качестве представителя Генерального штаба в междуведомственной комиссии, которая должна была рассмотреть сметы расходов, необходимых для приведения нашей железнодорожной сети в состояние, действительно отвечающее требованиям вводимого нового мобилизационного расписания. Почти против каждого из расходов представитель Государственного контроля налагал свое «вето», и вся работа Комиссии свелась к нулю.

Уже во время самой войны, когда начали выясняться все недочеты нашей подготовки, представители нашего Министерства финансов стремились доказать, что после японской войны наше военное ведомство пользовалось широкими ассигнованиями и что эти ассигнования были столь велики, что Военное министерство не успевало их тратить, оставляя эти средства непроизводительно лежать на его счету.

Действительно, легкомысленное и невежественное управление военным ведомством генерала Сухомлинова дает повод ко многим упрекам. Государственная дума и Министерство финансов пошли навстречу потребностям русской вооруженной силы, многие недочеты которой вскрыл несчастный опыт войны с Японией. Сухомлинов же и его сотрудники совершенно не умели и даже не понимали, как использовать эти возможности. Но из этого вовсе еще не следует, что эти возможности действительно отвечали всем потребностям.

Задерживаемая финансовыми затруднениями в развитии своей военной мощи, Россия имела вместе с тем одно очень слабое место, являвшееся следствием общих географических условий.

[45] *Генерал Ронжин*. Вышеупомянутая рукопись. С. 6.

Ограниченность доступов к морю

По сравнению со всеми остальными великими державами Россия имела меньше всего доступов к морю. Если исключить побережье Ледовитого океана, мы увидим, что морские пути были доступны России только с берегов Балтийского, Черного, Белого и Японского морей.

Это была ахиллесова пята Русского колосса не только в его хозяйственной жизни, но и в его военной силе. В случае большой европейской войны блокада России была легко осуществима. В самом деле, при войне с Германией возможность пользоваться для подвоза Балтийским морем исключалась. Возможность пользоваться Черным морем всецело зависела от того, войдет ли в число врагов России Турция. Оставалось только сообщение через Архангельск и Владивосток. Но Архангельск по климатическим условиям был доступен не более шести месяцев в году и был связан с общей российской железнодорожной сетью Архангело-Вологодской железной дорогой, более узкой колеи, нежели вся российская сеть, и сравнительно слабой провозоспособности. Владивосток же был удален от фронта более чем на 5000 верст, и для одной пары поездов требовалось до 120 паровозов, в коих вскоре же после начала войны почувствовался недостаток. Во время самой войны зимой, при исключительно трудных условиях благодаря самоотверженной работе железнодорожных войск Архангельская линия была переделана на широкую колею; были приняты также меры для улучшения подвоза по Сибирской дороге; тем не менее многомиллионное и драгоценное в военном отношении имущество осталось не вывезенным из Владивостока и Архангельска, и армия его не получила. Русское правительство пыталось помочь беде постройкой во время войны Мурманской железной дороги к не замерзающему порту в Ледовитом океане. Но технические условия сооружения и обстановка работы были так трудны, что во время войны линии вполне закончить не удалось.[46]

В результате после выступления Турции Россия уподобилась заколоченному дому, в который можно было проникнуть только через дымовую трубу.

В каком тяжелом положении оказалась Россия после объявления войны Турцией, наглядно показывают следующие цифры: с осени 1914 г. наш вывоз падает сразу на 98 %, а ввоз на 95 %. Таким образом, Россия оказалась «блокированной» в большей степени, нежели Германия.

Могут быть сделаны упреки русскому правительству, не предвидевшему в мирное время легкости блокады России и не приступившему раньше к перешивке Архангельской железной дороги, развитию движения по Сибирскому пути и к постройке Мурманской линии, но на это требовались опять-таки деньги. Да и все эти меры являлись слабым паллиативом.

[46] *Генерал Ронжин*. Вышеуказанная рукопись. С. 9.

Несостоятельность расчетов мирного времени

Блокада во время войны являлась для России тем более чувствительной, что слабое развитие русской общей промышленности не было в состоянии ответить колоссальным требованиям современной войны в области вооружения, огнестрельных припасов и сложного, многочисленного технического оборудования и снабжения. Отсюда следует, что по сравнению с остальными европейскими государствами от России требовалось:

а) принятие в мирное время гораздо больших норм для мобилизационных запасов,

б) наличие гораздо большего числа казенных военных заводов.

Посмотрим, насколько эти требования были выполнены.

Сопоставление расчетных норм, сделанных русским Военным ведомством в 1910 г., с требованиями, предъявленными Ставкой в 1916 г., приведено в нижеследующей таблице:[47]

	Штатное количество орудий		Годичн. потребн. в орудиях		
	По моб. распис. 1910 г.	По требованию Ставки	Запас по мобил. расп. 1910 г.	По требованию Ставки в 1916 г.	
				Новые	Ремонт расстрелянных
Легкие пушки 3-дюймовые	6336	11 200	889	6720	3780
Полевые легкие гаубицы (48-лн. и 45-лн.)	512	2160	74	1476	84
Полевая тяжелая арт. (4-дм. пушки и 6-дм. гауб.)	240	1080	24	648	144
Всего	7088	14 440	987	8844 12 852	4008

[47] Заимствовано из таблицы генерала Маниковского (ч. II, с. 58), причем исправлен итог последней графы, неверно подсчитанный у Маниковского.

Отсюда мы видим, что во время войны требования превысили предположения:
в наличности орудий…….. *в два раза,*
в годичном поступлении новых орудий
(не считая ремонта)…….. *в девять раз.*

Если мы обратимся к рассмотрению вопроса о количестве имеющегося к началу войны артиллерийского огнестрельного запаса и сравним с теми требованиями, которые были предъявлены в течение войны Ставкой, то мы увидим следующую картину:[48]

	Состояло к началу войны:	Согласно требованиям Ставки в конце 1916 г., годовая потребность:
Легкая пушка 3-дм	6400	42 000
Легкая гаубица 48 лн. и 46 лн.	450	6600
Полевая тяжелая артиллерия		
4-дм пушка и 6-дм гаубица	120	2260

Отсюда мы видим, что годовая потребность по исчислению Ставки оказалась большей, чем было предположено Военным ведомством в мирное время:

для легких пушек	**в семь раз**
для легких гаубиц	**в четырнадцать раз**
для полевых тяжелых	**в восемнадцать раз.**

Несомненно, что в своих требованиях Ставка в конце 1916 г. под непосредственным впечатлением переживаемой катастрофы в артиллерийском снабжении грешила некоторым преувеличением. Но столь же несомненным является самый факт, что принятые нашим военным ведомством нормы оказались в несколько раз меньшими действительной необходимости. Было бы несправедливо обвинять русское артиллерийское ведомство в том, что оно совершенно не предвидело колоссальных потребностей предстоящей войны. Ошибка, конечно, была сделана, но в этом отношении русское артиллерийское ведомство мало отличалось от таковых же во Франции и Германии.

Как мы указывали выше, Россия вследствие своей промышленной отсталости и легкой осуществимости блокады должна была иметь наибольшие нормы запасов. Но вот что происходило при всякой попытке увеличить эти нормы.

Число «выстрелов» мобилизационного запаса измерялось всего 1000 на орудие.

Главное управление Генерального штаба подняло об этом вопрос. Заседали комиссии, шла переписка, и наконец в конце 1912 г. начальнику Генерального штаба удалось выхлопотать для Главного артиллерийского управления специально для усиления боевых комплектов для 3-дм пушек – 10 000 000 рублей. На эту сумму, при тогдашней цене за выстрел в

[48] *Маниковский*. Боевое снабжение Русской армии в 1914–1918 гг. Ч. III.

20 рублей, можно было заготовить 500 000 патронов, что составляет ничтожное увеличение запаса – на 8 %.

Около того же времени генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба уведомил начальника Главного артиллерийского управления, что во французской армии решено увеличить боевой комплект полевой артиллерии до 3000 выстрелов на пушку.[49]

«Если бы мы, – пишет генерал Маниковский,[50] – захотели последовать этому благому примеру и довести свои комплекты хотя бы до двух тысяч выстрелов на пушку, то на 6500 пушек это потребовало бы нового дополнительного ассигнования в 6500 × 1000 × 20 = 130 000 000 рублей. А если бы комплекты довести до 3000 на пушку, то потребовалась бы сумма вдвое большая, т. е. 260 миллионов рублей.

На такие суммы сверхштатных ассигнований никакой военный министр, даже при всей поддержке Государственной думы, конечно, рассчитывать в те времена не мог, особенно ввиду того, что тут речь шла только о выстрелах для орудий 3-дм калибра».

Но, кроме только что требовавшихся указанных единовременных расходов, вопрос значительного увеличения мобилизационного артиллерийского запаса осложнялся еще другим обстоятельством.

«Чем больше боевой комплект, – пишет далее генерал Маниковский,[51] – тем дольше его освежать, а значит, тем большей порче он подвергается за продолжительное время своего хранения».

При вышеуказанных нормах боевых комплектов боевые припасы могли быть освежены в следующие сроки:

Боевые заряды в течение	16 лет
Дистанционные трубки	18 лет
Шрапнели	35 лет
Гранаты со взрывателями (как расходуемые только на показные стрельбы)	175 лет

«С уверенностью можно сказать, что ни боевые заряды, ни дистанционные трубки столь долгого хранения не выдержат, так как существующий у нас бездымный порох с трудом дотянет без существенной порчи в южных округах до 10, а в северных до 15 лет (особенно при хранении в патронах), дистанционные же трубки не выдержат и 8–10-летнего хранения. Что касается собственно зарядов и взрывателей (не снаряженных), то они, конечно, могли бы храниться без порчи многие годы, но при непрерывном прогрессе в конструкции их они, конечно, скоро устарели бы и потребовали бы замены их более современными образцами.

Единственный, казалось бы, при таких условиях выход – соответственное увеличение размера отпуска на практические стрельбы – оказывался не осуществимым вследствие значительного дополнительного расхода, недопустимого опять-таки по финансовым соображениям.

И вот в заколдованном кругу финансовых и технических затруднений мы топтались до самой войны».

---

[49] В действительности Франция не смогла осуществить эти решения и имела к началу войны всего 1400 выстрелов на орудие.

[50] *Маниковский*. Указанное сочинение. Ч. III. С. 9.

[51] Там же. Ч. III. С. 9 и 10.

Слабость военной промышленности

Таким образом, был какой-то технический предел для увеличения норм мобилизационных запасов. Дальнейшее увеличение снабжения армии во время войны возможно было только путем соответственной подготовки заводской производительности. При относительно малом индустриальном развитии России требовалось богатое оборудование казенных военных заводов. Но это тоже требовало больших затрат. Годовая производительность наших казенных заводов определялась в 600 000 патронов (для 3-дюймовых пушек),[52] в то время как, как мы видели выше, годовая потребность «в выстрелах» исчислялась Ставкой в конце 1916 года – 42 000 000, т. е. превосходила *в 70 раз*.

Не лучше обстоял вопрос о подготовке наших заводов для изготовки орудий.

Здесь ввиду быстрого усовершенствования современной техники хранимые запасы орудий быстро становились устарелыми, и потому вопрос об оборудовании мощных заводов выдвигался на первое место.

Чтобы обрисовать, каково было положение в этом отношении, достаточно указать, что русское Военное ведомство имело в своем непосредственном распоряжении всего один орудийный завод – Петроградский. «Только в силу какого-то недоразумения это техническое заведение артиллерийского ведомства, – пишет генерал Маниковский,[53] – получило громкое и совершенно недопустимое название – орудийного завода. По существу, это – даже после своего последнего расширения – просто крупная артиллерийская мастерская, работающая из рук других заводов, поставляющих для нее отливки и поковки, как не имеющей не только своего литейного цеха, но даже и мало-мальски приличной кузницы. Расположен он в одном из аристократических участков Петрограда, на углу Литейной и Сергиевской улиц, а потому не смог даже в своей скромной кузнице поставить сколько-нибудь сильный молот, от работы которого неизбежно получались бы – как результат постоянных сотрясений при ковке – повреждения соседних зданий.

Поэтому мало-мальски крупные поковки орудийный завод должен был получать от арсенала или других заводов.

Затем – величина занимаемой площади: она не достигает и 1000 кв. саженей. Какой же орудийный завод можно расположить на 1/2 десятины? Понятно, что это мало было даже для скромной ремонтной мастерской, не говоря уже о том, что площади двора не хватало не только для надлежащей вместимости магазинов, складов и простых навесов (для ввозимых и вывозимых изделий, для хранения хотя бы небольших запасов угля и дров), но положительно нельзя было устроить даже скромную столярную и сушилку леса при ней.

Поэтому на дворе прямо негде повернуться – до того он был мал и постоянно загружен всякой кладью».

Главное артиллерийское управление неоднократно возбуждало вопрос о переносе Петроградского орудийного завода в другое, более подходящее место, с развитием его в мощный завод, со своей литейной и кузней. Но эти ходатайства, особенно настойчивые с 1905 года, успеха не имели вследствие отказа Министерства финансов и Государственного контроля.[54]

Кроме Петроградского орудийного завода, принадлежавшего Военному ведомству, в России имелись еще следующие казенные заводы: Пермский пушечный Горного ведомства и Обуховский сталелитейный и пушечный Морского ведомства.

---

[52] *Маниковский*. Указанное сочинение. Ч. III. С. 23.

[53] *Маниковский*. Указанное сочинение. Ч. III. С. 9 и 10.

[54] Там же. Ч. II. С. 99.

Оценку степени подготовленности первого можно прочесть в «Сводке» Верховной следственной комиссии, назначенной 25 июня 1915 г. для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения военных снабжений армии.[55] Член этой Верховной следственной комиссии В. А. Бобринский, обследовавший Пермский пушечный завод, дает такую общую характеристику этого завода:

«Завод производит такое впечатление, что расширение его шло по мелочам, на маленькие средства, постепенно, путем пристроек, добавлений, основанных главным образом на возможно большей экономии. Во всем чувствуется, что заводу не давалась и не дается возможность развернуться и работать так, как это следовало бы заводу первейшей государственной важности».[56]

Резюмируя свой вывод по обследованию самой технической части Пермского завода, В. А. Бобринский пишет так:

«Из приведенного краткого очерка технического оборудования Пермского пушечного завода с очевидностью вытекает, что названный завод в техническом отношении далеко не отвечает требованиям, ныне предъявляемым к мощно оборудованным артиллерийским заводам европейского типа (Шнейдер, Армстронг, Виккерс, Шкода, Крупп). Оборудование названного завода Горного ведомства, представляясь по отдельным цехам и мастерским явно недостаточным, в целом оказывается совершенно бессистемным и случайным. Через это быстрый и равномерный рост производительности завода по всем цехам и отраслям его деятельности едва ли возможен, особенно в условиях военного времени, когда получение предметов технического оборудования связано с неимоверными подчас затруднениями».[57]

Обуховский сталелитейный и пушечный завод был приобретен в 1886 г. от частной компании Морским ведомством. Вследствие этого Обуховский завод и специализировался на работах, потребных этому ведомству. Насколько второстепенное значение придавал этот завод потребностям сухопутного Военного ведомства, можно убедиться из следующего свидетельства генерала Маниковского:[58]

«Исполнение этим заводом заказов Военного ведомства в течение 15-летнего периода, то есть с 1900 года, может быть охарактеризовано следующим образом:

Все наши 10-дм. орудия и большая часть орудий Канэ изготовлены Обуховским заводом; заказ исполнен хорошо, *но с просрочкой до 4 лет против условленного срока.*

Привлеченный к работе по перевооружению полевой артиллерии скорострельными пушками Путиловского завода, Обуховский завод изготовил 1150 таких пушек, *но долгое время давал значительный процент брака и потому затянул приготовление на 3 лишних года*».

Мы не приводим дальнейшей характеристики генерала Маниковского; сделанной нами выписки достаточно, чтобы подтвердить утверждение, что Обуховский завод, имевший своим главным назначением обслуживание флота, мог уделить в своей работе нуждам сухопутной армии лишь второстепенное место.

Военное ведомство имело в своем непосредственном распоряжении еще «арсеналы»: Петроградский, Киевский и Брянский. Прямым назначением этих арсеналов являлось производство лафетов легкой артиллерии, зарядных ящиков, пулеметных станков, обозных повозок и конской амуниции. Во время войны все эти арсеналы были перегружены сверх

---

[55] Там же. Ч. II. С. 100.

[56] Там же. С. 124.

[57] Цитировано у генерала Маниковского. Ч. II. С. 125.

[58] Ч. II. С. 115.

всякой меры вышеперечисленными работами; и только в силу крайней необходимости они были привлечены во время войны к ремонту артиллерийских орудий (к перестволению).

На основании всего вышеизложенного нельзя не согласиться с выводом генерала Маниковского, что «невозможность скорого удовлетворения предъявленных во время войны требований *явилась результатом многолетнего запрещения денежных расходов на усиление нашей армии полевой артиллерией и на создание хотя бы одного независимого мощного орудийного завода, принадлежащего Военному ведомству*».[59]

В таких трудных экономических условиях, в которых протекало развитие русской военной мощи, от высшего военного управления требовалась в сугубой степени планомерность всех мероприятий по устройству вооруженной силы. Необходимо было тщательно взвешивать не только каждое требование, предъявляемое жизнью, в отдельности, но и в тесной связи между собою. Нельзя было, например, тратить деньги для возвращения старых форм обмундирования и в то же время откладывать увеличение кадра сверхсрочных унтерофицеров. Нельзя было ассигновать миллиард на постройку боевого флота и мириться с вопиющей нехваткой артиллерийских средств сухопутной армии и отказываться от развития нашего железнодорожного транспорта.

Но, как мы уже говорили в первой главе, наше высшее управление в период, предшествовавший мировой войне, носило характер безыдейности и полной бессистемности.

Неудачная для России война с Японией выяснила крайне серьезные недочеты в организации подготовки и снабжения Русской армии; стало ясно, что для борьбы на Западном фронте мы были совершенно не подготовлены.

[59] Курсив генерала Маниковского. Ч. II. С. 114.

Попытки реформ

Сейчас же после окончания войны в Военном министерстве, во главе которого стал генерал Редигер, было составлено различными лицами и управлениями несколько записок о необходимых реформах в армии в отношении ее подготовки, организации, комплектования, прохождения службы и снабжения. Из этих записок три были составлены особенно полно и послужили для выработки плана работы по улучшению готовности армии к большой европейской войне:

а) Записка, составленная по указанию самого генерал Редигера.

б) Записка, составленная в Главном управлении Генерального штаба по указаниям начальника Генерального штаба – генерала Палицына.

в) Записка, составленная в Главном штабе по указаниям начальника этого штаба генерала Эверта.

Для согласования расхождений в этих записках, составленных в высших административных учреждениях, и для выработки окончательного плана работы по реорганизации армии и подготовке ее к войне составленные записки были посланы на заключение командующим войсками в округах и с этими заключениями по Высочайшему повелению были переданы на рассмотрение в образованный под председательством Великого князя Николая Николаевича Совет государственной обороны.

В этих записках было уделено много внимания вопросу постановки снабжения армии.

С появлением у власти генерала Сухомлинова эта работа прекратилась, и в результате *общего плана составлено не было*.

«Это, конечно, отразилось на планомерности всей работы по подготовке к войне, произведенной в период между окончанием войны с Японией и начавшейся в 1914 г. войной с центральными державами, – пишет один из ближайших сотрудников генерала Сухомлинова генерал Лукомский.[60] – Многого, что первоначально намечалось, в жизнь проведено не было; многое, когда прошел острый период впечатлений от неудач прошедшей войны, заслонилось текущими работами и текущей жизнью и если не совсем забылось, то под влиянием новых руководителей главными отделами Военного министерства, часто объяснявшими неудачи войны с Японией не недостатками устройства армии, ее подготовки и снабжения, а главным образом ошибками командного состава, перестало быть существенным, требующим изменения».

Свидетельство генерала Лукомского тем более ценно для истории, что, являясь ближайшим сотрудником генерала Сухомлинова, он очень снисходителен к деятельности последнего.

«Казалось бы, – пишет далее генерал Лукомский,[61] – что при правильно выработанных нормах снабжения и при заблаговременном выяснении, что и в каком размере может быть получено заготовками и заказами внутри страны, можно было бы точно определить обеспеченность снабжения армии в случае затяжной войны, принять заблаговременно меры для усиления того или иного отечественного производства и составить предположения о заготовке недостающего на тех или иных заграничных рынках.

---

[60] Генерал Лукомский до 1914 г. занимал должность помощника начальника Канцелярии Военного министерства; с объявлением войны был сначала назначен начальником Канцелярии Военного министерства, а затем помощником военного министра. Приведенная и последующие выдержки взяты из «Сборника записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну», литографированное издание Финансового агентства в США. Экземпляр № 8 этих «Записок» хранится в архиве генерала Головина. Приведенная выдержка относится к с. 11.

[61] С. 12 вышеупомянутых «Записок».

Но такого *общего плана*[62] снабжения составлено не было, и, как впоследствии, во время европейской войны, выяснилось, сами нормы снабжения оказались совершенно не отвечающими тем требованиям, которые были предъявлены действующей армией во время войны.

Произошло это в значительной степени от неправильной и слишком сложной организации военно-административного аппарата, долженствовавшего ведать этими вопросами, и от неправильных взаимоотношений между довольствующими управлениями и теми органами Военного министерства, которые должны были влиять на подготовку армии к войне во всех отношениях…»

«Если бы военный министр оказался гением, – пишет далее генерал Лукомский, – то, может быть, он справился бы с делом хорошо, несмотря на недочеты в организации Военного министерства. Но гения не оказалось, а последними до войны военными министрами были, одни более, другие менее, добросовестные, но обыкновенные, хотя и хорошие работники. Может быть, худшим из них, не по своим способностям, а потому, что он по свойствам своего характера не подходил к этой роли, был последний до войны военный министр – генерал Сухомлинов».

В результате, по заявлению[63] генерала Лукомского:

«а) армия не была снабжена тяжелой артиллерией, которая должна была быть создана по Большой Программе;

б) воздухоплавательных машин было такое ничтожное число, что правильнее считать, что их почти не было;

в) воздухоплавательные парки для наблюдения с привязных шаров и змейковых аппаратов были оборудованы слабо, и число самих аппаратов было совершенно недостаточно;

г) броневых автомобилей почти не было; легковых для службы связи и грузовых для транспортных нужд было совершенно недостаточное количество;

д) запас снарядов для полевой артиллерии не только не был доведен до новой нормы (1500 выстрелов на орудие), но не были в наличности полностью и старые нормы».

В действительности, как мы уже знаем из всего изложенного в этой главе, положение было еще более мрачное.

Крайне характерно высказанное генералом Лукомским предположение, что «если б военный министр оказался гением, то, может быть, он справился бы с делом хорошо, несмотря на недочеты организации Военного министерства». *Во-первых* – самая эта организация и составляла главную задачу военного министра; *во-вторых* – ожидание «гения» равносильно ожиданию «чуда»; оно соответствует младенческому уровню государственного понимания. Наука изгнала из круга своего понимания вмешательство «чуда». Приходится еще раз упомянуть о «социальном подборе»; в больном обществе так же, как и в больном организме, подбор идет не в направлении, соответствующем прогрессу развития общества.

[62] Подчеркнуто генералом Лукомским.

[63] Тот же «Сборник записок». С. 22.

Отсутствие прочной веры в военную науку

Но, кроме чисто специфических условий, создавшихся в России вследствие запоздалого освобождения крестьян, имелась еще одна данная, которая затрудняла устранение хаоса в высшем военном управлении. Устранению последнего содействует «научная организация» работы. Но «научная организация» требует не только отдельных выдающихся представителей науки – она требует также достаточно высокого уровня социальной среды. Без этого мысли выдающихся ученых уподобляются колесам, не сцепленным с остальным сложным механизмом. Они могут вертеться, но вся их работа для данного механизма происходит впустую. Интеллигентный слой России, как мы видели, представлял собой лишь очень тонкую пленку на малокультурной, темной массе. Да и прочность самой культуры в этом тонком слое, измеряющемся числом поколений, в течение которого культура воздействовала на этот слой, была незначительна. Русская интеллигенция насчитывала со времен Петра не более 9 поколений. Поэтому и в самом образованном слое русского населения вера в науку и в необходимость ее для всякой организации, особенно в сложных областях государственной жизни, была чрезвычайно слаба. Русские выдающиеся ученые в большой мере уподоблялись ведущим колесам, расцепившимся с механизмом.

Для того чтобы иллюстрировать нашу мысль, мы приведем пример, взятый в узкой сфере артиллерийского вооружения. Общеизвестная немецкая фирма Круппа издала к своему столетию сборник.[64] В этой книге рассказывается о трудностях выполнения первого прусского заказа на орудия крупного калибра и о помощи, которую фирма Круппа получила в лице русских ученых-артиллеристов – в теории и на практике. Свои опытные стрельбы Крупп производил на Охтенском полигоне, и наши светила по баллистике и порохам направляли его шаги. Прусское правительство грозило отнять и передать Армстронгу заказ на орудия крупного калибра, с которым Крупп бессилен был справиться, а Крупп, ссылаясь на успехи, достигнутые при русской помощи, просил задержать окончательное решение на один год. Сдав русским заказ на береговые пушки в 1876 г., Крупп стал на ноги и блестяще выдержал экзамен – в виде поставленного ему прусским Военным ведомством требования конкуренции с образцами Армстронга. Это один из многочисленных образцов того, как бесплодная на родине русская научная и техническая мысль могла дать великолепные всходы на более питательной почве.

В области самой организации наука прививается гораздо позже, чем в какой-либо другой области. Школа Тейлора могла появиться только после того, как индустриальный уровень Северо-Американских Соединенных Штатов поднялся высоко. В еще более сложной организации – организации современной вооруженной силы – возможность широкого приложения науки требует еще большего количества благоприятных предпосылок. Этим и объясняется, что русская военная наука, насчитывавшая в своих рядах многих выдающихся ученых, тоже часто уподоблялась ведущему колесу без сцепления. Наглядным примером может служить участь такого выдающегося военного ученого и государственного деятеля, как граф Милютин,[65] творец военных реформ эпохи императора Александра II. Вынужденный уйти с поста военного министра в самом начале царствования императора Александра III, он был отстранен от каких бы то ни было дел. Проживая в Крыму, он мог посвятить силу своего ума и опыта лишь писанию своих мемуаров.

---

[64] *Krupp*. 1812–1912. Zum 100-Jährigen Bestehen der Firma Krupp und der Gusstahlfabrik zu Essen-Runk. 1912.

[65] Граф Милютин был профессором Николаевской военной академии Генерального штаба. За свою научную работу по истории Итальянской кампании Суворова граф Милютин был избран одним из русских университетов доктором истории.

Не менее поучителен случай с другим «ученым» военным министром, а именно – с генералом Редигером. Его научный труд «Комплектование и устройство вооруженной силы» не только был признан выдающимся Военной академией, но высшее ученое учреждение Российской империи, а именно – Императорская Академия наук, присудило второму изданию его книги полную «Макарьевскую премию». Неудача японской войны создает обстановку, в которой он выдвигается на пост военного министра, получая, таким образом, возможность приложить на практике научные выводы, сделанные в его труде. Но общий, неблагоприятный для практического использования науки тон нашей жизни быстро прекращает эту случайную возможность.

Когда нет веры в науку, остается только вера в чудо, в появление гения. Гений, конечно, не пришел, и трудные условия, в которых развивалась вооруженная сила России, оказались неучтенными. Русская вооруженная сила, которая, как мы видели выше, должна была бы быть самой «дорогой», продолжала оставаться самой «дешевой». Это достигалось сильным понижением ее действительной боеспособности.

Глава четвертая
Численность людей, призванных на военную службу

Призывы. – Распределение призывов по возрастам. – Территориальное распределение тяготы призывов. – «Мираж» многолюдья. – Пополнение Действующей армии ратниками II разряда. – Речь члена Государственной думы А. И. Шингарева. – Доклад Особого совещания о приближающемся исчерпании людского запаса. – Письмо военного министра генерала Шуваева. – Революция. – Освобожденные от призыва. – Добавочная «живая сила» в лице взятых нами пленных.

Призывы

Установление числа призванных в Русскую армию за время мировой войны людей мы начинаем с определения численности вооруженной силы России до объявления общей мобилизации:

1 423 000

Это число указано в таблице № 2 книги «Россия в мировой войне (в цифрах)», изданной в Москве в 1925 г. Центральным статистическим управлением (Отделом военной статистики). Упоминаемая таблица составлена по материалам бывшего Военного министерства.

Подтверждение этой цифры (1 423 000) мы можем найти в донесении британского военного агента генерала Нокса[66] от 1 ноября 1917 г. Это донесение хранится в Архиве Британского военного министерства. Оно составлено по данным, полученным в свое время генералом Ноксом от Мобилизационного отдела Русского Главного управления Генерального штаба.

В 1-й части книги генерала Маниковского на странице 27 указана иная цифра. «Списочная численность наших регулярных войск, – пишет генерал Маниковский, – согласно отчета военного министра о деятельности Военного министерства в 1914 г., была к началу войны около 1 232 738 человек».

Из этих строк неясно, включены ли в эту цифру казаки. В нее не включен также личный состав флота. Вот почему мы и считаем более правильным приведенное выше число в 1 423 000. Это число повторяется еще в одном документе, с которым автору пришлось лично ознакомиться в октябре 1917 г., когда он был назначен Временным правительством на замену генералу Алексееву в качестве главного представителя России на Конференцию Верховного союзного командования, назначенную в ноябре месяце в Версале. Готовясь к этой командировке, ему пришлось внимательно изучать все документы Ставки. На основании этих документов автором тоже была установлена цифра 1 423 000 для определения численности русской вооруженной силы накануне общей мобилизации.

Численность призванных при мобилизациях запасных чинов определяется в вышедшей в 1923 г. в Петрограде советской книге «Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг.» так:[67]

[66] Донесения генерала Нокса, который во время войны имел возможность получать справки из всех штабов Действующей армии и всех отделов Военного министерства, отличаются большой точностью. Поэтому как исторический материал они представляют большую ценность.

[67] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. С. 125, 126.

Сроки мобилизации	
17/30 июля 1914 г. 2 500 000	запасные чины
15/28 сент. 1914 г. 100 000	запасные чины в Приамурском и Казанском военных округах
18/31 июля — 26 авг. 43 000 (8 сент.) 1914 г.	нижние чины запаса флота

Статья, в которой приведены эти цифры, озаглавлена «Численность Русской армии в войну 1914–18 гг.» и принадлежит перу некоего Л. Н. Сазонова. В этой статье, как и в других статьях упоминаемой книги, встречается много ценного цифрового материала. Но некомпетентность Л. Н. Сазонова в данном случае бросается сейчас же в глаза. Прежде всего «первым» днем русской общей мобилизации является не 17(30) июля 1914 г., как он помечает в своей таблице, а 18 (31) июля 1914 г.

Установленный Л. Н. Сазоновым итог мобилизованных запасных в 2 643 000 внушает большие сомнения.

Интереснее всего то, что на странице, предшествующей (124) составленной Л. Н. Сазоновым таблице, им же приводится цитата из служившей основанием его таблицы записки министра внутренних дел; в этой цитате говорится:

«С начала войны, при общей мобилизации и при дополнительных призывных нижних чинов запаса армии и флота, поступило их на военную службу всего около 2 630 000 человек и казаков 360 000 человек…»

Таким образом, мы видим, что Л. Н. Сазонов упустил при составлении своей таблицы ни более ни менее, как 360 000 казаков. Просчитав их, мы получим общий итог призванных запасных нижних чинов, равный 2 990 000, т. е. в 3 миллиона.

Но к этому числу следует еще прибавить число призванных из запаса офицеров, врачей и классных чинов.

Вот почему мы считаем, что нужно признать несравненно более верной цифрой ту, которая приведена в таблице № 2 книги «Россия в мировой войне 1914–18 гг.», а также в упоминаемом выше донесении генерала Нокса, а именно:

3 115 000 человек.

Генерал-майор Добророльский, бывший в 1914 г. начальником Мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба, поместил в «Русском военном сборнике»,[68] издающемся в Белграде, статью под заглавием «О мобилизации Русской армии в 1914 году». В этой статье генерал Добророльский указывает, что наш «запас» достигал 3 500 000 человек. Но, по-видимому, он считает в категории «запасных» и тех ратников, которые были по истечении 39-летнего возраста перечислены в ополчение I разряда.

[68] № 2.

Еще более сложным представляется установить численность призванных ратников ополчения, так как призывы их делались разновременно и раздельно для разных частей России.

Ратники ополчения I разряда, перечисленные из запаса, т. е. лица в возрасте 40–43 лет (класса 1895–1892 гг.), отбывшие в свое время действительную военную службу, были призваны уже на 5-й день общей мобилизации, 22 июля (4 августа) 1914 г.

Общая численность их равнялась 400 000. Эта цифра указана в упомянутых выше обоих советских изданиях[69] и в донесении генерала Нокса.

Одновременно с этими пожилыми людьми были призваны в Европейской России также часть ратников I разряда 4-х младших классов (классы 1913–1910 гг., возраста 22–25 лет). Число этих призванных 22 июля (4 августа) 1914 г. ратников I разряда тоже равняется 400 000 человек.

Затем в течение первого года войны, т. е. до 19 июля/1 августа 1915 г., согласно представления военного министра от 21 июля/3 августа 1915 г.[70] в Государственную думу и Государственный совет, призвано было:

Ратников I разряда	1 580 000

Эти полтора миллиона ратников I разряда были призваны в Европейской России:

22 сентября/4 октября 1914 г.	
классы 1913—1909 (возраст 22—26 лет)	300 000
12/25 ноября и 20 ноября/3 декабря 1914 г.	
классы 1913—1903 (возраст 22—32 лет)	200 000
2/15 января 1915 г.	
классы 1914—1902 (возраст 22—34 лет)	480 000
1/14 апреля 1915 г.	
классы 1915—1900 гг. (возраст 21—36 лет)	600 000
	1 580 000

[69] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. С. 125; Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). (Издание Центрального статистического управления.) С. 17, 18.

[70] № 2218 по Главному управлению Генерального штаба.

Согласно ст. 1752 Сборника узаконений 15/28 августа 1915 г. были призваны в Европейской России ратники I разряда классов 1916—1898 гг. (возраст 20—38 лет). Это дало 300000

В этот же день были также подняты ратники I разряда в Сибири и Туркестане — классы 1916—1898 гг. (возраст 20—38 лет) и на Кавказе — классы 1916—1910 гг. (возраст 20—26 лет). Это дало[1] ..... * 50 000

5/18 сентября 1915 г. начался призыв ратников ополчения II разряда. В этот день были подняты в Европейской России и в Сибири классы: 1916—1912 гг. ратников II разряда (возраст 20—24 лет). Это дало..... ** 90 0000

15/28 сентября 1915 г. призваны были:

а) ратники I разряда в Приамурском генерал-губернаторстве, классы 1916—1898 гг. (возраст 20—38 лет)..... ** 25 000

б) ратники II разряда в Приамурском генерал-губернаторстве, классы 1916—1912 гг. (возраст 20—24 года)..... ** 25 000

15/28 октября 1915 г. на Кавказе были призваны ратники I разряда, принадлежавшие к классам 1909—1906 гг. (возраст 27—30 лет) ..... * 30 000

30 октября/12 ноября 1915 г. в Европейской России и в Сибири были призваны ратники II разряда классов 1911—1910 гг., возраст 25 и 26 лет ..... * 400 000

[1] Цифры, помеченные знаком «*», помещены в таблице № 2 издания Центрального статистического управления «Россия в мировой войне (в цифрах)»; помеченные знаком «**» – там же и на с. 125 «Трудов Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг.».

В течение всего 1916 г., согласно отчету о деятельности Военного министерства за этот год, призвано было ратников в количестве 2 040 000 человек.[71]

Распределение этих двух миллионов ратников по призывам можно предположить таким:

[71] Краткий отчет о деятельности Военного министерства за 1916 г.

1(14) февраля 1916 г.:

а) ратники I разряда на Кавказе,

классов 1905—1903 гг. (возраст 32—35 лет) 25 000

б) ратники II разряда в Европейской России и Сибири, классы 1909—1908 гг. (возраст 28—29 лет) 300 000

25 марта (7 апреля) 1916 г.:

а) ратники I разряда в Европейской России и Сибири, классов 1916—1897 гг. (возраст 21—40 лет) 105 000

б) ратники II разряда в Европейской России и Сибири, классы 1907 и 1906 гг. (возраст 30—31 год) ..... * 300 000

25 августа (7 сентября) 1916 г.:

а) ратники I разряда на Кавказе, классы 1902—1898 гг. (возраст 35—39 лет) 40 000

б) Ратники II разряда (за исключением Кавказа), классы 1905—1903 гг. (возраст 32—34 года) ..... * 360 000

в) ратники II разряда на Кавказе, классы 1916—1910 гг. (возраст 21—27 лет) ..... * 50 000

20 сентября (2 октября) 1916 г.:

а) ратники I разряда в Европейской России и Сибири, классы 1896—1894 гг. (возраст 40, 41 и 42 года) ..... * 150 000

б) ратники II разряда (за исключением Кавказа), классы 1902—1900 гг. (возраст 35—37 лет) ..... ** 360 000

25 октября (7 ноября) 1916 г.:

ратники II разряда (за исключением Кавказа), классы 1899—1896 гг. (возраст 38—41 год) ..... ** 350 000

2 040 000

В январе 1917 г. были призваны на Кавказе ратники II разряда, классы 1909—1906 гг. (возраст 29—32 года) 30 000

Революция, вспыхнувшая в начале марта 1917 г., прекратила дальнейшие призывы ополчения.

Таким образом, мы получаем в итоге следующую численность призванных ратников ополчения:

I разряда перечисленных из запаса	400 000
не проходивших действительной военной службы	2 705 000
II разряда	3 075 000
	6 180 000

С самого же начала войны выяснилась необходимость досрочного призыва новобранцев. Мы упоминали уже в первой главе нашего труда, что наше законодательство не предвидело в полной мере этой необходимости. Пришлось в течение войны расширить права Военного министерства в этом отношении.

В классах 1914, 1915 и 1916 гг. лица, пользовавшиеся правами ратников ополчения, мобилизовались отдельно, но, начиная с класса 1917 года, этого различия не делалось, что сразу дало большое увеличение в контингенте новобранцев.

Класс 1914 г. был призван 1/14 октября 1914 г. (возраст 21 год) и дал 715 389 (Собрание узаконений, ст. 1217).

Класс 1915 г. был призван 1 5/28 января 1915 г. (возраст 21 год) и дал 673 335 (Собрание узаконений, ст. 3529).

Класс 1916 г. был призван 1 5/28 мая 1915 г. (возраст 20 лет) и дал 632 000 (Собрание узаконений, ст. 754).

Класс 1917 г. был призван 7/20 августа 1915 г. (возраст 19 лет) и дал 932 022 (Собрание узаконений, ст. 1597).

Класс 1918 г. был призван 1 5/28 мая 1916 г. (возраст 19 лет) и дал 908 000 (Отчет военного министра за 1916 г.).

Класс 1919 г. был призван 3/16 февраля 1917 г. (возраст 19 лет). Установить для него точную численность нам не удалось. В издании советского Центрального статистического управления и в донесении генерала Нокса приведена одна и та же цифра…….. 609 000.

Мы считаем ее меньше действительной, хотя несомненно, что вспыхнувшая в начале марта революция и создавшийся вследствие этого хаос способствовали значительному уклонению новобранцев от призыва.

В итоге в течение войны было поднято новобранцев:

4 460 000

Наконец, в течение войны было произведено переосвидетельствование забракованных белобилетников, запасных и ратников класса 1916–1910 гг., что позволило призвать еще

** 200 000[72]

Сводя все вышеприведенные данные, мы получим следующую таблицу:

[72] Отчет военного министра за 1916 г. указывает, что в отчетный год (1916) было привлечено на пополнение армии переосвидетельствованных 100 000 белобилетников.

Численность людей, призванных в Русскую армию во время мировой войны[73]

	Состояло в армии до мобилизации, тыс.	Чины запаса, тыс.	Ратники I разряда		Ратники ополчения II разряда	Новобранцы	Белобилетники	Итого
			Перечисленные из запаса	Не проходившие д. в. службы				
1	2	4	5	6	7	8	9	10
1914 г.								
Состояло в армии до мобилизации	1423	—	—	—	—	—	—	1423
Призывы								
18 июля	—	3135	—	—	—	—	—	3115
22 июля	—	—	400	400	—	—	—	800
22 сентября	—	—	—	300	—	—	—	300
1 октября	—	—	—	—	—	715	—	715
12—20 ноября	—	—	—	200	—	—	—	200
Итого в 1914 г.	1423	3115	400	900	—	715	—	6553
1915 г.								
2 января	—	—	—	480	—	—	—	480
15 января	—	—	—	—	—	673	—	673
1 апреля	—	—	—	600	—	—	—	600
15 мая	—	—	—	—	—	632	—	632
7 августа	—	—	—	—	—	932	—	932
15 августа	—	—	—	350	—	—	—	350
5 сентября	—	—	—	—	900	—	—	900
15 сентября	—	—	—	25	25	—	—	50

[73] Даты в таблице по старому стилю.

15 октября	—	—	—	30	—	—	—	30
30 октября	—	—	—	—	400	—	—	400
Итого в 1915 г.	—	—	—	1485	1325	2237	—	5047
1916 г.								
В январе	—	—	—	—	—	—	100	100
1 февраля	—	—	—	25	300	—	—	325
25 марта	—	—	—	105	300	—	—	405
15 мая	—	—	—	—	—	908	—	908
25 августа	—	—	—	40	410	—	—	450
20 сентября	—	—	—	150	360	—	—	510
25 октября	—	—	—	—	350	—	—	350
Итого в 1916 г.	—	—	—	320	1720	908	100	3048
1917 г.								
10 января	—	—	—	—	30	—	—	30
7 февраля	—	—	—	—	—	600	—	600
В течение года	—	—	—	—	—	—	100	100
Итого в 1917 г.	—	—	—	—	30	600	100	730
ОБЩИЕ ИТОГИ								
К 31 дек. 1914 г.	1423	3115	400	900	—	715	—	6553
К 31 дек. 1915 г.	1423	3115	400	2385	1325	2952	—	11 600
К 31 дек. 1916 г.	1423	3115	400	2705	3045	3860	100	14 648
К 1 окт. 1917 г.	1423	3115	400	2705	3075	4460	200	15 378

Таким образом, по нашему подсчету, за всю войну было мобилизовано около *15 1/2 миллиона человек*.

В «Трудах комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг.» на странице 125 общая численность призванных в армию людей исчисляется в 15 миллионов.

В издании же Центрального статистического управления «Россия в мировой войне 1914–1918 гг.» на страницах 17 и 18 эта численность указана равной 15 123 тысячам.[74]

Мы настаиваем, что наша цифра (15 378 тысяч) ближе подходит к действительности. Подтверждение этому можно найти при изучении ряда других документов.

В ноябре месяце 1916 г. Государю была подана всеподданнейшая записка 28 членов Государственной думы и Государственного совета, бывших участниками Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства.

[74] В донесении генерала Нокса эта численность определяется в 15 150 тысяч человек.

В этой записке общее число призванных в армию к ноябрю 1916 года считается достигающим 14 1/2 миллиона. Согласно составленной нами таблицы, это число к 31 декабря 1916 г. равняется 14 648 000; в ноябре и декабре не было призывов, поэтому можно констатировать близкое совпадение обеих цифр.

4/17 сентября 1917 г. последний военный министр Временного правительства генерал Верховский пишет письмо временно исполнявшему обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего генералу Алексееву, в котором указывается, что число людей, взятых из населения, превосходит 15 миллионов. Если принять во внимание, что к этому времени, согласно постановлению[75] Временного правительства, было уволено от военной службы 350 000 солдат, достигших 43-летнего возраста, и прибавить это число к 15 миллионам, указанным в сентябре 1917 г. Верховским, мы получим 15 350 тысяч. Опять можно констатировать совпадение с нашими исчислениями.

Интересный материал для проверки числа призванных в армию людей представляют собою данные об обеспечении правительственным пайком семей мобилизованных. Эти данные можно найти в издании Центрального статистического управления «Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах)», в таблице 41[76] только что указанного труда, составленной на основании материалов Министерства внутренних дел, приведены по третям года сведения о количестве выдаваемых пайков, а также о числе мобилизованных. В нижеследующей таблице мы приводим эти данные, сопоставляя их с численностью призванных, согласно исчислению нашей вышеприведенной таблицы.

Сравнение устанавливаемой нами численности мобилизованных людей с данными Министерства внутренних дел, выведенными на основании выдаваемых правительством пайков

[75] От 1 апреля 1917 г.; см.: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). С. 19.

[76] См. также примечание к таблице 40, приведенное на с. 15.

	По данным Министерства внутренних дел, тыс.		Установленное нами выше число мобилизованных, тыс.
	Число выдаваемых пайков	Число мобилизованных людей	
1	2	3	4
К 1 января 1915 г.	10 000	6520	6553
1915 г.			
К 1 марта	11 300	7700	7706
К 1 июня	12 300	8850	8938
К 1 сентября	15 800	11 200	11 220
К 1 декабря	15 300	11 470	11 600
1916 г.			
К 1 марта	19 300	11 790	11 925
К 1 июня	20 900	12 940	13 238
К 1 сентября	22 300	13 400	13 688
К 1 декабря	25 000	14 420	14 648
1917 г.			
К 1 марта	26 700	15 030	15 278
К 1 июня	33 100	14 070 (?)	
К 1 сентября	36 600	14 300 (?)	15 378

Сравнивая 2-й и 3-й столбцы таблицы, мы увидим, за исключением нижних двух цифр, близкое совпадение. Относительно же последних двух цифр во втором столбце нельзя не предположить, что здесь вкралась какая-то ошибка; между 1 марта и 1 июня 1917 г. число наших мобилизованных никак не могло уменьшиться на 1 миллион. Не вкралась ли здесь простая опечатка и вместо 15 миллионов было напечатано 14 миллионов? При той небрежности, с которой в советских изданиях обращаются с цифрами, это вполне возможно.[77]

В октябре месяце 1917 г., когда автор готовился к поездке на указанную выше Конференцию Верховного командования, по его просьбе в Ставке был произведен подсчет людской силы, взятой из населения в армию за всю войну. Цифра, записанная автором, достигала 15 800 000. Таким образом, принятая нами округленная цифра в 15 1/2 миллиона не является преувеличенной.

[77] Как на пример подобной небрежности, мы можем указать на таблицу № 5, напечатанную на странице 211 выпуска I «Трудов Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг.»: четыре итога из двенадцати неверно подсчитаны.

Распределение призывов по возрастам

Обратимся к рассмотрению, как распределялись сроки призывов по возрастам (классам). В приводимой ниже схеме № 5 указаны сроки призыва различных категорий нашей людской силы. Из этой схемы легко убедиться, насколько неравномерно ложилось бремя воинской службы на возрастные слои населения России.

В самом деле, 43-летний ратник ополчения (класса 1892 года), перечисленный из запаса, призывается в июле же 1914 года. В течение первых трех месяцев войны из прочих ратников ополчения призываются только ратники I разряда не старше 26 лет. В следующие три месяца войны мобилизуются тоже только ратники I разряда. Еще более различия в требованиях государства к своим гражданам обнаружим, если мы включим в наше сравнение и ратников ополчения II разряда. Их призыв начался только на второй год войны, после нашего отступления из Галиции, Польши и Литвы, и только тогда, когда почти весь контингент ратников I разряда был исчерпан (были уже призваны 38-летние).

Таким образом, нам приходится еще раз констатировать тот факт, что наш закон делил население на три категории: 1) прошедших действительную военную службу, 2) ратников I разряда и 3) ратников II разряда, предъявляя к каждой из них весьма различные требования. Причем это громадное различие в требованиях закона, как мы указывали в первой главе нашего труда, определялось, по существу говоря, совершенно случайными условиями, так как положение семьи мобилизуемого во внимание не принималось.

Различия в требованиях государства значительно увеличивались еще тем, что в мобилизациях ратников ополчения одного и того же возрастного класса, производимых в различных районах России, существовала большая разница во времени. Последняя сказывалась не только между Европейской Россией, Кавказом и Азиатской Россией, но и между губерниями самой Европейской России. Отсутствие учета ратников ополчения в мирное время[78] вносило еще большую пестроту в общую картину мобилизации.

Отсутствие материалов не позволяет нам представить точную картину возрастного состава армии в различные периоды войны.

Для всего состава 15 1/2 миллиона, призванных в войска за время всей войны, на основании приведенных нами выше данных можно установить распределение по возрастам, указанное в нижеследующей таблице.

Распределение по возрасту 15 1/2 миллиона призванных

Возраст	Численность	%
моложе 20 лет	2 500 000	16 %
20—29 лет	7 600 000	49 %
30—39 лет	4 600 000	30 %
40 лет и старше	800 000	5 %

Принимая во внимание, что законоположения о всеобщей воинской повинности распространялись в 1917 г. на 150 000 000 населения, что моложе 20 лет военноспособным следует считать 18- и 19-летний возраст, а что старше 40 лет были призваны лишь 41-, 42-, 43-

[78] Кроме 4 младших возрастов ополчения I разряда и ратников, перечисленных из запаса.

летние, мы получим следующее процентное отношение призванных к общей численности мужчин соответствующей возрастной группы.

Какой % в каждой возрастной группе мужчин был призван в войска

Возрастная группа	% призванных
Моложе 20 лет (18 и 19 лет)	ок. 40 %
20—29 лет	ок. 50 %
30—39 лет	ок. 40 %
40 лет и старше (40, 41, 42 и 43 лет)	ок. 30 %

Из вышеприведенных двух таблиц можно уже видеть, что правильного использования возрастов не было; люди, если можно так выразиться, самого боевого возраста, 20–29 лет, составляют лишь 49 % из общего числа призванных и 50 % своей возрастной группы. Это приводило к необходимости призвать старшие возрасты. Между тем, как мы уже выше говорили, Россия могла иметь самую молодую армию.

Если бы нам удалось установить возрастной состав призванных по периодам войны, то неправильность использования возрастов должна была бы явиться в первые периоды ярче, чем в приведенных нами цифрах, относящихся ко всей войне.

Территориальное распределение тяготы призывов

Отсутствие должной предусмотрительности нашего законодательства о всеобщей воинской службе, а также недостаточно продуманная организация этого важного государственного вопроса приводили также к неравномерности напряжения людьми для различных территорий России. Опять мы не можем дать полную картину этой пестроты результатов призывов людей под знамена. Но для того чтобы дать хотя бы общее представление, мы предлагаем вниманию читателя схему № 6.[79] В ней на основании данных сельскохозяйственной переписи 1917 г. мы нанесли, какой процент трудоспособных мужчин был мобилизован в большинстве губерний Европейской России. Из этой схемы мы увидим, что напряжение людьми было весьма различно для различных губерний Европейской России. Оно колеблется от 34,2 % для Екатеринославской губернии и до 53,3 % для Курской. Малый процент для Екатеринославской губернии может быть объяснен наличностью большого числа горнорабочих и рабочих металлургических заводов. Количеством фабрично-заводских рабочих может быть объяснен сравнительно низкий процент мобилизованных в губерниях Петроградской (39,7 %) и Пермской (36,8 %), но одна эта причина не дает исчерпывающего объяснения. Различие в напряжении людьми для разных местностей еще более возрастет, если мы возьмем всю территорию России. Тогда минимум опустится до нуля (Финляндия) и максимум возрастет до 60 % (для Акмолинской области).

Изучение схемы позволяет прийти к заключению, что русское крестьянство несло не только абсолютно, но и относительно большее напряжение людьми, чем другие классы населения.

К такому же выводу мы придем, если рассмотрим процентное распределение количества пайков и размера продовольственных пособий, выдаваемых по закону 25 июня 1912 г. семействам мобилизованных запасных чинов и ратников ополчения.[80] Средние для всей войны проценты выражаются в следующих цифрах:

	Выдано в сельских местностях	Выдано в городах
Из общего количества пайков	91,5	8,5
Из общей суммы продовольственного пособия	91,8	8,2

В 1914–1917 гг. доля городского населения России составляла около 15 %. Даже приняв во внимание большую среднюю величину семей сельского населения по сравнению с городским, все-таки мы получим как вывод, что сельское население жертвовало кровь своих сынов в большей мере, чем городское.

На схеме № 7 указана кривая для доли выданных в городе пайков и пособий. Из обеих кривых мы увидим, что 1 июня 1915 г. оба процента повышаются. Это совпадает с исчерпанием всего контингента запасных чинов и ратников I разряда, а также с тремя досрочными призывами новобранцев. Правительство приняло ряд мер для борьбы со злом «амбюски-

[79] Цифровой материал заимствован из издания Центр. статист. управления «Россия в мировой войне», таблица 6; эта таблица воспроизведена в приложении № 1 к этой главе.

[80] Данные эти приведены в таблице № 42 книги «Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах)».

рования» среди городского населения. После 1 июня 1915 г. рассматриваемые нами проценты имеют тенденцию уменьшаться. По-видимому, это можно объяснить тем, что усиление заводской и фабричной деятельности для изготовления потребных армии снабжений потребовало дополнительных рабочих рук и их в первую очередь дало городское население. К сентябрю месяцу 1916 г. исчерпывается и запас ратников II разряда, и было произведено еще два досрочных призыва новобранцев. Правительство вновь приняло энергичные меры по проверке лиц, освобожденных от призыва в войска.

К началу Февральской (мартовской) революции рассматриваемые нами проценты резко падают. Городское население острее переживает первые судороги народного бунта. Падение правительственной власти облегчает уклонение от призыва. После первого приступа революции оба процента начинают повышаться, но уже не достигают больше уровня начала войны.

«Мираж» многолюдья

Во второй главе нашего труда мы указали, что всякое отвлечение рабочих рук было для России более чувствительным, чем для западноевропейских государств, стоящих на высшем культурном уровне. Цифры, приведенные в сельскохозяйственной переписи 1917 г., в этом отношении очень показательны. Согласно этим цифрам, относящимся к подавляющей массе населения России, в армию было взято 47,4 % трудящихся мужчин, участвующих в производственном процессе, т. е. около половины. Между тем 15 1/2 миллиона мобилизованных составляли по отношению к общей численности населения (167 миллионов) всего 9,3 %, а если при исчислении этого процента исключить инородцев и население местностей, освобожденных законом от воинской повинности, то получим его равным 10 %.

Для Франции, Великобритании и Германии исчерпание половины населения, участвующего в производственной работе, наступило только тогда, когда процент призванных в войска достиг 18–20 % от общей численности населения.

Но меньшая способность России к напряжению «людьми» не была принята во внимание ни нашими союзниками, ни нами самими.

Общественное мнение наших союзников с особой надеждой взирало на многолюдье России, видя в этом главный козырь для победы над Германией. Британская печать очень любила уподоблять роль России паровому катку «steam roller».

В этом легко убедиться, просмотрев статьи военных корреспондентов английской «Times». Считалось, что Германия не в состоянии будет устоять перед тяжестью этого воображаемого «steam roller», надвигающегося с востока, и, таким образом, ожидалось, что путь к победе будет «укатан» неисчерпаемостью запаса людей России.

Военное министерство генерала Сухомлинова недалеко ушло от этой обывательской точки зрения.

В воспоминаниях британского военного агента генерала Нокса,[81] в главе, посвященной событиям лета 1915 г., записаны следующие строки:

«Русский Генеральный штаб не питал никаких опасений относительно укомплектования армии людьми. Генерал Беляев[82] сказал, что хотя потери в настоящую войну превзошли всякое воображение, даже в том случае, если бы война затянулась года на два и потери продолжались в тех же размерах, мы не встретим никаких затруднений в комплектовании».

А между тем, как мы видели из изложенного выше в этой главе, в середине июня 1915 г. почти весь контингент ратников ополчения I разряда был исчерпан. Это означало израсходование всего запаса людей, которые, согласно нашему закону о воинской повинности, могли быть взяты в ряды действующих войск.

Сменивший как раз в это время генерала Сухомлинова генерал Поливанов стоял перед необходимостью приступить к пополнению действующей армии ратниками ополчения II разряда, но это противоречило существующему закону.

Новый военный министр генерал Поливанов вполне отдает себе отчет, что призыв ратников II разряда должен вредно отразиться на психологии народных масс, привыкших считать, что ратник II разряда не может быть призван воевать.

В своих мемуарах[83] генерал Поливанов так описывает свои первые шаги в этом вопросе: на заседании Совета министров, имевшем место 1 6/29 июня в Петербурге, по его предложению министры, «признавая, что при современном состоянии умов внутри импе-

[81] With the Russian Army 1914–1917. P. 268.

[82] Начальник Генерального штаба, один из сотрудников генерала Сухомлинова.

[83] Мемуары А. А. Поливанова. С. 149.

рии призыв новобранцев, явление, обычное в глазах населения, предпочтительнее призыва ратников II разряда, которого население не ожидает (что уже отмечено было и в заседании 14 июня в Ставке[84]), постановили: прежде чем Совету министров принять окончательное решение, ведомству Военному и внутренних дел обсудить, какой порядок нужно установить, чтобы призыв новобранцев был осуществлен не после обычных подготовительных работ, требующих почти год времени, а в срок весьма краткий. Достижением таковой краткости срока устранена была побудительная причина к оказанному Военным ведомством предпочтению призыва ратников II разряда, подготовка к которому уже сделана».

Несмотря на все нежелание Военного министерства призывать в действующую армию ратников II разряда, эту меру, конечно, миновать было нельзя. Но проводить это краеугольное изменение закона приходится в обстановке общественного неудовольствия, порожденного катастрофой в боевом снабжении. Это неудовольствие выражается в возросшем недоверии Государственной думы к правительству, недоверии, которое не могло быть всецело погашенным увольнением от должности военного министра Сухомлинова и назначением на эту должность угодного думским кругам генерала Поливанова.

[84] 14 (27) июня в Ставке под председательством Государя императора состоялось заседание Совета министров, на котором присутствовали также Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич и его начальник штаба.

Пополнение действующей армии ратниками II разряда

Очень интересные указания об отношении членов правительства к вопросу о призыве ратников II разряда и о тех затруднениях, которые они встретили при проведении этого вопроса в жизнь, можно найти в напечатанных ныне записях секретных заседаний Совета министров с 1 6/19 июня по 2/15 сентября 1915 г..[85]

В заседании 4/17 августа председатель Совета министров И. Л. Горемыкин спрашивает: «Что же, Дума намерена ли исполнить обещание ускорить разрешение законопроекта о ратниках II разряда? Когда этот вопрос будет закончен?»[86]

После этого вопроса последовал следующий обмен мнений:

А. А. Поливанов (военный министр): «Я неоднократно уже напоминал об этом, но пока безуспешно. Между прочим, от меня комиссия[87] настойчиво требует общих объяснений о положении на театре войны и о состоянии снабжения. Оговариваюсь, что по первому вопросу надо обратиться в Ставку, а второй в военное время не подлежит оглашению перед законодательными учреждениями. Мне думается, что без удовлетворения этого желания мы не дождемся закона о ратниках».

П. А. Харитонов (государственный контролер): «Не могли бы вы повернуть вопрос в обратном порядке; пусть Дума немедленно рассмотрит этот закон, а вы за это сообщите ей сведения о военном положении, насколько позволят интересы соблюдения военной тайны».

Князь Б. Н. Щербатов (министр внутренних дел): «Во всяком случае, было бы, безусловно, важно провести закон о ратниках II разряда через Государственную думу. Я должен отметить, что наборы с каждым разом проходят все хуже и хуже. Полиция не в силах справиться с массой уклоняющихся. Люди прячутся по лесам и в несжатом хлебе. Если станет известным, что призыв ратников II разряда производится без санкции Государственной думы, то боюсь, что при современных настроениях мы ни одного человека не получим. Агитация идет вовсю, располагая огромными средствами из каких-то источников».

И. К. Григорович (морской министр): «Известно, из каких – немецких».

Князь Б. Н. Щербатов: «Подстрекатели, конечно, не упустят предлога и создадут на этой почве беспорядки и волнения. Не могу не указать перед Советом министров, что агитация принимает все более антимилитаристический или, проще говоря, откровенно пораженческий характер. Ее прямое влияние – повальные сдачи в плен».

А. Д. Самарин (обер-прокурор Святейшего синода): «Как ни печальны слова князя Бориса Николаевича, но они подсказаны нашей безотрадной действительностью. Однако я считал бы неправильным ставить себя в этом вопросе всецело в зависимость от усмотрения Думы. Лучше как-нибудь обойтись без ратников II разряда. В тылу блуждает масса серых шинелей; нельзя ли найти им более полезное применение времени на фронте?»

А. В. Кривошеин (главноуправляющий землеустройством и земледелием): «Замечательно хорошо Александр Дмитриевич (Самарин) формулировал положение по существу и с точки зрения отношений к Государственной думе. Если нас хотят прижать законом о ратниках, то мы не должны поддаваться на эту удочку. Не мне судить о технической стороне дела, но обилие разгуливающих земляков по городам, селам, железным дорогам и вообще по всему лицу земли Русской поражает мой обывательский взгляд. Невольно напрашивается вопрос, зачем изымать из населения последнюю рабочую силу, когда стоит только прибрать

---

[85] Архив Русской революции. Т. XVIII. «Тяжелые дни», составлено А. Н. Яхонтовым, бывшим помощником управляющего делами Совета министров.

[86] Архив Русской революции. Т. XVIII. С. 38.

[87] Государственной думы по военным и морским делам. (*Прим. Н. Г.*)

к рукам и рассадить по окопам всю эту толпу гуляк, которая своим присутствием еще более деморализует тыл. Однако этот вопрос относится к области запретных для Совета министров военных дел…»

В заседании 16 (29) августа[88] председатель Совета министров И. Л. Горемыкин вновь обратился к военному министру с вопросом, в каком положении находится рассмотрение Государственною думою законопроекта о призыве ратников II разряда. Генерал Поливанов ответил, что пока вопрос тянется в комиссии и конца еще не видно. На это А. В. Кривошеин заметил:

«Это тоже тактический прием, чтобы отдалить перерыв занятий. Нам надо ответить также тактическим приемом: спросить Государственную думу во всеуслышание, желают ли гг. народные представители защищаться против немцев или же они считают излишним посылать армии необходимые пополнения. При этом надо поставить минимальный срок для завершения разработки закона. Если же наше требование не будет исполнено в срок, то неизбежно придется Думу распустить, а призыв ратников провести манифестом».

«В таком смысле, – заключил обмен мнений И. Л. Горемыкин, – я и просил бы военного министра переговорить в Думе и предупредить, что правительство категорически настаивает».

Только что приведенные выдержки записи очень рельефно рисуют обстановку политического недоверия во взаимоотношениях между правительством и народным представительством. Вместе с этим министры сознают и свое собственное бессилие перед страной. Особенно показательны в этом отношении слова министра внутренних дел князя Щербатова («Если станет известным, что призыв ратников II разряда производится без санкции Государственной думы, то боюсь, что при современных настроениях мы ни одного человека не получим»). Не лишено также интереса, насколько некоторые из министров далеки от понимания требований, предъявленных войной. А. Д. Самарин полагает, что можно обойтись без привлечения в ряды сражающихся ратников II разряда, заменив их дезертирами. Эту наивную мысль поддерживает А. В. Кривошеин, который думает, что только стоит «рассадить по окопам всю эту толпу гуляк, которые своим присутствием еще более деморализуют тыл», и защита страны будет налажена.

19 августа/2 сентября состоялось рассмотрение в Государственной думе законопроекта о порядке призыва и назначения ратников государственного ополчения II разряда.

Речь, сказанная при прохождении этого законопроекта в Государственной думе председателем думской Комиссии по военно-морским делам А. И. Шингаревым,[89] представляет собой исключительный интерес.

В ней один из виднейших наших депутатов сам обрисовывает отношение Государственной думы к изменению закона о ратниках ополчения II разряда. Без сопоставления вышеприведенных выдержек из заседаний Совета министров с речью А. И. Шингарева может создаться слишком одностороннее представление об отношении нашего парламента к вопросам обороны страны. Вместе с тем речь А. И. Шингарева настолько полно излагает интересующий нас вопрос, что и в этом отношении нуждается быть цитируемой в значительной своей части.

Текст выдержки из этой речи приводится нами согласно стенографическому отчету Госдумы (секция 4; заседание 12; 19 августа 1915 г.).

---

[88] Архив Русской революции. Т. XVIII. С. 73.

[89] А. И. Шингарев принадлежал к конституционно-демократической партии (ка-дэ); по своей деятельности за время III и IV Думы в бюджетной комиссии был близко знаком с деятельностью Военного министерства.

Речь члена государственной думы А. И. Шингарева

«Гг. члены Государственной думы! Вопрос, который стоит у нас на очереди, – о призыве ратников II разряда, конечно, является самым серьезным вопросом в деле нашей обороны. В комиссии военно-морской, прежде чем перейти к этому вопросу, мы сочли себя обязанными подробнейшим образом выяснить, в каком положении находится дело снабжения нашей армии. Прежде чем сознательно расширять требование Военного министерства дать ему новые сотни тысяч для пополнения армии, мы должны были спросить их: а в каком положение вооружение этой армии, снабжение ее снарядами, ружьями, патронами для того, чтобы положение людей, которых мы дадим, не было печальным, чтобы эти люди не были безоружными? Мы должны были далее спросить их: в каком положении дело обучения набираемых вами людей, какова убыль в нашей армии, для того чтобы нам знать, на что вам нужно такое большое количество людей? Все эти вопросы, как знают члены военно-морской комиссии и многие г.г. депутаты не члены, присутствовавшие в наших заседаниях, подробнейшим образом и в течение многих дней были в нашей комиссии рассмотрены. Господа, картина, которая нам предстала в этом обсуждении, – печальная картина. Мы должны сказать, что на ответственности прошлых деятелей Военного министерства[90] и отчасти и ныне работающих лежит громадный недостаток в нашей армии в предметах снаряжения и оборудования. Мы должны сказать на основании опыта работ нашей комиссии, что огромные жертвы людьми, которые несет наша армия, лежат на ответственности преступного бездействия прошлых управителей военными делами. (*Голоса: правильно, верно.*) Мы считаем, что эта громадная ответственность должны принудить власти и следственную комиссию к тому, чтобы эти деятели печального прошлого понесли заслуженную кару. (*Голоса: правильно, верно…*)

В еще более неприглядном положении до последнего времени состояло дело обучения людей для подготовки к боевым делам. В армии справедливо жаловались, что приходящие туда на пополнение частей запасные недостаточно обучены, что они приходят сплошь и рядом невооруженные, не имеющие достаточного опыта обращения с оружием, не имеющие достаточного навыка к самым необходимым приемам военного дела. В этом отношении был нами разобран вопрос и об офицерском составе, и об обучении в запасных батальонах, и о привлечении к делу обучения целого ряда лиц, которых знания к тому дают возможность.

Мы получили категорические заверения, что чистка существующего офицерского состава, занимающего иногда должности, которые могут занимать и иные лица, будет произведена с тем, чтобы в запасные батальоны были набраны более опытные учителя.

Затем в комиссии настойчиво раздавались голоса о том, что предварительно совершенно необходимо привлечь в ряды войск такие элементы, которые уже являются в достаточной степени обученными; такими элементами являются элементы, служащие в нашей полиции, низшие и высшие. Здесь вы найдете значительное количество нижних чинов, специально обученных владеть оружием, годных для призыва немедленно в армию.

Это пожелание, которое уже дважды высказывалось Государственной думой, к сожалению, встречает непреодолимое сопротивление со стороны Министерства внутренних дел.

Но тем не менее, господа, это не дает достаточного запаса людей для пополнения армии и для изгнания врага из пределов нашей родины. Потери, которые мы несли и несем, чрезвычайно громадны. Нам было сообщено, что в месяц необходимо по крайней мере 300 000 или 400 000 человек для пополнения только одной убыли в армии. Если такого пополнения не производить своевременно, если не немедленно пополнять войсковые части, то наша армия

[90] Генерала Сухомлинова и его сотрудников. (*Прим. Н. Г.*)

в отдельных ее частях может почти растаять, и тогда не будет даже живой стены, которая способна сдерживать натиск врага.

Следовательно, нужда в пополнении настолько велика и настолько остра, по объяснениям представителей Военного министерства, что силою обстоятельств, силою горькой нужды приходится иногда, под давлением спешных требований начальников армий, с места посылать недостаточно подготовленные части.

Так как пополнение армии велось и не систематически, и не своевременно, так как обучение внутри империи не было достаточно организовано, то получилось такое положение, что все, что призывается, в очень скором времени попадает в войска. Сначала обучали два месяца, потом стали обучать месяц, посылая после четырехнедельного обучения людей малопригодных.

В настоящее время Военное министерство, по-видимому, правильно – насколько мы можем судить – предпринимает другой опыт, который, по-видимому, предпринят и нашим врагом значительно раньше. Оно желает сразу в несравненно большем количестве, чем ежемесячная убыль, призвать в ряды новобранцев огромное количество людей. В настоящее время произошел призыв 1917 г. Он дает около 700 000–800 000 человек. Дальше призываются ратники I разряда более старых годов; эти старые года пойдут на охрану дорог, на службу по железным дорогам, караулам и т. д., а их более молодые сотоварищи, уже состоящие в рядах войск, могут отправиться в действующую армию. Затем предстоит призыв по тому законопроекту, который мы обсуждаем и который дает право призыва целой категории ратников II разряда. По объяснениям представителя ведомства, предполагается в начале сентября призвать четыре или шесть ранних сроков этих ратников II разряда. Это даст по каждому сроку около 200 000–250 000 человек, т. е. свыше миллиона людей, да, кроме того, остаются те, которые призваны по 17-му году, – свыше 700 000 человек. Быть может, таким образом около двух миллионов человек ведомство получит в свое распоряжение. Отдельные части этих миллионов будут, к сожалению, в первое время посылаться на укомплектование убыли в войсках, а остальная масса будет подготовляться внутри империи более продолжительным обучением – 4, 5, 6, быть может, месяцев, с тем чтобы создать новую грозную силу в тот момент, когда у нас будет достаточное количество орудий, снарядов, ружей и патронов.

Вот надежды ведомства, вот и наши надежды: через несколько месяцев из этой массы обучаемых людей получить достаточно грозную силу для того, чтобы отразить врага.

Конечно, недостаточно еще снабжения, оборудования, вооружения; недостаточно еще и массы людей; нужно, чтобы у этой массы были и командиры и вожди. Наблюдается у нас здесь и полное отсутствие достаточного плана, проводимого систематически в нашей кампании; было много нареканий и на отдельных лиц, не стоявших на высоте своего долга вождей. Особенно тяжелое впечатление произвели в комиссии сведения, полученные по поводу сдачи целого ряда наших крепостей, – удручающие, позорные картины прошли перед нашими глазами в этом отношении и чрезвычайно взволновали членов комиссии.

Нет достаточной связи и между внутренним управлением воинскими делами и тем, что делается в управлении армии на месте. Комиссия не раз высказывала настойчивые пожелания о том, чтобы такое единение Ставки и Военного министерства осуществлялось более планомерно, чтобы Ставка вполне знала, что имеется внутри, и Военное министерство вполне знало, что должна иметь Ставка, чтобы общий план и объединение общей работы на дело обороны были проведены в этом управлении, чтобы не было такого странного средостения, такого двоевластия, которое только портит и губит дело.

Запас еще не взятых людей у нас достаточно велик: количество ратников II разряда исчисляется приблизительно в четыре с небольшим миллиона людей. При этом запас такой, что последний его возраст является уже материалом не очень боеспособным. Как показал опыт призыва ратников I разряда старых годов, этот материал не очень годен для современ-

ной тяжелой войны. Следовательно, в запасе мы имеем четыре с лишком миллиона лиц. Следует отнестись несколько осторожно к последним его годам. Затем имеется запас ратников I разряда; он небольшой, и только более взрослые сроки. Наконец, предполагается призвать, быть может, в будущем году родившихся в 1897 году; 18-летних юношей. Но тот, кто видел набор современный, 1917 г., кто видел этих полуподростков, полудетей, конечно, он должен прийти к выводу, что этим материалом требуется пользоваться с осторожностью, его необходимо беречь до крайней степени и лишь в самой острой нужде прибегать к нему.

Понятно, необходимость заставит, быть может, делать и это, но комиссия, разбирая этот вопрос о людском запасе, вспомнила и о том, что есть значительная категория населения, до сих пор не отбывающая воинской повинности; таковых около 20 000 000; это так называемое инородческое население: мусульманское население Закавказья, население Туркестана, инородцы Сибири и т. д., киргизы и пр..[91] Эти элементы населения, до настоящего времени не отбывая воинской повинности никогда, с этим даже сами мириться не желали; они считали это обидным, оскорбительным для них. Мы знаем такие заявления со стороны киргизов, со стороны мусульман Закавказья; они недоумевали, почему они не должны, не могут отбывать воинской повинности. Приблизительно 10 000 000 душ мужского населения этих групп – следовательно, если вы даже будете считать 5 % этого населения годным для военного дела, то вы получите запас около 500 000 человек.

Вы видите, господа, что в деле людского запаса хотя мы имеем громадное преимущество над нашим врагом, хотя мы можем продолжать борьбу еще долгие и долгие месяцы, пользуясь этим запасом, но мы все же должны сказать нашему Военному министерству: помните, что эти запасы уже последние запасы; помните, что вы должны к ним относиться чрезвычайно бережно; помните, что вы не должны подобно вашим предшественникам так вести дело, чтобы мы тратили даром и зря людей. Дорога, бесценна, господа, кровь этих людей, проливаемая за Родину; отнеситесь к ним вдумчиво, берегите каждую отдельную человеческую жизнь; постарайтесь – и в этом ваш главный долг, – невзирая ни на какие препятствия, не слушая никаких влиятельных людей, дать этим людям лучших учителей, и лучших командиров, и лучших вождей.

Такова, господа, в общем, сущность данного законопроекта». (*Рукоплескания слева, в центре и справа*.)

Приведенная речь А. И. Шингарева чрезвычайно полно очерчивает то положение дел, которое создалось в России к осени 1915 г. в отношении использования ее людского запаса. Довольно резким диссонансом с общим серьезным и обоснованным характером речи звучит то место, где А. И. Шингарев требует от правительства снять полицию, чтобы послать ее воевать.

Вот что пишет по этому поводу член Государственной думы Б. А. Энгельгардт,[92] игравший большую роль в работах думской Комиссии по военным и морским делам. Прения, которые вызвало обсуждение законопроекта о призыве ратников II разряда в ряды действующих войск, «показали, насколько даже члены Думы мало уясняют себе размеры потребности в людях как фронта, так и тыла. По почину крайнего правого крыла Государственной думы было внесено пожелание об отправке чинов полиции на фронт. Пожелание это было горячо поддержано крайними левыми в лице Керенского. Мера эта неминуемо должна была губительно отозваться на нашей полиции. Замена опытных полицейских новичками-инвалидами, конечно, должна была ослабить один из устоев, обеспечивающих внутренний порядок

[91] Население Финляндии. (*Прим. Н. Г.*)

[92] Специально составленная по просьбе автора монография; тетрадь II, с. 33–36; рукопись хранится в архиве Carnegie Endowment for International Peace.

в стране, и это могло даже входить в программу деятельности революционно настроенной партии, но непонятной в данном случае является тактика правых. Она может быть объяснена лишь полным незнакомством с действительным положением вещей. Тщетно докладчик законопроекта пытался разъяснить, что замена старослужащих полицейских инвалидами, подрывая силу полиции в тревожное время войны, не принесет существенной пользы нашей армии. Действительно, число городской и сельской полиции не достигало и 345 тысяч человек,[93] из коих всего лишь 2/3 находились в возрасте, подлежавшем призыву. Месячная же потребность нашей армии в пополнениях превышала 300 тысяч, и мы, следовательно, ценой разгрома нашей полиции, при отправке на фронт всех полицейских чинов призывного возраста, т. е. 30 тысяч человек, могли дать армии лишь одну десятую ее месячного пополнения. И несмотря на явную несообразность меры, против которой горячо протестовал представитель Министерства внутренних дел, пожелание о проведении ее в жизнь прошло голосами правого и левого крыла Думы».

Таким образом, в вопросе о привлечении полиции речь А. И. Шин гарева делала уступку, с одной стороны – примитивности мышления, а с другой стороны – политическим настроениям. В прочих частях эта речь, как мы уже отметили, высоко поднимается над мелким обывательским уровнем. Возмущение деятельностью Сухомлинова в Военном министерстве есть выражение всеобщего возмущения в широких общественных кругах и в армии; глубоким предвидением звучит предупреждение против очень распространенного мнения о неисчерпаемости людского запаса России. Но что более всего поражает исследователя в речи Шингарева, это заключительные слова его речи. В них он затрагивает самую существенную отрицательную черту, свойственную издавна русскому военному искусству, а именно – малую бережливость крови своих войск. Является ли эта малая бережливость следствием влияний восточного коллективизма, мало ценящего индивидуальную жизнь? Было ли это следствием недостаточной подготовленности высшего командного состава? Автор думает, что это было следствием всего сложного комплекса причин, вызвавших общее запоздание развития России по сравнению с западноевропейскими народами. Замечательно то, что этот основной грех русского полководчества замечен был еще Петром Великим, требовавшим побед «малой кровью».

[93] Сведения эти были получены из Департамента полиции в 1915 г.

Доклад особого совещания о приближающемся исчерпании людского запаса

К концу 1916 г. контингент ратников ополчения II разряда близился к исчерпанию. Россия стояла перед казавшимся недопустимым для обыденного представления затруднением в пополнении своей вооруженной силы людским составом. Первые тревожные голоса опять раздались в среде наших представительных учреждений. 28 членов Государственной думы и Государственного совета, входившие в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства,[94] сочли своим долгом обратиться по этому поводу через председателя Государственной думы М. В. Родзянко к верховной власти.

Окончательная редакция этой замечательной записки принадлежит члену Государственного совета Владимиру Иосифовичу Гурко.

Полный текст этой записки нигде еще не был опубликован. Поэтому мы считаем полезным полностью привести его здесь.[95]

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Участвуя более года в трудах учрежденного по мысли ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, мы почли своим долгом ознакомиться со всеми вопросами, касающимися организации нашей армии, в том числе и с такими, обсуждение которых выходит за пределы поставленной Совещанию задачи, признавая, что для правильного разрешения каких бы то ни было относящихся до обороны вопросов необходима осведомленность по всем мероприятиям, направленным к подготовлению победы. Пока вопросы, не входящие в компетенцию Особого совещания, не представлялись нам исключительно важными и имеющими общегосударственное значение, мы, придерживаясь деятельности, предуказанной Положением об Особом совещании, не почитали себя обязанными высказывать по ним свое мнение. Но в настоящее время, ГОСУДАРЬ, перед нами предстал вопрос, по нашему пониманию, настолько важный для судьбы нашего Отечества и притом настолько тревожный и даже грозный, что мы, не имея полномочий поднять этот вопрос в Особом совещании, почли своим долгом в качестве ВАШИХ верноподданных обратиться по его поводу непосредственно к ВАМ, ГОСУДАРЬ, и это тем более, что угрожающая нашему отечеству опасность может быть устранена только мероприятиями, исходящими от верховной власти. Вопрос этот касается дальнейшего комплектования личного состава нашей армии, требующей ныне ежемесячного пополнения в количестве 300 тысяч человек. Из прилагаемой при сем таблицы видно, что, за исключением призванных до сих пор в войска 14 1/2 миллиона людей, в России из общего ее людского запаса в 26 миллионов военнообязанных в возрасте от 18 до 43 лет осталось 11 1/2 миллиона. Количество это на первый взгляд огромное, могущее еще в течение долгого времени питать

[94] Об учреждении этого Совещания мы будем говорить в главе девятой.

[95] Копия этой докладной записки, хранившаяся на руках члена Государственной думы Б. А. Энгельгардта, передана в библиотеку Carnegie Endowment for International Peace.

нашу армию. Однако ближайшее рассмотрение тех категорий людей, из которых слагается эта цифра, приводит к обратному выводу. В ее состав входят: 1) два миллиона людей, состоящих из оставшихся в занятых неприятелем областях, эмигрантов и незаконно уклонившихся от несения военной службы, 2) пять миллионов людей, совершенно не годных по их физическим недостаткам к ношению оружия (цифра эта, конечно, приблизительная и выведена на основании того результата, который дало производящееся частично переосвидетельствование белобилетников) и 3) три миллиона людей, не могущих быть взятыми из страны, так как они составляют то минимальное число работоспособных лиц мужского пола, которое необходимо для деятельности промышленности, работающей на оборону, обслуживания железнодорожного движения и обеспечения личного состава различных отраслей государственного управления.

Таким образом, исключив перечисленные три категории военнообязанных, свободный остаток населения для пополнения за его счет нашей армии сведется всего приблизительно к полутора миллионам людей, причем он делится на две почти равные части, а именно: на молодых людей 18-летнего возраста, составляющих призыв 1919 года и, несомненно, представляющих после достаточного обучения прекрасный боевой материал (около 750 тысяч), и на людей, перешедших 40-летний возраст либо страдающих физическими недостатками, не препятствующими ношению оружия, а именно – ратников II разряда сроков 1894 и 1895 годов (около 150 тысяч) и тех белобилетников, которые после их переосвидетельствования могут быть признаны годными для включения в войска (около 600 тысяч). Вот этот-то двухсоставный и далеко не в полной мере одинаково ценный боевой материал, численностью в полтора миллиона людей, составляет весь наш свободный людской запас армии в стране, а следовательно, при дальнейшем пополнении нашей армии в количестве 300 тысяч человек в месяц нам через пять месяцев придется вести войну, расходуя запасные батальоны – эту основу боевой мощи всякой армии – без возможности их пополнения.

Но, быть может, путем соответствующего изменения действующего законодательства в стране можно найти новый человеческий материал, до сих пор не привлекавшийся к деятельной обороне государства в рядах войск? В этом направлении мыслимы, однако, лишь две меры: призыв в войска инородцев, не несущих воинской повинности, и привлечение лиц старше 43 лет, примерно до 50 лет, как это установлено во вражеских нам государствах.

Из этих двух мер, однако, лишь первую можно признать и желательной, и даже необходимой, особенно в отношении некоторых воинственных племен, неохотно идущих в рабочие команды, в которые некоторые из них включены, но могущих дать прекрасный боевой материал. Полагать, однако, что этот источник даст значительный контингент, нельзя как по относительной малочисленности вообще наших, не отбывающих воинскую повинность инородцев, так и по невозможности сразу взять из их среды весь пригодный для армии людской материал. Что же касается людей старших возрастов, свыше 43 лет, то призыв их в войска, по нашему крайнему разумению, совершенно недопустим, даже независимо от того, что люди эти в своем преобладающем большинстве не явятся ни бойцами, ни даже

хорошими тыловыми работниками, а лишь лишними ртами, кормящимися трудом оставшейся при мирных занятиях части населения.

Действительно, ГОСУДАРЬ, тут перед нами восстает другой вопрос, не менее тревожный, нежели вопрос о дальнейшем комплектовании армии, и притом неразрывно с ним связанный, – все более остро ощущаемый в стране недостаток рабочих рук во всех важнейших отраслях народного труда, в том числе и в производствах, работающих на удовлетворение всех многочисленных и обширнейших потребностей армии. За последнее время какое бы мероприятие, направленное к расширению той или иной отрасли нашей промышленности, работающей на армию, ни обсуждало Особое совещание, оно неизменно встречалось с одним и тем же препятствием – людей нет. Даже производство столь необходимых для нас тяжелых снарядов, за которое энергично принялось Артиллерийское ведомство, встречается с тем же затруднением. Так, еще весьма недавно начальник Главного артиллерийского управления указывал Особому совещанию, что, если ему не будет дано откуда бы ни было 30 тысяч рабочих, он не может серьезно наладить производство тяжелых снарядов и что он сам этого количества рабочих набрать не в состоянии. То же явление и в частной промышленности, на которую опирается военная. В шахтах не хватает людей для добычи угля, у доменных печей – для выплавки металла соответственно повышенной потребности в них. Заводы занимаются систематическим переманиванием рабочих друг у друга, что породило даже мысль об издании особого, для борьбы с этим злом, закона. Малолюдье отражается в равной степени и на всей сельской жизни. Величайшее затруднение в продовольственном деле испытывается отчасти из-за того, что ослаб гужевой промысел – некому везти хлеб на станции. Свеклосахарные заводы за недостатком людей не были в состоянии выкопать и свезти весь урожай свеклы. Сельскохозяйственные работы – молотьба и осенняя вспашка – прошли с запозданием, и притом при крайнем напряжении всего сельского населения.

Словом, весь государственный механизм и все народное хозяйство испытывают совершенно явный недостаток в людях. На это возможно, казалось бы, возразить, что количество населения, призванное в войска, в процентном отношении к общему его количеству у нас менее значительно, нежели у наших врагов и особенно у нашей союзницы Франции: у нас оно составляет около 10 %, а во Франции достигло 16 %. Но положение народного хозяйства в Западной Европе и у нас не может быть сравнимо: наши огромные пространства с разбросанным на них редким населением и слабо развитыми городскими центрами, недостаточная сеть железных дорог при непроездности в течение некоторой части года большинства грунтовых дорог наряду с расположением месторождений металлов и горючего, столь необходимых для изготовления боевых припасов, в отдаленных от многих металлургических заводов местностях империи, наконец, наши климатические условия, требующие много труда по охранению от зимней стужи, также по борьбе со снежными заносами, – все это вызывает необходимость у нас такой добавочной работы, а следовательно, и лишних рабочих рук, которой не знает Западная Европа. Наконец, сравнительная ничтожность у нас по сравнению, например, с Францией механических двигателей (в 1908 г. число паровых лошадиных сил во Франции было в 15

раз больше, нежели у нас) и меньшая, обусловленная многими причинами производительность русского рабочего по сравнению с западноевропейским рабочим приводит к тому, что отвлечение у нас от производительной работы 10 % населения едва ли не тяжелее отзывается на общем ходе народного хозяйства, нежели во Франции 16 %.

В частности, нельзя не указать, что включение в ряды войск многих квалифицированных рабочих, общее число коих у нас вообще незначительно, с неизбежной заменой их на заводах рабочими, к сложным производствам либо специальным работам не привычными, повлекло за собой увеличение общего числа заводских рабочих без соответственного увеличения производительности заводов. Особенно это отразилось на добыче угля, где увеличение числа рабочих с 170 тысяч до 250 тысяч из-за замены опытных углекопов неопытными лишь незначительно увеличило общую добычу угля. Наряду с этим недостаток не только механиков, но даже простых слесарей и кузнецов достиг таких пределов, что отражается даже на сельских работах благодаря невозможности производить простейший ремонт сельскохозяйственных орудий. Между тем пространство нашей посевной площади в одной Европейской России, исключив область, занятую врагом, превышает 72 миллиона десятин, а сенокос – 20 миллионов десятин, что почти достигает пространства всей территории Франции и Германии, взятых в совокупности. Обработать и убрать эту исполинскую земельную площадь одной лишь мускульной человеческой силой, без содействия специальных орудий оставшееся на местах население не в состоянии. Возвращение из рядов войск квалифицированных рабочих для их использования в тылу страны соответственно их специальности настоятельно требует необходимость извлечь из каждого человека тот максимум плодотворной работы, который он в состоянии дать. Между тем несомненно, что польза, могущая быть принесенной, например, опытным слесарем в заводской работе на оборону страны, безмерно больше, нежели та польза, которую можно из него же извлечь в окопах.

Из вышеизложенного, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, изволите усмотреть, что дальнейшее пополнение армии за счет людского запаса в стране в размере 300 тысяч человек в месяц не только совершенно неисполнимо, но что вообще включение в ряды войск сколько-нибудь значительной части оставшегося в стране взрослого мужского населения, всецело занятого работой, так или иначе связанной с той же обороной государства, без вящего расстройства всего государственного организма невозможно. При этом оставшаяся на местах рабочая сила, за исключением очередного призыва 1919 г., принося огромную пользу в тылу страны, не даст как по своему возрасту, так и по своим физическим недостаткам пригодного материала для армии. Означает ли, однако, это обстоятельство, что дальнейшее увеличение числа наших бойцов, что сохранение всей боевой мощи нашей армии невозможно? По нашему глубокому убеждению – отнюдь нет. Непоколебимо убежденные в безусловной необходимости довести войну до победного конца и твердо уверенные в конечном торжестве русского оружия, мы усматриваем способ сохранения нынешнего числа бойцов нашей армии в мероприятиях двух различных порядков. К первому относится пополнение боевой части нашей армии за счет ее тыла; ко второму – уменьшение ежемесячной убыли наших людей на фронте.

Ни одна из армий воюющих держав не имеет столь громадных тылов, как наша; так, во Франции численный состав тыла, не считая запасных батальонов, относится к численности фронта как один к двум, у нас как два с четвертью к одному, т. е. в четыре с лишком раза больше. Конечно, наши местные условия, те самые условия, которые требуют оставления при мирных занятиях большей доли работоспособного мужского населения, нежели это необходимо на Западе, обусловливают у нас иное соотношение тыловых частей армии к ее фронту, нежели у наших союзников, но все же не в той пропорции, как ныне. На явление это приходится обратить тем большее внимание, что оно проявляет явную наклонность к дальнейшему разрастанию: наши тыловые части неуклонно увеличиваются, и притом за счет фронта, за счет бойцов армии, что особенно резко обнаружилось в течение летних месяцев текущего года.

Нам известно, ГОСУДАРЬ, что ВЫ изволили обратить ВАШЕ внимание на это, осмеливаемся прямо сказать, грозное явление и соответственный приказ отдан по армии, но мы глубоко убеждены, что одним распоряжением это зло не прекратить. Для получения действительных результатов нам представляется необходимой командировка специальных лиц во все тыловые части, в том числе и в запасные батальоны, хозяйственное управление коих также непомерно разрослось, с соответственными широкими полномочиями для доведения тыловых частей до минимума. Очистка тылов от лишних людей необходима не только для пополнения армии свежими силами, но и для оздоровления самих тыловых частей, наличность в коих праздных людей неизбежно их деморализует. Между тем уменьшение тыловых частей хотя бы на одну четверть даст новый контингент бойцов в миллион с лишком людей, т. е. значительно больше, нежели может ныне безболезненно дать страна, и притом неизмеримо высшего по физической выносливости качества. Наряду с этим существенно облегчило бы пополнение убыли армии увеличение числа раненых, возвращающихся по их выздоровлении в ряды войск. В этом отношении, несомненно, имело бы значение прекращение эвакуации в глубь страны легкораненых при одновременном оборудовании для этой категории пострадавших лечебных заведений в непосредственном тылу армии. Мера эта была отчасти осуществлена в армии генерала Лечицкого и дала хорошие результаты. Проводимая в широком масштабе, она не только избавит от необходимости лишней переброски на дальние расстояния значительного числа людей, нередко в таких условиях, которые отнюдь не способствуют их скорейшему выздоровлению, но одновременно сохранит в более близком соприкосновении с войсками и военной дисциплиной легко пострадавших, причем обеспечит возможность возвращать людей в свои части, что само по себе имеет немалое значение.

Между тем при нынешней системе, когда раненые всех категорий эвакуируются в глубь страны, резкая разница между условиями жизни в тяжелой обстановке окопов и вообще фронта и тем уютом, которым раненые пользуются в лечебных заведениях, расположенных внутри страны, неминуемо и естественно порождает в эвакуированных стремление так или иначе уклониться от возвращения в строй. И с этим внутренним настроением нельзя не считаться, так как, в конечном результате, на нем и зиждется дух армии. Однако, какой бы запас новых сил для фронта ни заключали

наши тыловые части и какой бы контингент ни дали возвращающиеся на фронт раненые, все же при дальнейшем пополнении армии 300 тысяч человек в месяц и этих запасов при том затяжном характере, который приняла война, не хватит. К уменьшению размера этих пополнений, т. е. к сокращению потерь армии, должны быть силою вещей, следовательно, направлены усилия боевых начальников.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! В начальном периоде войны ВАМ угодно было высказать мысль, которая глубоко запала в сердца многих ВАШИХ верноподданных. Обращаясь 1 октября 1914 г. к произведенным в офицеры пажам и юнкерам, ВЫ изволили сказать: «Помните еще, что я вам скажу: Я нисколько не сомневаюсь в вашей доблести и храбрости, но МНЕ нужна ваша жизнь, так как напрасная убыль офицерского состава может повести к тяжелым последствиям. Я уверен, что, когда нужно будет, каждый из вас охотно пожертвует своей жизнью, но решайтесь на это лишь в случае исключительной необходимости, иначе прошу вас беречь себя».

Мудрая мысль, заключенная в царских словах, к сожалению, не была в должной степени воспринята нашей армией и ее частными начальниками: принцип бережливости людской жизни не был в ней достаточно осуществлен. Молодые офицеры, несмотря на указания ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, не берегли себя; не берегли их, а с ними вместе и армию и высшие начальники. В армии прочно привился иной взгляд, а именно – что при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь к победе преимущественно ценою человеческой крови. В результате в то время, как у наших союзников размеры ежемесячных потерь их армий постепенно и неуклонно сокращаются, уменьшившись во Франции по сравнению с начальными месяцами войны почти вдвое, у нас они остаются неизменными и даже обнаруживается склонность к их увеличению. Настоятельно необходимо внушить всем начальствующим лицам, что легкое расходование людской жизни, независимо от чисто гуманитарных соображений, недопустимо, потому что человеческий запас у нас далеко не неистощим. Это необходимо не только для сохранения всей боевой мощи нашей армии до победоносного окончания войны, но и для обеспечения работ тыла, при дезорганизации которого потребности армии невозможно будет удовлетворить.

Широкое развитие и применение различных предохранительных мер, как то: касок, наплечников, более усовершенствованных укрытий и окопов, вот к чему мы должны ныне прибегнуть, а главное, в основу всех тактических мероприятий должно быть положено стремление заменить энергию, заключающуюся в человеческой крови, силою свинца, стали и взрывчатых веществ.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! Наш долг, как ВАШИХ верноподданных и как членов Особого совещания по обороне, повелительно требует от нас сказать, что материальные средства Российской армии растут с каждым днем и что при условии сохранения в стране достаточной рабочей силы наладится массовое производство тяжелых снарядов и принимаемые чрезвычайные меры для увеличения нашего артиллерийского вооружения и для усиления нашей воздушной разведки дадут должные результаты и что было бы ужасно, если в ту минуту, когда Россия будет вполне снабжена орудиями,

снарядами и воздушными боевыми средствами, у нее не хватило бы людей, т. е. именно той силы, которая почиталась у нас до сей поры неисчерпаемой.

Основываясь на всем вышеизложенном, мы осмеливаемся представить на благоусмотрение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА следующие меры, по нашему глубокому убеждению, безусловно, необходимые:

1) Отказ от дальнейшего увеличения нашей армии за счет оставшегося в стране населения, за исключением очередного призыва 1919 г., а по достижении ими 18-летнего возраста и дальнейших годов.

2) Постепенное привлечение к военной службе инородцев, к тому законом ныне не обязанных.

3) Возвращение на заводы квалифицированных рабочих с заменою их соответствующим числом подлежащих освидетельствованию и признанных годными для несения военной службы белобилетников и оставшихся в стране ратников II разряда.

4) Увеличение фронта армии, числа ее бойцов за счет тыловых ее частей, в частности, устройство лечебных заведений для легкораненых вблизи фронта, без эвакуации их в глубь страны.

5) Бережливое расходование человеческого материала в боях при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верноподданные члены Государственного совета и Государственной думы, участники Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства.

(Следуют подписи).

В приложении № 2 к настоящей главе приведен ответ Ставки на только что цитированную записку. Этот ответ подписан временно заменявшим больного генерала М. В. Алексеева генералом Василием Иосифовичем Гурко (братом составителя вышеупомянутой записки).

Пусть читатель сам сравнит оба документа: записку и ответ на нее. Мы же считаем, что предостерегающий голос народных представителей был ближе к действительности, чем официальный оптимизм Ставки.

Читая ответ генерала Гурко, нельзя не видеть, что Ставка прикладывает к России масштаб, приложимый к несравненно более развитым в культурном и экономическом отношениях западноевропейским государствам. В ошибочности оценки Ставкой российских возможностей можно убедиться из следующего факта. Одновременно с рассматриваемой нами перепиской Ставка разрабатывает вопрос о формировании так называемых третьих дивизий; путем превращения пехотных полков из 4-батальонных в 3-батальонные и с добавлением лишних 4 батальонов на каждые две дивизии создавалась совершенно новая пехотная дивизия. Нужную для этих «третьих дивизий» материальную часть и пехотное вооружение предполагалось достать, обобрав и без того бедные в этом отношении существующие пехотные дивизии и полки. Таким образом, Ставка шла по совершенно иному пути, чем тот, на который совершенно правильно указывала выше приводимая записка членов Государственной думы и Государственного совета: «…заменить энергию, заключающуюся в человеческой крови, силою свинца, стали и взрывчатых веществ».

В вышедшей в 1931 г. книжке (№ 4) «Вестника военных знаний» (изд. в Сараево) генерал В. И. Гурко в статье «Чрезвычайно неудачная по замыслу реформа» выступил на защиту сформированных по его замыслу «третьих дивизий». Возражая мне, генерал В. И. Гурко пишет о том, что артиллерией для этих «третьих дивизий» должны были служить «пози-

ционные» батареи, существовавшие уже во французской и германской армиях, они имели своим назначением усиливать «органическую» артиллерию дивизии, занимающей позиции, а не заменять ее. Наш фронт и без того был значительно «плотнее» людьми, нежели противостоящий нам фронт немцев и австро-венгров, и страдал недостатком артиллерии. Нам нужно было его усиливать орудиями и пулеметами; «реформа» же генерала Гурко еще более усиливала его людьми.

Вот почему я и считаю себя вправе с еще большей уверенностью утверждать, что в конце 1916 г. наша Ставка совершенно не отдавала себе отчета в грозящем России исчерпании ее людского запаса, а также, что на верхах нашего командования не была осознана мысль, что против современного оружия нельзя бороться «пушечным мясом».

Последнее подтверждается чрезвычайно знаменательными словами В. И. Гурко: «Намеченная реформа одним росчерком пера увеличивала число этих основных боевых единиц (пехотных дивизий) на 50 %».

Пехотная дивизия действительно является основной боевой единицей, но боевой она является только тогда, когда она имеет надлежащей силы органическую артиллерию. Без этого она – не боевая единица, а только «запас» людей. Таким образом, одним росчерком пера генерала В. И. Гурко были сформированы не «дивизии», а «запасные бригады».

Сформирование «третьих дивизий» совпало с революцией. Представляя собой «пасынков» в отношении офицерского состава и материальной части (ибо «старые» полки сплавляли в «третьи дивизии» все второсортное), с не устоявшимся солдатским составом, без боевых традиций, эти дивизии стали первыми жертвами революционных настроений. Они быстро превратились на фронтах в очаги революционной заразы, и, уже начиная с апреля месяца, началось их расформирование.

Военное министерство, обновившееся с увольнением от должности министра Сухомлинова, начало больше понимать истинное положение вещей, нежели Ставка. Объясняется это также тем, что, являясь непосредственным распределителем людского запаса страны, оно первое же и должно было ощутить то, что источники этого запаса близятся к исчерпанию.

Письмо военного министра генерала Шуваева

В письме (№ 1497) от 8/22 декабря 1916 г. военный министр генерал Шуваев, сменивший на этом посту генерала Поливанова, пишет временно исполняющему должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего генералу В. И. Гурко:

«Я неоднократно обращал внимание начальника Штаба Верховного главнокомандующего, генерала Алексеева, как в личных беседах, так и в письменных с ним сношениях (письмо от 13 сентября с.г. № 3279, секретн.), на предстоящее в ближайшем будущем израсходование оставшихся не призванными контингентов военнообязанных, вследствие чего для поддержания до своего состава армии в штатном комплекте настоятельно необходимо наискорейшее принятие самых решительных мер как для достижения возможно бережливого расходования высылаемых в армию пополнений, так и для изыскания в самой армии источников дальнейшего пополнения ее боевого состава путем самого решительного сокращения ее небоевого состава, превышающего боевой по меньшей мере в 2 раза.

Независимо от сего по моим указаниям образованная при Главном управлении Генерального штаба междуведомственная комиссия, в работе которой принимал участие и помощник дежурного генерала при Верховном главнокомандующем, тщательно и всесторонне обсуждала и наметила целый ряд мер, самое энергичное и наискорейшее проведение коих в жизнь является настоятельно необходимым для обеспечения дальнейшего пополнения армии.

Без энергичного, и притом в самых широких размерах, осуществления намеченных означенной комиссией мер дальнейшее пополнение потерь армии станет в скором времени совершенно невозможным, о чем свидетельствуют нижеследующие данные:

1) После осуществления 25 октября с.г. призыва ратников II разряда сроков призыва 1899–1896 гг., т. е. людей в возрасте 38–41 лет включительно, остаются не призванными только два возраста ратников II разряда (все же возрасты ратников I разряда уже призваны) сроков призыва 1895 и 1894 гг., т. е. возраст 42 и 43 лет. Из них ратники призыва 1894 г. после 1 января перейдут предельный 43-летний возраст и потому не могут уже быть призваны на военную службу. Что же касается ратников призыва 1895 г., то в 1917 году эти ратники будут приближаться к 43-летнему предельному возрасту, вследствие чего, а также малой их физической годности для военной службы и настоятельной необходимости в интересах государственной обороны оставления рабочих рук не только в работающих на оборону промышленных предприятиях, но и в переживающем острый кризис (вследствие недостатка рабочих рук) сельском хозяйстве от призыва этих ратников необходимо отказаться или, во всяком случае, не призывать их ранее, чем будут проведены в жизнь все другие намеченные меры для пополнения армии более молодыми контингентами, ныне тем или иным путем не попавшими в ее боевой состав.

2) Таким образом, для дальнейшего пополнения армии могут быть призваны в течение всего 1917 года только:

а) Молодые люди, родившиеся в 1899 году, коим к 1 января 1917 года исполнилось 18 лет и которые при нормальных условиях подлежали бы призыву только в 1919 г. (молодых людей, родившихся в 1900 году, кои достигнут 18-летнего возраста только к январю 1918 г., призвать ранее января 1918 г. нельзя вследствие их физического недоразвития). Призыв их предположено произвести в январе 1917 г., дабы иметь возможность начать высылку их в армию по окончании не менее как 8-недельного обучения, со второй половины апреля 1917 года. Вследствие занятия противником значительного пространства территории государства, вероятного большого процента не пригодных для службы по физическому недоразвитию и необходимости предоставления отсрочек призыва тем юношам, кои окажутся на важнейших

работах государственного значения, надо ожидать, что этот досрочный призыв новобранцев 1919 г. в лучшем случае даст 700 000 человек.

б) Белобилетники, переосвидетельствование которых производится непрерывно, за исключением лишь тех периодов времени, когда внимание присутствия занято призывом в мобилизационном порядке ратников или новобранцев; эта мера может дать в течение 1917 года годных для строевой службы до 100 000 человек. Таким образом, оба указанных источника дадут в лучшем случае всего лишь до 800 000 человек.

Кроме того, по данным к 16 ноября с.г., в переменном составе запасных пехотных полков Петроградского, Одесского и внутренних округов состояло солдат, пригодных для отправления с маршевыми ротами (считая годными и лица в возрасте до 40 лет включительно), до 1 500 000 человек. Вполне же годных для строя и по возрасту, каковыми до последнего времени по соглашению со Штабом Верховного главнокомандующего, признавались лица только в возрасте до 36 лет включительно, среди означенных 1 500 000 человек насчитывается не более 900 000 человек.

Принимая во внимание, что для пополнения потерь в армии штаб Верховного главнокомандующего признает необходимым высылку ежемесячно в среднем 300 000 человек, можно сказать, что имеющихся в распоряжении Военного министерства контингентов хватит для продолжения войны лишь в течение 6–9 месяцев».

Далее в письме военного министра сообщалось, что вышеизложенные соображения были доложены 29 ноября (12 декабря) 1916 г. в Царском Селе Государю Императору ввиду поданной членами Государственной думы и Государственного совета цитированной нами выше всеподданнейшей записки.

При докладе военного министра был представлен следующий перечень источников укомплектования строевого состава армии, которые были намечены междуведомственной комиссией при Главном управлении Генерального штаба и энергичное и решительное использование которых являлось, по мнению военного министра, настоятельно необходимым. Перечень этот сохранился в делах Ставки (Дело Ставки, № 80–172 л., 154).

ПЕРЕЧЕНЬ

источников комплектования строевого состава армии

I. Военнообязанные,

не находящиеся на действительной военной службе

1. Уклонившиеся

Самовольно (поверка, установление особых удостоверений, ответственность за уклонение).

Путем поступления на особый учет, в различные организации, работающие на оборону и т. п.

(Поверка, ответственность как уклонившегося, так и способствовавших уклонению.)

2. Получившие отсрочку

По ст. 348 Устава о воинской повинности.
(Срок, отсрочка заместителям.)
По закону 6 декабря 1915 г.
(Меры сокращения отсрочек и меры против злоупотреблений.)

3. Освобожденные от службы
По ст. 33 Устава о воинской повинности занимающие известную должность. По разновременно последовавшим Высочайшим повелениям: а) отдельным ходатайствам, б) возвращение в предприятия, работающие на оборону, в) возможность снятия с предприятия молодых возрастов.

4. Освобожденные от назначения в войска и зачисленные по призыву в предприятия и учреждения по ст. 319, по ст. 443, по ст. 445 Устава о воинской повинности (поверка и контроль, обращение к населению).

II. Находящиеся на действительной военной службе

1. Дезертиры (осмотры, облавы).
2. Отпускные, просрочившие отпуск, также командированные с различными поручениями (строгий учет отпускных и командированных, поверка, осмотры. Содействие местных гражданских властей).
3. Пересмотр и сокращение штатов. (Ст. 28 Полевого управления и постановления Военного совета.)
4. Недопущение прикомандирования сверх штата.
5. На должности, занимаемые по штату, по вольному найму назначать не военнообязанных, в крайнем случае не годных к строю. (Приходится давать отсрочки.)
6. Санитары (строго по штату каждого учреждения. Замена молодых возрастов женским трудом).
7. Организация Земгора, Земсоюза и пр. Штат, замена и порядок назначения специалистов и простых рабочих.
8. Отмена именных переводов и назначений, за исключением самого ограниченного количества специалистов по технической части. (Приказание начальника Штаба Верховного главнокомандующего.)

III. Меры

1. Немедленные, в целях скорейшего сбора военнообязанных и нижних чинов.
2. В целях пресечения уклонений в будущем. Установление ответственности непосредственных виновников и пособников.

Рассматривая вышеприведенный перечень, мы видим, что приближающееся исчерпание людского запаса России заставило Военное министерство обратить внимание на несостоятельность наших законоположений о воинской повинности. Даваемые этим законом изъятия представляли собой как бы щели, через которые в большом количестве утекал от службы в действующих войсках вполне боеспособный элемент. Приходилось произвести генеральный пересмотр всех этих изъятий и внимательно проверить их применение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.